РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ «ИСТОРИЯ, ФИЛОЛОГИЯ»

Председатель совета серии

В. И. Молодин — акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев — д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев — канд. ист. наук, доцент (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов — чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола — д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек — д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц — д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв — чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик — д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)

А. П. Деревянко — акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер — д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Н. Л. Жуковская — д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН, зав. Центром азиатских и тихоокеанских исследований, Россия)

О. Д. Журавель — д-р филол. наук, доцент (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Импости — д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич — д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Польша)

С. М. Коткин — д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин — чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ока Хироки — д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Сэндай, Япония)

Г. Парцингер — д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)

Х. Плиссон — д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон — д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд — д-р истории, профессор (Уэслианский университет, Мидделтаун, США)

И. В. Силантьев — д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун — д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм	д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
Ю. В. Шатин	д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА «ИСТОРИЯ»

Ответственный редактор

А. В. Дмитриев	канд. ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

С. О. Егоров	канд. ист. наук (Новосибирский государственный медицинский университет, Россия)

Члены редколлегии

А. Н. Алексеенко	д-р ист. наук, проф. (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)
В. П. Булдаков	д-р ист. наук (Институт российской истории РАН, Москва, Россия)
В. Фудзимото	д-р истории, проф. (Осакский университет экономики и права, Япония)
Д. Вулф	д-р истории, проф. (Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония)
В. Дённингхаус	д-р истории, проф. (Нордост-институт при Гамбургском университете, Люнебург, Германия)
Л. В. Дериглазова	д-р ист. наук, проф. (Томский государственный университет, Россия)
С. В. Кондратьев	д-р ист. наук, проф. (Тюменский государственный университет, Россия)
А. С. Лавров	д-р ист. наук, проф. (Университет Париж-Сорбонна, Париж, Франция)
Г. Г. Пиков	д-р ист. наук, д-р культурологии, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
Н. Н. Родигина	д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)
С. Ю. Сапрыкин	д-р. ист. наук, проф. (Московский государственный университет, Институт всеобщей истории РАН, Россия)
Д. Смил	д-р истории, проф. (Школа истории колледжа королевы Марии Лондонского университета, Великобритания)
И. Халфин	д-р истории, проф. (Тель-Авивский университет, Израиль)
Э. Д. Хейвуд	д-р истории, проф. (Королевский колледж Абердинского университета, Абердин, Великобритания)
П. Холквист	д-р истории, проф. (Пенсильванский университет, США)
В. И. Шишкин	д-р ист. наук, проф. (Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)
А. Х. Элерт	д-р ист. наук (Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия)
М. Юнге	д-р истории (Рурский университет, Бохум, Германия)

ADVISORY BOARD OF ACADEMIC JOURNAL "VESTNIK OF NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY. SERIES: HISTORY, PHILOLOGY"

Chief of the Advisory Board

V. I. Molodin — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

A. S. Zuev — Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

S. G. Skobelev — Candidate of Historical Sciences, Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Kh. A. Amirkhanov — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B. Viola — Doctor in History, Professor (University of Toronto, Canada)

E. E. Voytishek — Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

T. Glantz — Doctor in Philology, Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

A. V. Golovnev — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

A. E. Demidchik — Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation)

A. P. Derevyanko — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

J. Joubert — Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)

O. D. Zhuravel — Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

G. E. Imposti — Doctor in Philology, Professor (University of Bologna, Italy)

A. K. Kiklevich — Doctor of Philological Sciences, Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

S. M. Kotkin — Doctor in History, Professor (Princeton University, United States)

V. A. Lamin — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki — Doctor in History, Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

H. Parzinger — Doctor in History, Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

H. Plisson — Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong — Doctor in Archaeology and Anthropology, Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

P. Rutland	Doctor in History, Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)
I. V. Silantev	Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
Tang Chung	Doctor in History, Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)
T. Higham	Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)
Yu. V. Shatin	Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE "HISTORY"

Executive Editor

A. V. Dmitriev	Candidate of Historical Sciences (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

S. O. Egorov	Candidate of Historical Sciences (Novosibirsk State Medical University, Russian Federation)

Board Members

A. N. Alekseenko	Doctor of Historical Sciences, Professor (S. Amanzholov East-Kazakhstan State University, Ust Kamenogorsk, the Republic of Kazakstan)
V. P. Vuldakov	Doctor of Historical Sciences (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
W. Fujimoto	Doctor in History, Professor (Osaka University of Economics and Law, Japan)
D. Wolff	Doctor in History, Professor (Hokkaido University, Sapporo, Japan)
V. Dönninghaus	Doctor in History, Professor (North-East Institute of University of Hamburg, Lüneburg, Germany)
L. V. Deriglazova	Doctor of Historical Sciences, Professor (Tomsk State University, Russian Federation)
S. V. Kondratyev	Doctor of Historical Sciences, Professor (Tyumen State University, Russian Federation)
A. S. Lavrov	Doctor of Historical Sciences, Professor (Paris-Sorbonne University, Paris, France)
G. G. Pikov	Doctor of Historical Sciences, Doctor of Culture Science, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
N. N. Rodigina	Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation)
S. Yu. Saprykin	Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow State University, Institute for World History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)
J. Smele	Doctor in History, Professor (Queen Mary's College of London University, United Kingdom)
I. Halfin	Doctor in History, Professor (Tel Aviv University, Israel)
A. J. Heywood	Doctor in History, Professor (King's College, University of Aberdeen, Aberdeen, Great Britain)
P. Holquist	Doctor in History, Professor (University of Pennsylvania, Philadelphia, United States)
V. I. Shishkin	Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
A. Kh. Elert	Doctor of Historical Sciences (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
M. Junge	Doctor in History (Ruhr University, Bochum, Germany)

ВЕСТНИК НГУ

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2019. Том 18, № 1: История

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история

Александрова Т. Л. Единство Римской империи в IV–V веках и механизмы его обеспечения 9

Терещук А. А. Апостольская нунциатура в Мадриде и ватикано-испанские отношения в 1833–1835 годах 21

Шерстюков С. А. Эмир Шакиб Арслан между Османской и Германской империями 29

Российская история

Shiotani M. The Export of Russian Cotton Fabrics and the Commerical Network of Asian Merchants in the First Half of the 19th Century. Part 2 (*Сиотани М.* Экспорт российских хлопчатобумажных тканей и коммерческая сеть азиатских торговцев в первой половине XIX века. Статья 2) 41

Румянцев П. П. Деятельность Д. Г. Пономарева в должности жандарма, находящегося при золотых приисках в Западной Сибири 56

Завьялова О. О. Проект социально-политической модернизации России С. И. Барановского 66

Егоренкова Е. Н. «Омские епархиальные ведомости» о христианизации казахского населения Степного края (конец XIX – начало XX века) 78

Исаев В. И., Михеев Д. Ю. Прокуратура Сибири в 1922–1929 годах: иллюзия независимости и реальная практика 89

Шереш А. Депортация венгерских граждан в СССР в 1956–1957 годах: современные аспекты изучения проблемы 105

Пинаева Д. А. Деятельность научно-технических обществ Татарской АССР по активизации изобретательства и рационализаторства в конце 1950-х – начале 1960-х годов 116

Пискунов М. О. Реакция на иностранцев в ходе реконструкции Выборгского ЦБК в 1985–1987 годах 130

Список сокращений 139

Информация для авторов 140

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2019, volume 18, no. 1: History

CONTENTS

World History

Aleksandrova T. L. Unity of the Roman Empire in the 4th – 5th Centuries and Mechanisms of its Procurement 9

Tereshchuk A. A. Apostolic Nunciature in Madrid and Relations between the Holy See and Spain in 1833–1835 21

Sherstyukov S. A. Amir Shakib Arslan and His Efforts between the Ottoman and the German Empire 29

Literature

Shiotani M. The Export of Russian Cotton Fabrics and the Commerical Network of Asian Merchants in the First Half of the 19th Century. Part 2 41

Rumyantsev P. P. The Role of Gendarme Staff Officer D. G. Ponomarev Overseeing Gold Mining in Western Siberia 56

Zavyalova O. O. S. I. Baranovsky's Project of Social-Political Modernization of Russia 66

Egorenkova E. N. «Omsk Diocesan Records» and the Christianization of the Kazakh Population of the Steppe Territory (Late 19th – Early 20th Century) 78

Isaev V. I., Mikheev D. Yu. Prosecutor's Office of Siberia in 1922–1929: Illusion of Independence and Actual Practice 89

Seres A. Deportation of Hungarian Citizens to the USSR in 1956–1957: Modern Aspects of Studying the Problem 105

Pinaeva D. A. Overview of Activities Aimed at Encouraging Innovation and Im-provement by the Scientific-Technical Societies of the Tatar ASSR in the Late 1950s – Early 1960s 116

Piskunov M. O. Social Reactions towards Foreigners during the Vyborg Pulp and Paper Plant Reconstruction (1985–1987) 130

List of Abbreviations 139

Instructions to Contributors 140

УДК 94 (495).01 + 82 (193).2
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-9-20

Единство Римской империи в IV–V веках и механизмы его обеспечения

Т. Л. Александрова

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Москва, Россия

Аннотация

Рассматривается вопрос о том, как понималось единство Римской империи в IV–V вв. и какие механизмы его обеспечивали. Прослеживая исторические перипетии наследования власти, автор приходит к выводу, что единство империи в этот период обеспечивалось, прежде всего, христианской идеологией, а механизмы его обеспечения оставались теми же, какие были приняты при Диоклетиане: административное деление для облегчения управлением, сосредоточение власти в руках одной семьи, для чего широко использовались передача власти от старшего правителя к младшему и династические браки; военная взаимопомощь правителей. При этом можно видеть, что 395 г., традиционно считающийся годом разделения империи на Восточную и Западную, фактически не принес ничего нового: идея единства сохранялась и в V в., и порядок наследования оставался прежним, хотя порой нарушался действиями узурпаторов.

Ключевые слова

Римская империя, единство, династический брак, христианство, узурпация, поздняя античность

Для цитирования

Александрова Т. Л. Единство Римской империи в IV–V веках и механизмы его обеспечения // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 1: История. С. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-9-20

Unity of the Roman Empire in the 4th – 5th Centuries and Mechanisms of its Procurement

T. L. Aleksandrova

St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University
Moscow, Russian Federation

Abstract

The article explores the question of how the unity of the Roman Empire was construed in the 4th – 5th centuries and what mechanisms ensured its sustainability. By tracing the historical changes of succession, it is evident that Imperial Unity during this period was ensured primarily by Christian ideology and mechanisms for its implementation were the same as those adopted under Diocletian. Although considered as a single realm, the Empire, for the most part of the 4th century was under the control of several emperors, who, if not connected by kinship, would seek to secure their union through dynastic marriages. As power was not inherited by women, the man who married a woman of the royal family, could most likely inherit the throne, but for legitimacy reasons it was necessary for him to be approved by the senior ruler (hence the ordination of Valentinian III by Theodosius II). The year 395, traditionally regarded as the year of the Division of the Empire into Eastern and Western parts, did not bring anything new: the concept of unity and the order of

© Т. Л. Александрова, 2019

succession remained the same, occasionally disturbed by the actions of usurpers. Rulers can be considered even those who came to power, albeit with the aid of a dynastic marriage, but without the approval of the senior ruler (for example, Marcian, married to Pulcheria, but not approved by Valentinian III). In such cases, emperors sought to legitimize their power by relying on the Church which subsequently allowed to avoid the unpleasantness of being branded a usurper. Ignoring the actual usurpations led to the concept of the divided Empire. Meanwhile, despite the ongoing alienation of the West and the East, the idea of unity of Christendom was not disturbed by such cases; the status of a unified empire was seen as desirable, so the senior Emperor (usually of the East which in that era was more stable) could appoint emperors in the West (as he so did, for example, Leo I). The concept of continuing unity also guided Justinian in his attempt toward restoration.

Keywords

Roman Empire, unity, dynastic marriage, Christianity, usurpation, Late Antiquity

For citation

Aleksandrova T. L. Unity of the Roman Empire in the 4th – 5th Centuries and Mechanisms of its Procurement. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 1: History, p. 9–20. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-9-20

«*Pax Romana* создал не Август, а Христос», – писал протопресв. Иоанн Мейендорф [2012. С. 46–47]. Действительно, идея универсализма и провиденциализма была присуща древнему христианству, отражая осознание христианами исторического процесса: языческий Рим дал миру единый закон, подготовив его тем самым к принятию Христа. «Христианские писатели – как до, так и после Константина – считали римский универсализм провиденциальным историческим фактом: несмотря на преследования, благодаря ему стало возможным распространять евангельское благовестие по “вселенной”» [Там же. С. 33]. За пределами этой христианской ойкумены оставались Парфия, Индия, Китай, области крайнего Севера и Юга. Существовало также представление о том, что Римская империя лежит в самом центре мира (это можно видеть, в частности, на карте Агриппы), что подчеркивает ведущую роль христианства в истории.

Идея единства империи, с одной стороны, отражала идею единства Церкви, которая была настолько важна, что оказалась включена в никео-цареградский символ веры, став его 9-м членом. Церковь – это единое Тело Христово, в которой Он является главой. С другой стороны, христианский универсализм был продолжением римской философии истории, воплощенной Вергилием в «Энеиде»: Эней спасается из разрушенной Трои потому, что ему предопределено построить Рим, который воцарится над народами [Dihle, 1989. S. 44–45]. «Надо отдавать себе отчет, что эти претензии на роль города (urbs), правящего миром (orbis terrarum), отнюдь не были абсурдными, – пишет современный исследователь. – На картах этого периода <…> Римская империя занимает около половины известного тогда мира» [Inglebert, 2012. P. 8].

«Можно выделить три фазы римского имперского самоопределения в самых широких терминах – как “этическую”, “законодательную” и “административную”» [Potter, 2010. P. 15]. Первая, по мнению Д. Поттера, началась в IV в. до н. э. и продолжалась до II в. до н. э., вторая – от II в. до н. э. до конца III в. н. э., и последняя – начиная с конца III – начала IV в., и до условного «падения Римской империи». Таким образом, «административная» фаза начинается с Диоклетиана. Эпоха «солдатских императоров» обнажила сложности в управлении разросшейся империей, которая подвергалась нападениям внешних врагов (сасанидской Персии с юго-востока, готов с северо-востока, франков и германцев с северо-запада) и в которой то и дело давали о себе знать центробежные, сепаратистские тенденции. Эту проблему Диоклетиан разрешил административно, найдя способ, как, не нарушив принципа имперской

целостности, облегчить управление огромным государством: он разделил империю на тетрархии, в которые были поставлены правители: августы и цезари. По закону преемство обеспечивалось переходом власти от старшего правителя к младшему. Нового правителя, как цезаря, так и августа, должен был поставить старший август [Burgess, 1993–1994. P. 65; McEvoy, 2013. P. 6]. Соблюдение последовательности старшинства сохраняется на несколько последующих веков и легко прослеживается по тому, как подписываются законы: первым называется имя старшего августа, затем одного, а то и двух младших. С изменением политической ситуации прежний младший правитель становится старшим и упоминается первым.

Кроме того, Диоклетиан связал правителей-тетрархов между собой узами родства. Последний способ был не нов и широко использовался в Риме уже во времена Поздней республики [Münzer, 1920. S. 283–327]. «Характерной чертой политической жизни Древнего Рима эпохи Поздней республики было использование династических браков для реализации политических целей» [Горбулич, 2006. С. 287]. Один из самых известных примеров – женитьба Помпея на дочери Цезаря Юлии, после смерти которой оба политика вступили в междоусобную войну.

Надо отметить, что династический принцип в Римской империи соблюдался далеко не всегда. В III–IV вв. более значима была связь императора с армией, поддержка войск. Впоследствии в ромейской империи императора должен был принять и утвердить народ [Kaldellis, 2015. P. 32–62]. Тем не менее переход власти от отца к сыну, а также по женской линии, от отца – через дочь – к зятю или внуку, был наиболее простым и безотказно обеспечивал легитимность правления, поэтому к нему нередко прибегали в спорных случаях.

В тетрархии Диоклетиана обращает на себя внимание последовательность использования династического принципа. Вероятно, здесь играло роль представление о божественности царской власти, поэтому принадлежность к семье «богов» давало преемникам преимущественные права [McEvoy, 2013. P. 27].

Династические браки связывают тетрархов тесными узами. Сам Диоклетиан выдает свою дочь Валерию за Галерия, который становится цезарем в 293 г., а их дочь Валерия Максимилла становится женой Максенция, сына тетрарха Максимиана Геркулия. Отец Константина Констанций Хлор, расставшись с Еленой, которая, возможно, и не была его законной супругой, женится на племяннице Максимиана Геркулия Феодоре. Сын Констанция Константин Великий впоследствии женится на дочери того же Максимиана Фавсте. Лициний женится на Констанции, дочери Констанция Хлора и Феодоры [Jones, Martindale, 1971. P. 1128]. Тем не менее, как мы знаем, династические браки не уберегли тетрархов и их потенциальных преемников от вражды: так, Константин воюет со своим шурином Максенцием и с Лицинием, женатым на его единокровной сестре.

После почти двух десятилетий упорной борьбы в 324 г. Константин наконец объединяет империю под своим началом. Цели объединения сложит и созыв в 325 г. первого Вселенского собора в Никее; причем сам император призывает стороны примириться, считая несущественными разногласия между Афанасием и Арием (Socr. Hist. eccl. 1, 7).

В константиновскую эпоху теория христианской монархии была разработана Евсевием Кесарийским. Его идеальный правитель, воплощением которого является Константин, представляет собой земную проекцию единого Бога. Константин заботится и о единстве Церкви, первым созвав Вселенский собор. В дальнейшем, поддержание единства церкви вменялось христианским императорам в обязанность. Оно выражалось также в созыве Вселенских соборов, а кроме того – в издании указов против еретиков, иудеев и язычников, в покровительстве церквам и клиру [McEvoy, 2013. P. 117]. «Единство вселенскость и порядок – основные элементы Pax romana – теперь стали неотделимы от интересов и ответственности вселенской христианской церкви. Римский император уже не мог заботиться об империи, не заботясь так-

же о единстве, вселенском характере и добропорядке церкви: разделенная церковь означала бы и разделенную империю» [Мейендорф, 2012. С. 49]. Итак, в религиозной сфере это ощущение единства империи было наиболее остро и актуально.

В политической сфере единство выражалось в избрании консулов (один из которых, как правило, представлял Восток, другой – Запад), в едином языке законодательства – латыни, в однотипности законодательных формулировок (несмотря на то, что в IV – начале V в., до появления Кодекса Феодосия, единого свода христианских законов еще не существует, и законы, издающиеся на Востоке и на Западе, идентичны).

Между тем уже и во времена Константина в империи оставалось административное деление, утвержденное Диоклетианом. «Большую часть жизни Константина империя не была объединенным или единым государством; ошибочно видеть жесткий контраст между объединенной империей IV в. и разделенной империей V в. Между 285 и 395 гг. периоды, когда слово одного императора держало всю империю, в совокупности не составляют и 16 лет» [Barnes, 2014. P. 142].

В экономической жизни части империи уже не так тесно связаны, как до кризиса III в.; греческий язык на Западе постепенно выходит из употребления (о чем свидетельствуют многочисленные переводы с греческого на латынь в IV в.). На более глубоких уровнях, нежели просто политический, таких, как культура, язык, mentalités и религия, разница между Востоком и Западом была резче и глубже [Ibid.]. По поводу глубинных расхождений в религии на основании вышесказанного с Т. Барнсом можно и не согласиться: напротив, единство веры было основой единства империи, – но вместе с тем, очевидно, что те, кто по той или иной причине желал разделения, могли целенаправленно заострять даже несущественные религиозные расхождения, нередко проистекающие из разницы обычаев, языка, менталитета. Основной причиной религиозных споров в IV–V вв. была борьба за первенство между епископскими кафедрами Рима, Александрии, Константинополя и Антиохии.

На протяжении IV–VI вв. можно наблюдать, что как в политической, так и религиозной сфере попеременно действуют то центростремительные, то центробежные силы, однако при всех вполне реальных расхождениях абстрактное представление о единой христианской ойкумене остается неизменным.

После смерти Константина империя оказывается административно разделена между его детьми: Констанций становится правителем на Востоке, Константин (незаконнорожденный) и Констант (еще подросток) – на Западе. Сократ сообщает, что Константин разделил империю между сыновьями так же, как она была разделена при его жизни (Socr. Hist. eccl. 1, 39). Существует мнение, что Константин намеревался учредить новую тетрархию, поставив во главе административных делений своих сыновей. Однако легитимность наследования была не безусловной, поскольку сыновья Константина при его жизни получили только титул цезарей, августами же назначены не были [McEvoy, 2013. P. 6]. Возможно, с этим связано и истребление мужчин из рода Константина, из которых остались в живых только малолетние Галл и Юлиан.

Не только династические браки, но и другое агнатическое родство не спасало претендентов на престол от борьбы за власть (пример – война, начавшаяся между Константином и Константом), тем не менее, браки продолжают заключаться. Сами по себе женщины престол не наследовали, но мужчине женитьба на женщине царского рода давала почти гарантированное право на власть, поэтому претенденты широко этим пользовались.

В политическом и религиозном отношении империя по-прежнему позиционируется и воспринимается как единое государство. Императоры Востока и Запада оказывают друг другу военную помощь, защищая легитимных правителей от посягательств узурпаторов и препят-

ствуя распаду государства. При этом правители мобильны и свободно перемещаются между частями империи. Так, в 350 г. Констанций отправляется в военный поход на Запад против узурпатора Магненция, а в 355 г., назначив Юлиана цезарем, он отправляет его в Галлию, которую тревожили набеги варваров.

Для обеспечения легитимности наследования по-прежнему широко используются династические браки. Оставшись единственным правителем, не имеющий сыновей Констанций пытается продолжить династию через уцелевших родственников, своих двоюродных братьев Галла и Юлиана, которые женятся на его родных сестрах: Галл – на Константине, Юлиан – на Елене [Jones, Martindale, 1971. P. 1129]. Однако оба брака оказываются бездетными и династия Констанция Хлора, таким образом, заканчивает свое существование.

После гибели Юлиана, в остро-кризисный момент войска избирают новым императором трибуна Иовиана. Тот, желая начать новую династию, возводит в должность консула своего сына Варрониана. Однако внезапная смерть Иовиана рушит эти планы. Малолетний Варрониан не удерживается на престоле; потенциальная возможность его воцарения лишь создает угрозу для его жизни [Ibid. P. 946].

Следующая династия начинается с Валентиниана I. Избранный императором в 364 г., он берет в соправители младшего брата Валента, которого оставляет в Константинополе, себе же избирает Рим [Ibid. P. 934]. В имперской пропаганде отношения Валентиниана и Валента представляются как отношения старшего и младшего [McEvoy, 2013. P. 72].

В 367 г., во время тяжелой болезни, Валентиниан провозглашает августом своего восьмилетнего сына Грациана. В течение восьми лет Грациан правит вместе с отцом и наследует престол после его смерти в 375 г. Кроме него остается сын от второго брака Валентиниана I, четырехлетний Валентиниан II, который также провозглашается августом. Причины провозглашения августом Валентиниана II и дальнейшие виды на его карьеру до конца не понятны, но сам этот факт свидетельствует о некоем кризисе и о непрочности позиции Грациана [McLynn, 1994. P. 84; McEvoy, 2013. P. 59, 70]. Возможно, этой непрочностью обусловлена попытка Грациана через женскую линию присоединиться к роду Константина: первым браком он женится на Констанции, дочери императора Констанция, родившейся после его смерти, но она умирает, не дав ему детей [Jones, Martindale, 1971. P. 221].

Довольно напряженными в этот период остаются отношения Грациана и Валента, который теперь оказывается старшим по отношению к племянникам. Эта напряженность ведет к обособлению двух частей империи. Об обособленности свидетельствует и различие в доктринальной политике (Валент поддерживает ариан, Грациан – никейцев, хотя последний, подобно своему отцу, Валентиниану I, в значительной мере дистанцируется от церковных проблем) [McLynn, 1994. P. 80–81; McEvoy, 2013. P. 80.].

Когда Восток оказывается под угрозой со стороны готов, Валент обращается к Грациану за помощью, но тот медлит, по-видимому, не считая кризис на Востоке опасным для Запада. В итоге помощь его приходит слишком поздно [McEvoy, 2013. P. 73–74].

После гибели императора Валента 9 августа 378 г. в битве при Адрианополе константинопольский трон освобождается, и вскоре его занимает Феодосий I. Механизмы его возвышения до конца не понятны: предполагают как добровольное согласие Грациана под влиянием дворцовых партий, так и узурпацию власти самим Феодосием [McLynn, 1994. P. 91; McEvoy, 2013. P. 77–78.]. Непонятны и причины казни его отца, старшего Феодосия в 475 г., но высказываются мнения, что она могла быть связана с кризисом, наступившим после смерти Валентиниана I [McEvoy, 2013. P. 57].

Феодосий активно поддерживает «никейскую веру» и делает ее обязательной для всех подданных. Он руководствуется советами богословов и ведет себя как образцовый защитник веры:

созывает Вселенский собор, издает многочисленные законы, направленные на защиту христиан, за что и сам пользуется безоговорочной поддержкой церкви (так, его восхваляют Григорий Нисский и Амвросий Медиоланский). По словам М. МакЭвой, если Феодосий узурпировал власть, то эта поддержка церкви была ему особенно необходима [McEvoy, 2013. P. 81].

Как бы то ни было, очевидна заинтересованность Феодосия в распространении ортодоксального «никейского» христианства на всю территорию Римской империи и в подавлении центробежных тенденций. Эти тенденции реализовывались узурпаторами, первым из которых был Магн Максим, в 383 г. убивший Грациана и угрожавший лишить власти малолетнего Валентиниана II. Максим, которого нередко изображают язычником, на самом деле готов был оказывать поддержку никейцам в противовес арианским симпатиям окружения Валентиниана II [Ibid. P. 86–88]. Тем не менее Феодосий поддержал законного императора.

В 386 г. умерла жена Феодосия, Флакцилла, и в 387 г. он женился на сестре Валентиниана II Галле. Это также был династический брак, привязывавший Феодосия к роду Валентиниана I. Условием женитьбы была ликвидация узурпатора Магна Максима. От Галлы у Феодосия родилась дочь Галла Плацидия [Jones, Martindale, 1971. P. 382].

Феодосий, по-видимому, изначально был заинтересован и в утверждении собственной династии. Старший его сын, Аркадий, родился в 377 г., а младший, Гонорий, в 384-м. В пятилетнем возрасте Аркадий был провозглашен августом (без санкции на то Грациана). Пятилетний Гонорий сопровождает отца в походе на Запад. Уже в 389 г. Гонория провозглашают цезарем, т. е. отец видит его в будущем правителем империи. В 393 г. Гонорий получает титул августа [McEvoy, 2013. P. 137–138].

По-видимому, административно Феодосий I также намеревался учредить нечто вроде тетрархии, в которой видел себя старшим августом, а сыновей и Валентиниана II – подчиненными, причем по статусу Валентиниан оказывался ниже его сыновей [Ibid. P. 95].

Сам Феодосий приставил к Валентиниану II франкского полководца Арбогаста, однако вероятно, что ситуация в какой-то момент вышла из-под контроля Феодосия [Cameron, 2011. P. 57–58; McLynn, 1994. P. 296]. О причинах гибели Валентиниана II существуют разные точки зрения: это могло быть убийство или самоубийство. Впоследствии Феодосий подавляет мятеж и смещает поставленного Арбогастом узурпатора Евгения. Вслед за этим он активно утверждает «никейскую веру» на Западе, издавая целый ряд жестко-репрессивных законов, направленных против язычников, еретиков и отчасти иудеев.

Усмирив мятеж на Западе, Феодосий вызывает к себе младших детей, Гонория и Галлу Плацидию. 10-летнего Гонория он провозглашает императором, назначив его опекуном полководца Стилихона. Присутствие на Западе малолетней Галлы Плацидии тоже оказывается продуманным политическим ходом: по материнской линии она принадлежит к династии Валентиниана I, а потому должна восприниматься как законная наследница, косвенно легитимизирующая и Гонория.

18 января 395 г. Феодосий I скоропостижно скончался в Медиолане, причем тело его было перевезено в Константинополь [McEvoy, 2013. P. 140–142].

Хотя традиционно считается, что Феодосий I разделил империю между сыновьями, в сущности, он никак не изменил ее статуса, поскольку административное деление существовало задолго до него. Напротив, можно даже сказать, что Феодосий I вновь объединил империю в общей «никейской» вере и под властью одной семьи. Опыт его правления показал, что нестабильность власти на Западе открывает путь узурпаторам. Ставя правителем Запада своего сына Гонория (с сильным опекуном в лице Стилихона), он предотвращал возможность новых попыток узурпации. Примечательно, что, хотя Аркадий был старше Гонория, по статусу они были равны [Ibid. P. 138–139].

После смерти Феодосия начинается некоторое разобщение, но оно во многом связано с юным возрастом его детей и притязаниями опекуна Гонория, Стилихона, на контроль над обоими сыновьями Феодосия [McLynn, 1994. P. 355], а следовательно, на власть во всей империи, о чем сообщает Зосим (Zos. Hist. nov. 5, 4, 3). Тем не менее абсолютизировать это разделение нельзя. «Точка зрения, согласно которой период 395–410 г. при сыновьях Феодосия I стал критическим в разделении между Востоком и Западом, некогда была популярна среди историков Рима. Двум царствам приписывалась “враждебная индифферентность”, и в восточных антиварварских режимах, возглавляемых Аврелианом и Анфемием в Константинополе, виделась основная причина в разрыве отношений с Западом и режимом Стилихона. Между тем, несомненно, что “разделению” империи в 395 г. придавалось слишком большое значение: уже в предыдущие десятилетия она редко оказывалась под властью одного императора и только два с половиной года ее возглавлял Феодосий I» [McEvoy, 2013. P. 195].

В период правления сыновей Феодосия I империя существовала как некое двуединство. Об этом, в частности, говорит Фергюс Миллар: «При совершенно реальных и очень существенных притязаниях на единство Римской империи, реальность состояла в том, что существовали не две раздельные империи, но империи-близнецы, в одной из которых <…> обиходным языком подавляющего большинства населения был греческий» [Millar, 2006. P. 2]. Речь идет опять-таки об административном делении, религиозно империя представляется единой.

На Западе последовательное правление нескольких малолетних императоров создает особую систему, при которой легитимному императору-ребенку отводится в основном церемониальная функция, между тем как истинное правление осуществляет кто-то другой. На Востоке эта модель прививается лишь отчасти [McEvoy, 2013. P. 300–301].

В период правления сыновей Феодосия I отношения между Востоком и Западом оказываются обострены настолько, что император Аркадий, умирая и оставляя своим наследником семилетнего сына Феодосия II, готов поручить опеку над ним не брату, а персидскому царю Йездигерду. Однако после смерти Аркадия, и Гонорий, и Стилихон выказывают желание идти на Восток, якобы ради помощи осиротевшему Феодосию II [Jones, Martindale, 1971. P. 187]. Возможно, здесь лежит завязка конфликта, погубившего Стилихона. Настроения на Западе и выступления готов под предводительством Алариха помешали осуществлению этого плана.

Ф. Миллар видит существенное изменение, наступившее после «разделения 395 г.» в том, что если Феодосий I сам возглавлял войско и свободно передвигался между Востоком и Западом, то сыновья его лично не покидают границ своих частей империи [Millar, 2006. P. 9]. Однако причины изменения поведения императоров скорее связаны не с «разделением империи», а с тем, что императорам-детям отводится в большей степени церемониальная роль [McEvoy, 2013. P. 188], которую они, и повзрослев, начинают воспринимать как единственно возможную. Не исключено, что причиной изменения роли императоров оказывается не изменение политического статуса, а всего лишь акцидентальные, случайные причины: слабое здоровье сыновей Феодосия. Оба они, как и он, умерли от водянки, но в более молодом возрасте: Аркадий в 31 год, Гонорий в 39 лет.

Однако военная помощь одной части империи другой по-прежнему оказывается. Так, в 409 г., во время угрозы со стороны готов, восточное правительство посылает в Равенну подкрепление из 4 000 солдат, в чем видится осуществление принципа единства империи [Ibid. P. 195].

Между тем на Западе продолжаются разнообразные комбинации династических браков. Стилихон был женат на племяннице Феодосия I, Серене и уже этим прикреплен к его династии. Кроме того, совершается две попытки связать династическим браком Гонория, который

последовательно женится на двух дочерях Стилихона: Марии, а после ее смерти – Ферманции [Jones, Martindale, 1971. P. 443]. Династический брак предлагается и Галле Плацидии: она становится невестой сына Стилихона, Евхерия, однако после этого Стилихон попадает в опалу и погибает вместе со всей семьей.

В последующем хаосе варварских нашествий интересна линия молодой Галлы Плацидии, которая, ввиду бездетности брата, последовательно борется за право на престол для себя и своего потомства. Захваченная в плен Атаульфом, преемником Алариха, она становится его женой и внушает ему имперские амбиции: свадьба совершается по римскому обряду, а родившегося сына называют Феодосием, что также указывает на проримскую ориентацию его родителей. Но младенец умирает, а вскоре гибнет и Атаульф [Ibid. P. 888–889].

Через несколько лет заключается династический брак Галлы Плацидии с Констанцием, успешным полководцем, после гибели Стилихона игравшим ведущую роль при бездеятельном Гонории. «Галла Плацидия была слишком опасным брачным призом, чтобы оставить ее потенциальному сопернику» [McEvoy, 2013. P. 214]. В 417 или 418 г. у них родилась дочь Гонория, а в 419 г. – сын Валентиниан III. В 421 г. Констанций был провозглашен августом, а Плацидия – августой. Однако скорая смерть Констанция разрушила планы на его царствование [Martindale, 1980. P. 324], а между Гонорием и Галлой Плацидией впоследствии произошел разрыв, в результате которого она была лишена титула августы и изгнана из Равенны.

Вместе с детьми Галла Плацидия ищет прибежища в Константинополе у восточного императора Феодосия II, точно так же, как ее бабка Юстина искала защиты у Феодосия I.

На момент смерти Гонория (в августе 423 г.) восточное правительство внимательно следит за ситуацией на Западе. Власть захватывает секретарь Гонория Иоанн, но Феодосий II некоторое время выжидает, не предпринимая никаких решительных мер. Он мог либо признать Иоанна, тем самым содействуя разделению империи, либо объявить единственным правителем себя, подчеркивая ее единство, но он, в конце концов, избрал средний путь: поставил императором малолетнего Валентиниана III, обручив его со своей дочерью-младенцем Евдоксией. Историк Олимпиодор, который, видимо, по заказу Феодосия II, примерно в это время пишет историю Западной империи последних десятилетий, заканчивает свой труд «гимном триумфу объединения Востока и Запада» [Potter, 2010. P. 31], т. е. описанием коронования Валентиниана III в Риме. В своем повествовании он не делит «римлян» на западных и восточных, считая их единым народом [Ibid. P. 14].

Феодосий II сохраняет патерналистское отношение к Валентиниану III до конца жизни. В качестве основы будущего единства империи собирается свод законов, Кодекс Феодосия, который включает законы, изданные как на Востоке, так и на Западе. Таким образом, Феодосий II качественно меняет представление об основах власти императора. Император более не воин, а законодатель, он опирается не на армию, а на сенат и консисторий [McEvoy, 2013. P. 305].

Несмотря на регентство Галлы Плацидии, на Западе при Валентиниане III возникает фигура могущественного военного лидера Аэция. Однако покровительство со стороны Феодосия II не дает его влиянию стать определяющим.

В период правления Феодосия II определенно преобладают центростремительные силы. Брак Валентиниана III и Евдоксии заключается 21 октября 437 г. Если бы в этом браке родился сын, он мог бы претендовать на власть в обеих частях империи [Ibid. P. 256]. Помимо династического брака и собирания свода законов ради обеспечения единства империи Феодосий II прилагает и иные усилия. Западу неоднократно оказывается военная помощь. Для обеспечения единства веры восточный император дважды созывает Вселенские соборы: I Эфесский в 431 г. и II Эфесский в 449 г. Хотя последний не был признан последующим православием и вошел

в историю как «Разбойничий», причиной тому в значительной мере были политическая борьба и нарастание центробежных настроений, в силу многих причин усилившихся к концу 440-х гг. Впрочем, постепенно сам Валентиниан III начинает противодействовать этому покровительству тестя, возможно, под влиянием папы Льва I вдохновившись идеей духовного главенства Рима. С этим связаны обращения к Феодосию западной половины императорской семьи с призывом пересмотреть решения II Эфесского собора и созвать новый собор в Италии под председательством папы [Acta Conciliorum Oecumenicorum, 1932. P. 5–7].

Неудача Феодосия II в новом объединении империи во многом объясняется опять-таки всего лишь акцидентальными причинами: отсутствием как у него, так и у Валентиниана III, сыновей. Между тем говорить об отсутствии у Феодосия II легитимного наследника нельзя: таковым являлся сам Валентиниан III. Легитимное преемство империи могло быть обеспечено по женской линии, поскольку у Валентиниана III были две дочери. Трагическая гибель Феодосия II вновь дала перевес центробежным силам. Переход власти от Феодосия II к его сестре Пульхерии и избранному ею в мужья доместику Маркиану был, по сути, узурпацией. По закону провозгласить Маркиана августом должен был Валентиниан III, но поставление нового императора совершилось без его ведома [Burgess, 1993–1994. P. 65]. Валентиниан III не признавал Маркиана законным императором, издавал законы, не упоминая его имени, не признавал также избранных им консулов, во всяком случае, в 451–452 гг. Теоретически можно было ожидать, что Валентиниан III предпримет поход на Восток с целью устранения узурпатора [Burgess, 1993–1994. P. 63].

Созыв Пульхерией и Маркианом нового Вселенского собора в Халкидоне, видимо, был в значительной мере политическим маневром, направленным на удержание власти, поскольку на нем жесткими административными методами утверждались решения, угодные папе Римскому Льву Великому, и был низложен архиепископ Александрийский Диоскор, порвавший с папой Римским и тем самым выказавший неповиновение новой императорской власти.

Хотя Вселенские соборы со времен Константина воспринимались как акт объединения империи, Халкидонский собор и последующая жесткая политика Маркиана в отношении антихалкидонитов привели не только к расколу на Востоке, не изжитому до наших дней, но и заложили основу для последующего вероучительного разделения Востока и Запада. Поскольку халкидонская позиция в итоге возобладала, узурпации власти Маркианом последующие халкидониты предпочитали не замечать, и его восшествие на престол приписывалось якобы уже существующему разделению, при котором Валентиниан III должен был довольствоваться Западной империей, а также исключительной роли в правлении времен Феодосия, которая отводилась последующими историками его сестре Пульхерии.

В последующие годы события развивались драматично. Считается, что старшая дочь Валентиниана III Евдокия была помолвлена с сыном короля вандалов и помолвка состоялась в 442 г. при заключении мира между захватившими Африку вандалами и Римом. Однако реальность этой помолвки вызывает много вопросов. Как бы то ни было, Евдокия, родившаяся в 438–439 г., достигла брачного возраста еще при жизни Валентиниана III, но замуж выдана не была. В начале 450-х гг. заключаются и срываются две помолвки младшей дочери Валентиниана Плацидии: сначала с Майорианом, потом с сыном Аэция, Гауденцием [McEvoy, 2013. P. 291]. По-видимому, предполагается, что муж Плацидии займет престол на Западе. Но в таком случае непонятно, почему младшей дочери готовится более высокая участь, чем старшей.

Евдокия была способна к деторождению, поскольку впоследствии родила Гунериху сына Хильдериха, и историки не сообщают о какой-либо неполноценности, которая ставила бы ее ниже сестры. Вывод напрашивается сам собой: старшей дочери Валентиниана, Евдокии, названной так в честь бабки, жены Феодосия II, в сложившейся ситуации была уготована роль

восточной императрицы, хотя, вероятно, окончательный кандидат ей в мужья еще не был найден.

Тем не менее планам Валентиниана III не было суждено осуществиться. В 454 г. император, стремясь освободиться от давления Аэция, собственноручно убил его, а через полгода был убит сам [McEvoy, 2013. P. 296]. Его убийца, сенатор Петроний Максим, возможно, принадлежавший к числу сторонников Аэция, для легитимизации собственной власти женился на вдове Валентиниана, Евдоксии, которая хотела, чтобы императором стал Майориан [Martindale, 1980. P. 411]. Старшая царевна Евдокия, предположительно, была выдана замуж за Палладия, сына Петрония Максима, а младшая Плацидия помолвлена с Олибрием, возможно, также приходившимся родственником узурпатору [Ibid. P. 751, 796]. Правление Петрония Максима продлилось всего два месяца, после чего Рим был захвачен вандалами, которые увели в плен царицу и обеих царевен.

Согласно легенде, вандалов призвала сама Евдоксия [Ibid. P. 411], но в данной ситуации видно, что выиграли от этого совсем другие люди. Если Галла Плацидия была, говоря приведенными выше словами МакЭвой, «слишком опасным брачным призом», то присутствие в Риме трех женщин императорской фамилии усиливало эту опасность троекратно. Вероятно, нейтрализация их у вандалов была выгодна неким силам, оказавшимся у власти, в том числе восточным императорам-узурпаторам: Маркиану, а затем и Льву, каждый из которых собирался основать собственную династию.

После гибели Петрония Максима власть достается полководцу Авиту, но его не принимают ни сенат, ни римляне. В результате Авит оказался свергнут Майорианом.

Майориан, прежде помолвленный с Плацидией, видимо, представлялся имеющим больше прав на престол. Он провозглашается императором в Равенне по воле императора Востока Льва I, о чем сообщает Марцеллин Комит [Ibid. P. 702–703] (сам Лев был возведен на престол Аспаром и Ардавурием, которые возвысили и Маркиана). Майориан погиб в результате неудачного похода против вандалов (возможно, одной из его целей было и освобождение Плацидии, брак с которой упрочил бы положение Майориана).

Следующий император, Либий Север, был возведен на трон полководцем Рицимером, погубившим Майориана. Лев I, который фактически и сам являлся узурпатором, его не признал, но после смерти Либия Севера престол на Западе занял Анфемий, зять покойного императора Востока Маркиана.

Маркиан, женившийся на пятидесятилетней Пульхерии, имел дочь от первого брака Маркию Евфимию и попытался учредить собственную династию. Евфимия была выдана за Анфемия, представителя могущественного константинопольского рода, к которому принадлежал и префект претория Анфемий, стоявший у власти во времена детства Феодосия II. Но назначить Анфемия преемником Маркиан не успел (ходили слухи, что он был отравлен Аспаром и Ардавурием, которые и возвели его на престол).

Однако Анфемий посредством брака с Евфимией оказался косвенно присоединен к династии Феодосия I, что, по-видимому, обеспечило ему легитимность.

При Анфемии влияние на Западе сохранял полководец Рицимер. В отношениях с ним был вновь использован династический брак: Рицимер женился на дочери Анфемия. Однако между тестем и зятем все равно началась вражда. Тогда Лев I отправил в Италию Олибрия. Олибрий, бежавший из Рима в Константинополь еще в 455 г., был женат на вернувшейся из плена Плацидии, с которой прежде был обручен. Вероятно, Лев I опасался его как возможного конкурента и вполне законного претендента на престол и хотел устранить его руками Анфемия. Но получилось наоборот: Анфемий погиб, а Олибрий занял престол. Правление его продолжалось несколько месяцев, затем он умер от чумы [Ibid. P. 797].

После смерти Олибрия полководец Гундобад возвел на престол императора Глицерия [Ibid. P. 514], но Лев I не признал его вместо него послал в Италию Юлия Непота, который был женат на родственнице императрицы Верины. Непота сверг военачальник Орест, поставивший на престол своего малолетнего сына Ромула Августа, который и оказался последним императором Рима [Ibid. P. 777, 811– 812].

Лев I по вероисповеданию был халкидонитом, поэтому для него были естественны попытки консолидации с Западом. В его попытках регулировать и легитимизировать избрание императоров Запада сказываются центростремительные тенденции. В это же время дают о себе знать последствия халкидонского разделения. Попытки следующих императоров Зенона и Анастасия достичь согласия на Востоке вызывают раскол с Западом («акакианскую схизму») [Мейендорф, 2012. С. 216]. Образование варварских королевств, сначала под властью Одоакра, затем – Теодориха, хотя и усугубляло разделение, тем не менее, по-видимому, воспринималось римлянами / ромеями как состояние временное и преходящее. Низложение малолетнего Ромула Августа Одоакром современники не воспринимали как конец империи; оно произвело на них гораздо меньшее впечатление, чем ранее взятие Рима Аларихом [Там же. С. 175]. Даже при варварских королях сохранялся сенат и существовала про-византийская партия – с чем, в частности, были связаны репрессии Теодориха, жертвой которых пал Боэций.

Юстиниан, пытавшийся вернуть империи прежний статус в прежних границах, как в законодательной деятельности, так и в военных экспедициях на Запад, следовал примеру Феодосия I и Феодосия II, а неизменный статус «разделенной, но единой» империи внушал вполне закономерные надежды на успех.

Таким образом, в конце IV – V в. статус империи, в сущности, не меняется по сравнению с положением дел при Константине: по-прежнему объединяющим началом является христианская идеология, хотя разделения и в первую очередь борьба за власть среди самих христиан препятствуют единству; почти не меняется политическая структура двух частей империи, которые воспринимаются, по крайней мере, как сообщающиеся сосуды. Средствами поддержания единства остаются династические браки, церковные соборы и военная взаимопомощь. Между тем продолжающиеся нашествия варваров способствуют усугублению языковой и культурной разобщенности, а также появлению новых государственных образований. Тем не менее мифологизированная идеология «христианского римского мира» переживает и эти века, оставаясь неизменной и воскресая при любом удобном случае и в новых формах правления.

Список литературы / References

Горбулич И. С. Династический брак как политическое орудие в карьере Помпея Великого // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2006. Вып. 5. С. 287–297.

Gorbulich I. S. Dinasticheskii brak kak politicheskoe orudie v kar'ere Pompeya Velikogo [Dynastic Marriage as a Political Instrument during the Career of Pompeius Magnus]. In: Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira [Mnemon. Ancient World History Studies and Publications]. St. Petersburg, 2006, vol. 5, p. 287–297. (in Russ.)

Мейендорф И., протопресв. Единство империи и разделения христиан. Церковь в 450–680 годах. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 550 с.

Meiendorf I. Edinstvo imperii i razdeleniya khristian. Tserkov' v 450–680 godakh [Imperial Unity and Christian Divisions. The Church in 450–680 AD]. Moscow, PSTGU, 2012, 550 p. (in Russ.)

Barnes T. Constantine. Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire. Oxford: Wiley Blackwell, 2014. 254 p.

Burgess R. W. The Accession of Marcian in the Light of Chalcedonian Apologetic and Monophysite Polemic. *Byzantinische Zeitshrift*. 1993–1994, Bd. 86/87, S. 46–68.

Cameron A. The Last Pagans of Rome. Oxford, Oxford Uni. Press, 2011, 880 p.

Dihle A. Die Griechische und Lateinische Literatur der Kaiserzeit. Von Augustus bis Justinien. München, C. H. Beck, 1989, 651 S.

Inglebert H. Late Antique Conceptions of Late Antiquity. In: The Oxford Handbook of Late Antiquity. Oxford, 2012. P. 3–30.

Jones A. H. M., Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1971, vol. 1: A. D. 260–395, 1152 p.

Kaldellis A. The Byzantine Republic. People and Power in New Rome. Harvard, Harvard Uni. Press, 2015, 290 p.

Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1980, vol. 2: A. D. 395–527, 1342 p.

McEvoy M. Child Emperor Rule in the Late Roman West, AD 367–455. Oxford, Oxford Uni. Press, 2013, 368 p.

McLynn N. Ambrose of Milan. Church and Court in a Christian Capital. Berkeley, Los Angeles, Uni. of California Press, 1994, 270 p.

Millar F. Greek Roman Empire. Power and Belief under Theodosius II (408–450). Berkeley, Los Angeles, London, Uni. of California Press, 2006, 274 p.

Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, J. B. Metzler, 1920, 460 S.

Potter D. The Unity of the Roman Empire. In: From the Tetrarchs to the Theodosians. Later Roman History and Culture. 284–450 CE. Cambridge, New York, 2010, p. 15–32.

Список источников / Sources

Acta Conciliorum Oecumenicorum. Berlin; Leipzig, Walter de Gruyter, 1932, T. 2, Vol. 1, Pars. 1, 196 p.

Socr. Hist. eccl. – *Socrates Scholasticus.* Kirchengeschichte. Berlin, Akademie Verlag, 1995, 501 p.

Zos. Hist. nov. – *Zosime*. Histoire nouvelle. Paris, Les Belles Lettres, 1971–1989, t. 1–3, 264 + 503 + 352 p.

Материал поступил в редколлегию
Received
21.08.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Александрова Татьяна Львовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры древних языков и древнехристианской письменности богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Лихов пер., д. 5, стр. 1, Москва, 127051, Россия, tatianaalexandrova@yandex.ru)

Tatyana L. Aleksandrova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Ancient Languages and Ancient Christian Scripts, Faculty of Theology, St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University (Likhov All., 5, build. 1, Moscow, 127051, Russian Federation, tatianaalexandrova@yandex.ru)

УДК 94 (460).072
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-21-28

АПОСТОЛЬСКАЯ НУНЦИАТУРА В МАДРИДЕ И ВАТИКАНО-ИСПАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1833–1835 ГОДАХ

А. А. Терещук

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Рассматриваются основные проблемы взаимоотношений Испании и Вати-кана и функционирования апостольской нунциатуры в Мадриде в сентябре 1833 г. – июле 1835 г. на основе документов, хранящихся в Ватиканском секретном архиве (Archivio Segreto Vaticano). Дается обзор научной литературы по данному вопросу. Делается краткий очерк ватикано-испанских взаимоотношений в 1823–1833 гг. Показываются причины кризиса в ватикано-испанских отношениях после смерти короля Фердинанда VII в 1833 г. и предпосылки окончательного разрыва дипломатических отношений в 1835 г. Деятельность нунциатуры в Мадриде рассматривается в контексте Первой Карлистской войны. Делается вывод, что нежелание Григория XVI признавать права королевы Изабеллы на престол привело к разрыву дипломатических отношений.

Ключевые слова

Ватикан, Первая Карлистская война, международные отношения, нунциатура в Мадриде, Григорий XVI

Для цитирования

Терещук А. А. Апостольская нунциатура в Мадриде и ватикано-испанские отношения в 1833–1835 годах // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 1: История. С. 21–28. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-21-28

APOSTOLIC NUNCIATURE IN MADRID AND RELATIONS BETWEEN THE HOLY SEE AND SPAIN IN 1833–1835

A. A. Tereshchuk

Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The article examines the relationship between Spain and the Holy See, as well as the functioning of the Apostolic Nunciature in Madrid between September 1833 – July 1835. An outline of previous research in this field is presented. The article also introduces into scientific use a number of documents from the Vatican Secret Archives, and offers a brief overview of the Holy See – Spain diplomatic relations in 1823–1833. In 1832 in Spain, the apostolic nuncio F. Tiberi was substituted by L. Amat. The new representative of the Holy See arrived in Madrid in September 1833, 17 days before the death of King Ferdinand VII. In October 1833 the First Carlist War started. Numerous representatives of the Spanish clergy supported the claim of the King's brother, Prince (Infante) Don Carlos, to the throne. Nevertheless, the Holy See did not recognize neither the Princess Isabel neither Infante Don Carlos as legitimate claimants to the Spanish throne. For that reason, the Spanish government in Madrid did not recognize L. Amat as the nuncio. L. Amat stayed in Madrid

© А. А. Терещук, 2019

until 1835. In the meantime, The Holy See State Secretary T. Bernetti and the nuncio L. Amat preferred to wait for the results of the conflict between the Carlists and the Isabelinos (the partisans of Don Carlos and Isabel, respectively). According to the nuncio's letters to the State Secretary in 1833–1834, the Holy See's representative did not consider Isabel's victory an obvious one. The Pope's reluctance to recognize Isabel as a Queen led to a breakdown of diplomatic relations between the Holy See and Spain in 1835. The sup-pression of the Society of Jesus in Spain in August 1835 was the cause of both the breakdown and the nuncio's departure from the country. The events of August 1835 enhanced the Spanish clergy's support to the Don Carlos cause and encouraged J. A. Mendizabal's anticlerical policy in 1835–1836.

Keywords

Holy See, First Carlist War, international relations, Nunciature in Madrid, Gregory XVI

For citation

Tereshchuk A. A. Apostolic Nunciature in Madrid and Relations between the Holy See and Spain in 1833–1835. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 1: History, p. 21–28. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-21-28

Одним из актуальных вопросов, связанных с изучением истории Первой Карлистской войны (1833–1840), является проблема вмешательства Ватикана в конфликт. Несомненно, что и папа Григорий XVI, и государственный секретарь кардинал Т. Бернетти (а с 1836 г. – кардинал Л. Ламбрускини) сочувствовали сторонникам Карлоса Марии Исидро де Бурбона, также известного как «дон Карлос» («карлистам»), которые в октябре 1833 г. подняли восстание против власти регентши Марии-Кристины и ее дочери, будущей королевы Изабеллы II. В то же время опасение потерять свое влияние при мадридском дворе и на территориях, находившихся под контролем противников карлистов (называемых обычно «кристинос», по имени Марии-Кристины), вынуждало представителей римской курии вплоть до 1835 г. сохранять апостольскую нунциатуру в столице Испании [1]. Таким образом, как отмечают авторы «Истории внешней политики Испании», «в самом начале конфликта Святой Престол сохранял нейтралитет» [Аникеева и др., 2013. С. 131]. При этом слова С. Г. Лозинского, который отказывает Григорию XVI в возможности проводить самостоятельную политику и пишет, что «фактически с 1831 до 1848 г. Папская область была оккупирована Австрией» [1986. С. 342], выглядят явным преувеличением. Представляется обоснованным рассматривать внешнюю политику Ватикана в период понтификата Григория XVI (1831–1846) не только в русле политики венского двора, но и как совокупность действий независимого субъекта международных отношений.

Реализация политики Святого Престола в отношении Испании во время Первой Карлистской войны остается одной из недостаточно изученных тем в истории международных отношений второй четверти XIX в. Авторы крупных работ по истории Испании или войны 1833–1840 гг. ограничиваются, как правило, общими замечаниями о симпатиях Папы к дону Карлосу, после чего более подробно останавливаются на антицерковных погромах 1834 г. и внутренней политике председателя Совета министров Х. А. Мендисабаля в 1835–1836 гг., т. е. рассматривают те последствия, к которым привело обострение отношений Ватикана и правительства в Мадриде [Майский, 1957; Юрчик, 2014; Пискорский, 2015; Дезер, 1938; Oyarzun, 1969; Bullón de Mendoza, 1991; Pérez, 1997; Canal, 2000].

Подробнее вопрос ватикано-испанских взаимоотношений освещен в некоторых работах более узкой тематики. Значительную ценность до сих пор представляет монография Х. Бекера «Дипломатические отношения между Испанией и Святым Престолом в XIX веке», опубликованная в Мадриде в 1908 г. [Becker, 1908]. Тем не менее автор на момент написания кни-

[1] Об особом статусе папского нунция в 1833–1835 гг. будет сказано далее.

ги, к сожалению, не имел доступа к документам, хранящимся в Ватикане, и вынужден был опираться только на испанские источники. Четыре десятилетия спустя итальянский специалист А. К. Йемоло использовал в своей короткой статье некоторые материалы из Ватиканского секретного архива, показывая деятельность нунциатуры в Мадриде [Jemolo, 1947]. Испанский вопрос рассматривается и в исследовании Э. Морелли, однако лишь в контексте всей деятельности кардинала Т. Бернетти на посту государственного секретаря Ватикана [Morelli, 1953]. Кроме того, из работ, затрагивающих данную тему, можно упомянуть статьи Ф. Изагирре [Izaguirre, 1958], Х. Горричо [Gorricho, 1962], В. Карселя [Cárcel, 1974], М. Х. Вилара [Vilar, 2016] и монографию В. Карселя [Cárcel, 1975]. Проблема дипломатических отношений Ватикана и Испании упоминается и в соответствующих статьях в «Биографическом словаре итальянцев», в биографиях апостольского нунция Л. Амата [Tantillo, 1960] и государственного секретаря кардинала Т. Бернетти [Pignatelli, 1967]. Если в зарубежной историографии (прежде всего, в испанской и итальянской) данная тема, оставаясь на периферии научных исследований, посвященных Первой Карлистской войне, все же была затронута несколькими авторами, то в отечественной исторической науке ватикано-испанские отношения в 1830-х гг. остаются подвергнутыми только поверхностному анализу.

В настоящей статье дается краткий обзор деятельности апостольской нунциатуры в Мадриде в сентябре 1833 г. – июле 1835 г. Выбор нижней временной границы исследования обусловлен двумя событиями: 12 сентября 1833 г. из Рима в Мадрид прибыл новый папский нунций Л. Амат, а 29 сентября скончался король Испании Фердинанд VII, после чего началась Первая Карлистская война. Верхняя временная граница – запрет ордена иезуитов в Испании, за которым последовал отзыв нунция из Мадрида. Кроме того, данные временные рамки практически полностью совпадают с выделяемым французским историком Ж. Перезом первым этапом войны 1833–1840 гг. [Pérez, 1997. P. 586] [2]. Источником для проведенного исследования стали архивные документы, хранящиеся в Ватиканском секретном архиве (Archivio Segreto Vaticano), в архиве Государственного секретариата (Segreteria di Stato), в фонде «Внешняя политика» (Esteri), отдел (rubrica) 249, папки 438–439 (у папки 439 – части 1 и 2), относящиеся к делам Апостольской нунциатуры в Мадриде в 1832–1835 гг. Анализировалась переписка нунция в Мадриде (Ф. Тибери и сменившего его Л. Амата) и государственного секретаря Т. Бернетти, а также личная корреспонденция нунция Л. Амата.

Для понимания особенностей ватикано-испанских взаимоотношений в рассматриваемый период необходимо показать контекст, в котором данные отношения развивались. После окончания так называемого «Либерального трехлетия» 1820–1823 гг. апостольским нунцием в Испании остался занимавший эту должность с 1817 г. Д. Джустиниани. Известный своими симпатиями к абсолютизму нунций был изгнан либеральным правительством из Испании в январе 1823 г. и смог вернуться в страну только в сентябре, после успеха экспедиции «Ста тысяч сыновей Святого Людовика» [3] [Bonechi, 2001]. Джустиниани прикладывал значительные усилия к подрыву влияния представителей духовенства, сочувствовавших введению конституции, и поддерживал отношения с доном Карлосом, генеральным настоятелем Ордена меньших братьев (францисканцев) Сирило де Аламеда и Бреа, епископом леонским Хоакином Абаркой и послом Сардинии Клементе Соларо делла Маргарита. Во время войны 1833–1840 гг. все вышеперечисленные фигуры в той или иной мере были связаны с карлизмом. Последний,

[2] Границей между 1-м и 2-м этапом, согласно данной классификации, является смерть главнокомандующего вооруженными силами карлистов в Наварре и Стране Басков Т. де Сумалакарреги в конце июня 1835 г. [Терещук, 2017].

[3] Поход «Ста тысяч сыновей Святого Людовика» – военная экспедиция французской армии под командованием герцога Ангулемского в 1823 г. Данное предприятие положило конец так называемому «Либеральному трехлетию» в Испании (1820–1823) и Роялистской войне (1821–1823).

занимая пост министра иностранных дел Сардинии, в 1836 г. способствовал разрыву дипломатических отношений своей страны с Испанией [Urquijo Goitia, 1992. P. 982–984].

В 1827 г. нунцием стал Ф. Тибери [Montani, 1840. P. 13], который находился на этом посту до начала Первой Карлистской войны. В отличие от своего предшественника, новый посланник папы предпочитал не вмешиваться во внутригосударственные дела Испании и не участвовал в интригах, связанных с публикацией Прагматической санкции [4] и изменением законодательства о престолонаследии [Cárcel, 1974. P. 244]. Нунций дистанцировался от представителей абсолютистских кругов, с которыми поддерживал хорошие отношения его предшественник. А. К. Йемоло писал, что нет оснований подозревать Ф. Тибери в симпатиях к либерализму и неприятии карлизма [Jemolo, 1947. P. 8]. Тем не менее некоторые письма Ф. Тибери государственному секретарю Т. Бернетти свидетельствуют о том, что их автор относился к карлистам с определенной долей скепсиса. Так, например, в письме от 22 марта 1834 г. Ф. Тибери пишет об «увлеченных фанатизмом» священниках, которые поддерживают дона Карлоса, и противопоставляет их «образованным, благоразумным и полным Божественного Духа» клирикам, не вмешивающимся в конфликт [5].

Возможно, именно нежелание Ф. Тибери поддерживать контакт с кругами, близкими к дону Карлосу, стало одной из причин смены нунция в Мадриде. Летом 1832 г. на согласование королю Испании Фердинанду VII был отправлен из Рима список из четверых кандидатов на должность апостольского нунция (с одним из имен, отмеченным папой в качестве предпочтительного). 5 октября испанский монарх утвердил предложенную Григорием XVI кандидатуру Луиджи Амата ди Сан Филиппо [6]. Утверждение Л. Амата Фердинандом VII состоялось практически сразу же после выздоровления короля и политического кризиса, вызванного событиями в Ла-Гранхе 1832 г. [7] и временной отменой Прагматической санкции. На момент назначения Л. Амата нунцием Прагматическая санкция не имела силы; ее действие было восстановлено только в декабре того же года (т. е. фактически с сентября по декабрь 1832 г. наследником являлся дон Карлос).

Несмотря на то, что кандидатура Л. Амата была согласована королем Испании и утверждена в Ватикане еще в октябре 1832 г., новый нунций появился в Мадриде, как уже было указано, только в сентябре 1833 г. [8] В отсутствие Л. Амата Ф. Тибери продолжал исполнять обязанности нунция. 12 декабря 1832 г. Ф. Тибери был на приеме у Фердинанда VII, который по традиции возложил на нунция кардинальскую шапочку (Григорий XVI объявил о возведении в сан кардинала Ф. Тибери еще 2 июля, но церемонию долго не могли провести из-за состояния здоровья испанского монарха). В письме, адресованном Т. Бернетти, нунций отмечал «холодное и вполне красноречивое молчание» королевы Марии-Кристины и «величайшую любезность»

[4] Прагматическая санкция, принятая Карлом IV и кортесами в 1789 г. и опубликованная Фердинандом VII в 1830 г., изменяла закон о престолонаследии от 1713 г. В соответствии с Прагматической санкцией женщины могли наследовать испанский престол. Таким образом, Фердинанду VII должен был наследовать не дон Карлос, а принцесса Изабелла. Публикация Прагматической санкции вызвала недовольство в кругах, близких к дону Карлосу.

[5] ASV. Segreteria di Stato. Esteri. Rubrica 249. Busta 439. Nunziatura di Spagna. Fascicolo 1. 1832–1834. Francesco Tiberi – Tommaso Bernetti. 22.03.1834.

[6] Ibid. B. 438. Nunziatura di Spagna. 1832. Ramírez de la Piscina – Tommaso Bernetti. 05.10.1832.

[7] В связи с тяжелой болезнью короля Фердинанда VII в сентябре 1832 г. сторонники дона Карлоса во главе с министром юстиции Франсиско Тадео Каломарде попытались вынудить монарха отменить прагматическую санкцию и лишить принцессу Изабеллу прав на престол. Прагматическая санкция была временно аннулирована королем, однако после выздоровления Фердинанд VII изменил свое решение и отправил в отставку Каломарде и про-карлистски настроенных чиновников.

[8] ASV. Segreteria di Stato. Esteri. R. 249. B. 439. Nunziatura di Spagna. F. 1. 1832–1834. Francesco Tiberi – Tommaso Bernetti. 12.09.1833.

дона Карлоса [9]. Данное свидетельство показывает симпатии и преференции участников будущей Первой Карлистской войны, которая начнется через 10 месяцев после встречи Ф. Тибери с королевской семьей.

Л. Амат прибыл в Мадрид за 17 дней до смерти Фердинанда VII. После кончины короля Мария-Кристина заявила о правах своей дочери Изабеллы на престол (в соответствии с Прагматической санкцией), а дон Карлос, в свою очередь, объявил законным монархом самого себя. Ватикан не признал ни Изабеллу, ни дона Карлоса. По мнению Х. Бекера, причиной непризнания Изабеллы Святым Престолом явились действия испанского представителя в Ватикане Г. Лабрадора. Вместо того, чтобы передать Папе ноту с уведомлением о смерти Фердинанда VII и восшествии на престол Изабеллы II (обычная процедура в подобных случаях), посол, симпатизировавший дону Карлосу, направил в Ватикан две ноты: в первой сообщалось о смерти монарха, а во второй – о новой королеве. Таким образом, перед Григорием XVI ставился вопрос о признании прав Изабеллы [Becker, 1908. P. 83]. В результате 19 октября Г. Лабрадор получил от государственного секретаря Ватикана ноту, в которой сообщалось, что «Его Святейшество воздержится от дальнейших заявлений до выяснения позиции остальных дворов (Европы. – *А. Т.*)» [Ibid. P. 84].

Желание государственного секретаря подождать с признанием Изабеллы и посмотреть, как будет развиваться карлистское восстание, вполне закономерно, так как в начале войны перспективы Изабеллы закрепиться на престоле были весьма неопределенными. В течение октября-ноября 1833 г. Л. Амат и Ф. Тибери ежедневно информировали Т. Бернетти о событиях в Испании. Например, 7 октября Ф. Тибери писал о «волнениях в Кордове» и о том, что «Бильбао полностью охвачен восстанием». Значительный интерес для исследователя представляет концовка данного документа. Бывший нунций задает вопрос: «Почему бы не решить споры посредством брака?» [10]. Возможно, именно в письме от 7 октября впервые после начала восстания прозвучало предложение подобного разрешения конфликта между карлистами и кристинос; впоследствии вариант «матримониального» примирения будет активно обсуждаться и в Испании, и в кругах карлистской эмиграции в первой половине 1840-х гг.

Докладывая о ходе боевых действий, представители Ватикана были далеки от мысли ставить крест на перспективах Марии-Кристины и Изабеллы. Л. Амат, отмечая в письме от 19 октября распространение восстания по всей стране, пишет о серьезном ударе по «делу» повстанцев – пленении генерала Сантоса Ладрона, наиболее значимой, по мнению нунция, фигуры в лагере карлистов [11] (генерал провозгласил королем дона Карлоса и поднял восстание в Риохе в начале октября; через несколько дней он попал в плен и был расстрелян 14 октября 1833 г.). Л. Амат был сторонником выжидательной тактики; Ватикан должен был посмотреть, кто возьмет верх в борьбе, и не торопиться с официальным признанием дона Карлоса или Изабеллы. Слова Э. Морелли о том, что Амат «настаивал на признании Изабеллы II» [Morelli, 1953. P. 121], представляются лишенными серьезных оснований. Сложно предположить, чтобы человек, предлагавший признать правительство в Мадриде, следующим образом описывал провозглашение королевой Изабеллы и проход торжественной процессии по центру испанской столицы: «Из толпы плебеев (*plebe*) доносились крики “Да здравствует…”, чему не стоит удивляться, если принять во внимание, что та же самая толпа с энтузиазмом собирала монеты, кото-

[9] Ibid. B. 438. Nunziatura di Spagna. 1832. Francesco Tiberi – Tommaso Bernetti. 19.12.1832.
[10] Ibid. B. 439. Nunziatura di Spagna. F. 1. 1832–1834. Francesco Tiberi – Tommaso Bernetti. 07.10.1833.
[11] Ibid.. Luigi Amat – Tommaso Bernetti. 19.10.1833.

рые кидали ей по случаю провозглашения королевы» [12]. В письме от 4 февраля 1834 г. Л. Амат уже напрямую говорит о необходимости подождать с признанием Изабеллы [13].

Практическим следствием непризнания папой прав Изабеллы на престол была невозможность вручения Л. Аматом верительных грамот новой королеве. Соответственно, мадридское правительство не признавало Л. Амата в качестве законного представителя Папы при испанском дворе. Государственный секретарь Испании Ф. Сеа Бермудес в письме Л. Амату замечал: «Ваша милость должны прекрасно знать, что ни по юридическим нормам, ни по сложившейся практике ведения дел во всех государствах, иностранный посланник не может приступить к исполнению своих обязанностей, не вручив предварительно верительных грамот главе государства» [14]. Через день после написания данного письма Ф. Сеа Бермудес вышел в отставку, но новый глава правительства Ф. Мартинес де ла Роса (в качестве председателя совета министров) занимал такую же позицию по данному вопросу. В феврале 1834 г. председатель совета министров нанес визит бывшему нунцию Ф. Тибери [15] и подтвердил, что Л. Амат будет признан нунцием только после вручения верительных грамот [16].

Подобное положение сохранилось вплоть до отъезда Л. Амата из Мадрида в августе 1835 г.; де-юре все это время в Испании не было нунция, а Л. Амат воспринимался властями страны как неофициальный представитель папы при испанском дворе.

Поводом для отъезда Л. Амата из Мадрида и закрытия нунциатуры стало именно отсутствие официального статуса у ватиканского посланника. При этом событием, которое подтолкнуло Ватикан к отзыву нунция из Испании и разрыву дипломатических отношений, стал запрет ордена иезуитов в стране [Jemolo, 1947. P. 13]. Следует отметить, что слухи о возможных репрессиях в отношении Общества Иисуса ходили в Мадриде еще с начала 1834 г.; Л. Амат писал о них в Ватикан еще 14 апреля 1834 г., более чем за год до декрета о запрете ордена [17]. Изгнание иезуитов и политика министерства Х. М. Кейпо де Льяно, графа Торено (председателя совета министров с 7 июня 1835 г.) привели к ряду антицерковных погромов в июле-августе 1835 г.; серьезные волнения произошли в Барселоне. Луиджи Джильо, доверенное лицо нунция в Каталонии, писал Л. Амату о том, что 25 июля толпа подожгла ряд монастырей в городе; на следующий день властям пришлось для обеспечения безопасности распределить всех клириков по крепостям Барселоны [18]. 9 августа Л. Амат докладывал государственному секретарю о многочисленных поджогах церквей и монастырей в «южной части королевства», Арагоне, Каталонии и Мурсии [19]. События лета 1835 г. стали повторением погромов в Мадриде 17 июля 1834 г., когда толпа, убежденная, что монахи виновны в отравлении городских колодцев, разорила ряд монастырей и убила 73 священника и монаха [Юрчик, 2014. С. 299].

---

[12] Ibid. 31.10.1833.

[13] Ibid. 04.02.1834.

[14] Ibid. Cea Bermúdez – Luigi Amat. 13.01.1834.

[15] Ф. Тибери, обладавший связями при дворе, оставался в Мадриде до 27 мая 1834 г., принимая участие в работе нунциатуры. Несмотря на требования Ватикана покинуть Мадрид, бывший нунций под разнообразными предлогами откладывал свой отъезд. Например, 26 мая 1833 г. Ф. Тибери писал Т. Бернетти, что не смог уехать из Мадрида из-за сильных дождей и праздника Троицы (ASV. Segreteria di Stato. Esteri. R. 249. B. 439. Nunziatura di Spagna. F. 1. 1832–1834. Francesco Tiberi – Tommaso Bernetti. 26.05.1833), 24 декабря 1833 г. – что не может получить у испанских властей свой паспорт (Ibid. 24.12.1833), 26 февраля 1834 г. – что ему необходимо решить «неотложное дело», чтобы избежать «более серьезных проблем для Религии» (Ibid. 26.02.1834).

[16] Ibid. 26.02.1834.

[17] ASV. Segreteria di Stato. Esteri. R. 249. B. 439. Nunziatura di Spagna. F. 1. 1832–1834. Luigi Amat – Tommaso Bernetti. 14.04.1834.

[18] Ibid. F. 2. 1835. Luigi Giglio – Luigi Amat, 29.07.1835.

[19] Ibid. F. 1. 1832–1834. Luigi Amat – Tommaso Bernetti, 09.08.1835.

Взаимное недоверие испанских властей и Святого Престола и нежелание Папы признавать Изабеллу в качестве королевы привели к разрыву дипломатических отношений между Ватиканом и Испанией (восстановленных в 1848 г.). Данный разрыв только был на руку политике Х. А. Мендисабаля, возглавившего правительство 25 сентября 1835 г., восстановившего антиклерикальное законодательство «Либерального трехлетия» и ускорившего процесс дезамортизации – принудительной продажи церковных земель и недвижимости [Там же. С. 302]. Постепенное ухудшение отношений Испании и Ватикана на протяжении первой половины 1830-х гг. привело к значительному ослаблению позиций Церкви в стране и способствовало росту симпатий к карлистам со стороны значительной части испанского духовенства.

Список литературы / References

Аникеева Н. Е., Ведюшкин В. А., Волосюк О. В., Медников И. Ю., Пожарская С. П. История внешней политики Испании. М.: Междунар. отношения, 2013. 504 с.
Anikeeva N. E., Vedyushkin V. A., Volosyuk O. V., Mednikov I. Y., Pozharskaya S. P. Istoriya vneshnei politiki Ispanii [History of Foreign Policy of Spain]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2013, 504 p. (in Russ.)

Дезер Д. Испания и Португалия 1814–1847 // История XIX века. М., 1938. Т. 4. С. 219–256.
Dezer D. Ispaniya i Portugaliya 1814–1847 [Spain and Portugal 1814–1847]. In: Istoriya XIX veka [History of the 19th Century]. Moscow, 1938, vol. 4, p. 219–256. (in Russ.)

Лозинский С. Г. История папства. М.: Политиздат, 1986. 382 с.
Lozinsky S. G. Istoriya papstva [History of the Papacy]. Moscow, Politizdat, 1986, 382 p. (in Russ.)

Майский И. М. Испания 1808–1917: исторический очерк. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 454 с.
Maisky I. M. Ispaniya 1808–1917: istoricheskii ocherk [Spain in 1808–1917: Historical Overview]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957, 454 p. (in Russ.)

Пискорский В. К. История Испании и Португалии. От падения Римской империи до начала XX века. М.: Ленанд, 2015. 284 с.
Piskorky V. K. Istoriya Ispanii i Portugalii. Ot padeniya Rimskoi imperii do nachala XX veka [History of Spain and Portugal. From the Fall of the Roman Empire to the Beginning of the 20th Century. Moscow, Lenand, 2015, 284 p. (in Russ.)

Терещук А. А. Т. де Сумалакарреги и его роль в Первой Карлистской войне (1833–1840) // Вестн. Перм. ун-та. История. 2017. № 2 (37). С. 146–155.
Tereschuk A. A. T. de Zumalacarregui i ego rol' v Pervoi Karlistskoi voine (1833–1840) [T. de Zumalacarregui and His Role in the First Carlist War (1833–1840)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [*Perm University Herald. History*], 2017, no. 2 (37), p. 146–155. (in Russ.)

Юрчик Е. Э. Испания при Изабелле II // История Испании. М., 2014. Т. 2: От войны за испанское наследство до начала XXI в. С. 295–326.
Yurchik E. E. Ispaniya pri Izabelle II [Spain during the Reign of Isabel II]. *Istoriya Ispanii* [*History of Spain*]. Moscow, 2014, vol. 2. Ot voiny za ispanskoe nasledstvo do nachala XXI veka [From the War of the Spanish Succession to the Beginning of the 21st Century], p. 295–326. (in Russ.)

Becker J. Relaciones diplomáticas entre España y la Santa Sede durante el siglo XIX. Madrid, Imprenta de Jaime Ratés Martín, 1908, 487 p.

Bonechi S. Giustiniani, Giacomo. *Dizionario biografico degli italiani*, 2001. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/giacomo-giustiniani_%28Dizionario-Biografico%29/ (accessed 22.07.2018).

Bullón de Mendoza A. La Primera Guerra Carlista. Tesis doctoral. Madrid, Universidad Complutense de Madrid, 1991, 1221 p.

Canal J. El carlismo. Dos siglos de contrarrevolución en España. Madrid, Alianza Editorial, 2000, 512 p.

Cárcel V. Gregorio XVI y España. *Archivum Historiae Pontificiae*, 1974, no. 12, p. 235–285.

Cárcel V. Política eclesial de los Gobiernos liberales españoles (1830–1840). Pamplona, Uni. de Navarra, 1975, 532 p.

Gorricho J. El pretendiente Carlos V y el papa Gregorio XVI. *Anthologica Annua*, 1962, no. 10, p. 731–741.

Izaguirre F. Las relaciones diplomáticas de la Santa Sede con el Gobierno español durante la primera guerra carlista. *Universidad* (*Zaragoza*), 1958, no. 35, p. 569–593.

Jemolo A. C. I principii della guerra carlista e la Nunziatura di Madrid. *Ressegna Storica del Risorgimento*, 1947, no. 34 (I–II), p. 6–14.

Montani F. F. Vita del Card. Francesco Tiberi scritta dal Cav. Francesco Fabí Montaní. Roma, Alessandro Monalde, 1840, 18 p.

Morelli E. La politica estera di Tommaso Bernetti, Segretario di Stato di Gregorio XVI. Roma, Edizioni di Storia e Letteratura, 1953, 270 p.

Oyarzun R. La historia del carlismo. Madrid, Alianza Editorial, 1969, 553 p.

Pérez J. Histoire de l'Espagne. Paris, Fayard, 1997, 921 p.

Pignatelli G. Bernetti, Tommaso. *Dizionario biografico degli italiani*, 1967. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/tommaso-bernetti_%28Dizionario-Biografico%29/ (accessed 15.07.2018).

Tantillo G. Amat di San Filippo e Sorso, Luigi. *Dizionario biografico degli italiani*, 1960. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/amat-di-san-filippo-e-sorso-luigi_(Dizionario-Biografico)/ (accessed 15.07.2018).

Urquijo Goitia R. Los Estados italianos y España durante la primera guerra carlista (1833–1840). *Hispania: Revista española de historia*, 1992, vol. 52, no. 182, p. 947–997.

Vilar M. J. Francisco Martínez de la Rosa y las conflictivas relaciones Iglesia-Estado en España. *Hispania Sacra*, 2016, vol. LXVIII, no. 138, p. 723–734.

Материал поступил в редколлегию
Received
24.08.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Терещук Андрей Андреевич, PhD, ведущий специалист по информационным ресурсам Управления по связям с общественностью Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (наб. реки Мойки, 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия, atereschuk@herzen.spb.ru)

Andrey A. Tereshchuk, PhD, leading specialist in informational resources, Department of Public Relations, Herzen State Pedagogical University of Russia (Moika Emb., 48, St. Petersburg, 191186, Russian Federation, atereschuk@herzen.spb.ru)

УДК 94 (100) «1914/19»
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-29-40

Эмир Шакиб Арслан между Османской и Германской империями

С. А. Шерстюков

Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия

Аннотация

Статья посвящена взглядам и деятельности накануне и в период первой мировой войны известного исламского активиста эмира Шакиба Арслана (1869–1946). Автор фокусируется на изучении сотрудничества Шакиба Арслана с триумвирами, а также непродолжительного, но важного отрезка жизни эмира, связанного с его пребыванием в Германии в качестве османского эмиссара. Автор пытается понять место и роль Шакиба Арслана в германо-османских отношениях на заключительном этапе первой мировой войны, уделяя особое внимание его пропагандистской активности в этот период. Эмир воспроизводил утвердившуюся в Османской империи теорию халифата, внешний вызов для Османской империи и всего мусульманского мира он видел в колониальных устремлениях государств Антанты. Принцип исламской солидарности и сохранение халифата Шакиб Арслан считал необходимым условием для выживания Османской империи перед лицом угрозы со стороны Запада.

Ключевые слова

Первая мировая война, Османская империя, Германская империя, пропаганда, Шакиб Арслан

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00052 «Немецкая пропаганда на Ближнем Востоке: от Германской империи к Третьему рейху (1914–1945)»

Для цитирования

Шерстюков С. А. Эмир Шакиб Арслан между Османской и Германской империями // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 1: История. С. 29–40. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-29-40

Amir Shakib Arslan and his Efforts between the Ottoman and the German Empire

S. A. Sherstyukov

Altai State University
Barnaul, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of views and activities on the eve and during the First World War of the famous Islamic activist Amir Shakib Arslan (1869–1946). The author focuses on studying Shakib Arslan's cooperation with the leaders of the Committee of Union and Pro-gress (CUP), as well as the short but important period of the Amir's life, con-

© С. А. Шерстюков, 2019

nected with his stay in Germany as an emissary of the Ottoman Empire. The author tries to understand the place and role of Shakib Arslan in the relations between the German and the Ottoman empires in the final stage of the First World War, paying special attention to his propaganda activity during this period. The example of Shakib Arslan confirms the thesis of representatives of the new empire history about the importance of numerous cross-border interconnections for inter-imperial relations. With the beginning of the First World War, on the one hand, additional difficulties around maintain ties between the Ottoman and German empires arose, and on the other, new ties and forms of cooperation were created, with their intensity ultimately increasing during the war. During the First World War, many representatives of national movements followed a similar path (moving to Germany, cooperation with German services, including the use of propaganda). It is important, however, to see and understand not only their personal motives, but also the situational context of interaction, and in general, from a transnational perspective, consider the various links and communities which emerged during as well as after the war. This will help to better understand the influence of the First World War on the dynamics of national post-war and anti-colonial movements. With the end of the First World War, the anti-colonial struggle did not end (on the contrary, in some cases, it received a new impetus), and the networks of interaction, institutions and communities created during the war transformed, and continued to operate in the 1920s and in some cases even in the 1930s.

Keywords

First World War, Ottoman Empire, German Empire, propaganda, Shakib Arslan

Acknowledgements

This study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project № 18-39-00052 “German propaganda in the Middle East: from the German Empire to the Third Reich (1914–1945)”

For citation

Sherstyukov S. A. Amir Shakib Arslan and His Efforts between the Ottoman and the German Empire. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 1: History, p. 29–40. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-29-40

Яркая личность Шакиба Арслана и его насыщенная событиями биография давно привлекали внимание исследователей. Однако исследовательский интерес к этой фигуре связан не только с попытками понять сложную траекторию его политической и интеллектуальной жизни. За ним стоит нечто большее – стремление к пониманию и описанию эволюции исламского активизма в первой половине XX в.

Эмир Шакиб Арслан больше известен своей деятельностью в межвоенный период. Во многом благодаря его усилиям Женева в 1920–1930-е гг. не только превратилась в своеобразную столицу формирующегося исламского сообщества Западной Европы, но и стала одним из центров международного исламского активизма. Однако предшествующий, «османский» период его жизни, связанный с его борьбой за сохранение Османской империи, не менее важен. В конце концов, именно в это время он сформировался как политик и исламский идеолог, став одним из самых ярких представителей последнего поколения османской элиты. Приверженность имперскому мышлению и османской политической культуре не могла не сказаться на последующем развитии его идей. Как заметил автор лучшей англоязычной работы о Шакибе Арслане Уильям Кливленд, идеи, которые сделали его знаменитым, были сформированы в османской среде. Чтобы в полной мере оценить его, необходимо понять его место в османской системе и его взгляды на Османскую империю [Cleveland, 1985. P. XIV].

Тем не менее не следует недооценивать и опыт пребывания Шакиба Арслана в Европе – сначала как османского эмиссара, затем как изгнанника. Именно Европа выступала в то время для многих арабских и турецких националистов и панисламистов в качестве конституирующего Иного, и Шакиб Арслан – не исключение.

На Западе Шакибу Арслану посвящено множество работ, в которых исследуется его деятельность как политика и исламского активиста. В отечественной историографии, напротив, личность Шакиба Арслана пока не привлекала сколько-нибудь серьезного внимания исследователей. Автор статьи, обращаясь к архивным документам, а также к публикациям самого Шакиба Арслана, анализирует деятельность эмира в османский и германский периоды его жизни, делая особый акцент на той части биографии Шакиба Арслана, которая связана с его усилиями по поддержанию и укреплению германо-османского альянса в годы первой мировой войны.

Арслан, родившийся в регионе Шуф в Ливане, принадлежал к влиятельной семье друзов, члены которой имели право носить титул эмира [Cleveland, 1997. P. 248]. Однако стать известным имперским политиком Арслану помог не только его наследственный аристократический статус, но и движение арабского Возрождения (ан-Нахда) [Cleveland, 1985. P. XIV]. Арслан в полной мере использовал возможности, которые открывала наступающая эпоха – и с точки зрения образования, и с точки зрения мобильности и новых средств коммуникации.

Получив начальное образование у местного шейха, Шакиб Арслан поступил в американскую школу, созданную миссионерами-протестантами в его родном городе Шувейфат. После ее окончания Шакиб Арслан в течение семи лет обучался в маронитском духовном училище («Школа мудрости») [1] и, наконец, завершил свое образование в престижном османском учебном заведении Бейрута «Аль-мадраса ас-Султания» [Rabah, 2014. P. 2]. В последние годы его обучения в Бейруте он стал учеником и протеже знаменитого египетского реформатора и интеллектуала Мухаммеда Абдо [Cleveland, 1985. P. 8], который серьезно повлиял на дальнейшую идейную эволюцию Шакиба Арслана. В ходе поездок Шакиба Арслана по Ближнему Востоку происходит укрепление сети его интеллектуальных знакомств и формирование политических и личных связей с ведущими деятелями движения ан-Нахда [Rabah, 2014. P. 2]. Также Арслан совершил поездку во Францию, по возвращении из которой в Стамбул он познакомился еще с одним «властителем дум» мусульманского мира – Джамаль ад-Дином аль-Афгани.

Шакиб Арслан рано проявил себя как способный поэт и литератор, став обладателем почетного титула «принц красноречия» (амир аль-байдн). Уже совсем скоро литературные способности Арслана помогут ему стать ярким полемистом, защищающим ислам и Османскую империю от европейской экспансии.

После прихода к власти в Османской империи в 1908 г. младотурок и восстановления ими конституции, Арслан был избран в совет делегатов, представляющих регион Хауран [Ibid.]. Позднее, в 1914 г. он стал депутатом османского парламента.

Одним из поворотных моментов в политической карьере и жизни Арслана станет сближение с триумвирами: Энвер-пашой, Талаат-пашой и Джемаль-пашой, произошедшее вскоре после младотурецкой революции 1908 г.

После начала итало-турецкой войны Арслан отправился из Египта в Триполи для того, чтобы доставить с помощью каравана верблюдов материалы от Красного Полумесяца для ливийских воинов. В это время Арслан познакомился с Энвер-пашой, который по собственной инициативе поехал на войну для того, как он считал, чтобы спасти Османскую империю и мусульманский мир от натиска европейских держав. Шакиб Арслан писал позднее, что отношение Энвера к войне в Триполи полностью совпадало с его собственным. На мой взгляд, продолжал Арслан, капитуляция или игнорирование Траблусгарпа [2] привели бы не просто

[1] «Мадрасат аль-хикма» («школа мудрости») – духовное училище, открытое маронитами в Бейруте в 1865 г. [Родионов, Сарабьев, 2013. С. 152].

[2] «Trablusgarp Savaşı» («Война за Триполи») – закрепившееся в Турции название итало-турецкой войны 1911–1912 гг.

к унижению североафриканских мусульман и их сдаче врагу, но открыли бы путь к распаду всей Османской империи [Wasti, 2008. P. 927]. Арслан, встретивший Энвер-пашу в подобных обстоятельствах, открыто восхищался им и даже называл его «настоящим исламским героем» [Zekeriya, 1995. S. 600].

И до и во время поездки в Ливию Арслан публикует в различных газетах статьи, направленные против итальянского вторжения, начав, по его собственным словам, «войну пера» [Wasti, 2008. P. 927]. Именно в этой войне, которую Арслан будет вести всю жизнь, выражая на страницах газет и журналов в яркой, полемичной форме свои антиколониальные идеи и обращаясь к мусульманской солидарности, он преуспеет в наибольшей степени.

Во время первой Балканской войны Шакиб Арслан координировал деятельность благотворительного общества Красного Полумесяца на Балканах [Adal, 2008. P. 169] и стремился оказать помощь не только мусульманским беженцам из разных частей Балкан, но и осажденной в г. Эдирне османской армии.

Конституционная революция 1908 г. в Османской империи высвободила политическую и интеллектуальную энергию различных этнических и религиозных групп, которых сковывал страх в период авторитарного правления султана Абдулхамида II [Atçıl, 2013. P. 26]. В это время в интеллектуальных арабских кругах набирает силу движение за реформы. В 1912 г. группа сирийских иммигрантов организовала в Каире так называемую Османскую партию децентрализации [Роган, 2018. С. 32]. Критикуя политику централизации, которую проводила правящая партия «Единения и прогресса», они потребовали децентрализации управления и признания арабской автономии. В июне 1913 г. сторонники децентрализации провели съезд Арабского конгресса в Париже. Арслан выступил в это время как рупор централистской позиции и стремился подорвать доверие к сторонникам децентрализации и представить их в качестве сепаратистов, преднамеренно или непреднамеренно служащим целям европейских держав. Опасной в его глазах тенденции к децентрализации он противопоставлял идею исламского единства, которая, по его словам, оправдывала бы преданность арабов и турок сохранению Османской империи [Atçıl, 2013. P. 27].

После переговоров с депутатами Арабского конгресса, османское правительство пригласило в Стамбул группу арабских представителей, в которую вошел и Шакиб Арслан, чтобы обсудить арабский вопрос и требования сирийцев. Во время Стамбульского конгресса арабские гости указали на необходимость предоставления больших полномочий арабским провинциям, а также уделения большего внимания арабскому языку. Кроме того, они попросили правительство создать университет на Аравийском полуострове. Назначенные правительством Шакиб Арслан и Абдулазиз Джавиш провели в Медине почти три месяца, работая над созданием университета [Fikriye, 2013. P. 58].

Однако, судя по письмам, которые Шакиб Арслан во время его поездки в Медину в 1913 г. отправлял Талаат-паше, главными целями этой поездки являлись разведка и пропаганда – в условиях, когда один военный кризис сменялся другим, еще большим по масштабам и последствиям, нужно было собрать информацию о ситуации в арабских провинциях и, по возможности, теснее привязать к османам тех арабских лидеров, в лояльности которых Стамбулу возникали все бóльшие сомнения. Арслан указывал в одном из писем на необходимость постройки железнодорожной линии в Хиджазе, которая соединила бы Мекку и Медину – появление подобной дороги, полагал Арслан, оказало бы положительное влияние на весь мусульманский мир [Zekeriya, 1995. S. 603].

Незадолго до поездки Арслана в Медину в Стамбуле было создано «Исламское благотворительное общество», формальными учредителями которого стали группы мусульман (турки, египтяне, тунисцы, ливийцы, йеменцы, хиджазцы и индийцы), представлявшие самые разные

уголки мусульманского мира. В это общество вошли также министр внутренних дел Талаат-паша и дядя Энвер-паши Халиль-паша [Ibid. S. 604]. Несмотря на название, общество было создано прежде всего для предотвращения наметившегося раскола между арабами и турками. Роль Шакиба Арслана (и для этого общества, и для османской политики в отношении арабских провинций в целом), который одновременно выполнял роль и пропагандиста, и посредника между различными арабскими группами и младотурками, трудно переоценить.

Дружеские отношения Арслана с Энвер-пашой и Талаат-пашой, его преданность младотурецкому режиму и его многочисленные призывы о необходимости единства арабов и турок, вызывали неоднозначную реакцию в арабских кругах, оппозиционно настроенная часть которых подвергла Арслана резкой критике. Впоследствии в своих мемуарах Арслан будет подчеркивать, что до войны с Италией он прекратил все отношения с младотурками, а его отношения с Энвером носили личный характер [Atçıl, 2013. P. 34]. С другой стороны, и в то время, и позднее Арслан действительно был убежден, что от того, сохранится или не сохранится Османская империя, зависит не только судьба турок, но и судьба арабов, а также судьба всего мусульманского мира.

Значимость услуг Шакиба Арслана для младотурецкого режима после начала первой мировой войны только возросла, а следовательно, увеличился и его политический вес. Вступление Османской империи в войну на стороне Германской империи поставило представителей арабских элит перед сложным выбором – сохранить лояльность османам в надежде на расширение прав и, возможно, получение автономии в рамках империи или выступить против османской власти, в расчете на создание независимого арабского государства при поддержке великих держав. И тот, и другой путь были сопряжены со значительными рисками. Как проницательно заметил немецкий арабист Герхард Хёпп, зазор между патриотизмом и коллаборационизмом для лидеров национальных освободительных движений всегда был очень не большим [Нöрр, 1991. S. 827]. Эмир Шакиб Арслан принадлежал к числу тех политиков, которые связывали собственное будущее и будущее арабов с сохранением Османской империи. Он рассматривал начавшуюся войну сквозь призму борьбы между исламской империей и Западом, цели которого состояли в завоевании и разделе исламских земель [Makram, 2014. P. 3].

Тайное соглашение, подписанное 2 августа 1914 г. между Германской и Османской империями и оформившее военный союз двух держав, одни исследователи рассматривали как логический и почти неизбежный шаг на пути хотя и противоречивого, но поступательного германо-османского сближения, продолжавшегося на протяжении нескольких предшествовавших десятилетий. Согласно другой точке зрения, это соглашение стало одним из плохо продуманных решений триумвиров (и, прежде всего, Энвер-паши) в рамках их в целом довольно авантюристичного внешнеполитического курса. Однако это соглашение стало не столько результатом инерции османско-германского сближения, или амбиций и особого отношения к Германии Энвер-паши, а объяснялось, прежде всего, стремлением младотурецкого руководства обеспечить выживание Османской империи в условиях стремительно приближавшегося глобального конфликта.

Деятельность Шакиба Арслана до войны и в еще большей степени после начала войны трудно понять и оценить, если не учитывать его приверженность данной логике – логике выживания империи. Тем не менее, хотя эта логика являлась преобладающей, она не была единственной, могла быть подвижной и не исключала внутренних противоречий. Не сомневающиеся в том, что необходимо не допустить распада Османской империи, Шакиб Арслан и лидеры младотурок иногда расходились в том, каким образом следует добиваться ее сохранения. Однако союз Османской империи с одной из мощнейших европейских держав в глазах Шакиба

Арслана был шагом в правильном направлении и повышал шансы Османской империи на самосохранение.

По замечанию исследователя Раджы Адаля, как одна из немногих европейских великих держав, почти не имевшая колониальных владений, Германия предложила Арслану редкий шанс для братских отношений [Adal, 2008. P. 177–178]. К тому же еще на заре его карьеры у Арслана появились личные причины для того, чтобы выделять Германию среди других европейских держав. Когда кайзер Вильгельм II в ходе его знаменитой поездки по Ближнему Востоку посетил Дамаск, Арслан был назначен султаном Абдулхамидом II его сопровождающим в этом городе [Ibid. P. 178]. Еще раньше, в ходе поездки Арслана в Египет, он познакомился с немецким археологом и дипломатом Максом фон Оппенгеймом, сотрудничество и дружеские отношения с которым он будет поддерживать на протяжении всей жизни.

30 августа 1914 г., уже после подписания османами тайного соглашения о союзе с Германией, но до вступления Османской империи в войну, Шакиб Арслан встретился с послом Германии в Стамбуле бароном Гансом фон Вангенгеймом. В своей телеграмме в МИД Вангенгейм охарактеризовал Арсалана как «личность, активно участвующую в антианглийской пропаганде в исламе» [3]. По его словам, Арслан подчеркнул абсолютную необходимость в получении оружия для повстанческого движения. Также Арслан предложил выбрать определенное количество мусульманских военнопленных из туркос и зуавов [4], чтобы направить их в Османскую империю, заявив при этом, что «Его Величество Император, как друг мусульман в честь султана подарил свободу этим заключенным в стране их веры». Арслан выразил мнение, с которым согласился Вангенгейм, что «такой шаг, если он будет предпринят, подобно лесному пожару распространился бы на весь мусульманский мир и возымел бы больший эффект, чем любое из наших ранее используемых средств агитации» [5].

Акция, предложенная Арсланом, вскоре будет осуществлена – после официального объявления о вступлении Османской империи в войну возле немецкого посольства в Стамбуле состоится публичное мероприятие, в ходе которого несколько бывших военнопленных мусульман будут продемонстрированы публике, а один из них даже выступит с речью. И хотя она вряд ли произвела такой пропагандистский эффект, о котором говорил Арслан, вопрос о дальнейшей судьбе военнопленных-мусульман и, в том числе, об их транспортировке в Османскую империю (для последующего присоединения к османской армии) будет оставаться в фокусе немецко-османского сотрудничества почти на всем протяжении войны.

Став членом Комитета по иностранным делам в османском парламенте, Арслан получил дополнительные возможности для взаимодействия с военным союзником империи – Германией, и вносил свой вклад в поддержание османско-германского альянса. Он, например, выполнял роль посредника между великим визирем Османской империи Саидом Халимом и послом Германии в Стамбуле Вангенгеймом в тот момент, когда между ними были напряженные отношения [Adal, 2008. P. 188].

С началом войны Шакиб Арслан стал помощником Джемаль-паши, который в ноябре 1914 г. занял должность командующего османскими войсками в Сирии, а впоследствии – генерал-губернатора сирийских провинций. Во время войны он тратил бесчисленное количество часов на вербовку сирийцев и друзов для службы в турецкой армии [Bessis, 1978. S. 470]. Узнав о планах Джемаля предпринять экспедицию на Синай (с последующей атакой на Суэцкий канал), Шакиб Арслан попросил освободить его от исполнения депутатских обязанностей, чтобы возглавить добровольческий полк друзов в Синайской кампании [Роган, 2018. С. 96].

[3] Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Bonn. R. 21667. Bl. 47.

[4] Так называли арабских и берберских солдат, служивших в колониальных полках французской армии.

[5] Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Bonn. R. 21667. Bl. 47.

Шакиб Арслан становится одним из ведущих авторов газеты «аль-Шарк», созданной по указанию Джемаль-паши для обеспечения поддержки сирийцами младотурецкого режима, мотивации их к участию в османском джихаде, а также для борьбы с «сепаратистским» арабским движением [Talha, 2014. P. 2].

Однако именно во время правления в Сирии Джемаль-паши там произойдут события, которые поставят Шакиба Арслана в очень сложное положение. Джемаль нанесет жестокий удар по местной арабской элите, обвинив часть ее представителей в сепаратизме: несколько человек по его приказу будут повешены, многие – высланы в Анатолию. Репрессиям подвергались любые арабские подданные, заподозренные в нелояльном отношении к османской власти. За эти действия Джемаль получит в арабских кругах прозвище «Мясник». Шакиб Арслан не только осудил эту политику, но и постарался использовать свои связи для того, чтобы остановить репрессии или хотя бы смягчить их последствия. В частности, он неоднократно обращался к Талаат-паше и Энвер-паше с просьбами предотвратить высылку представителей арабской элиты в Анатолию, а также предпринять меры для борьбы с голодом в Сирии. Кроме того, в 1916 г. он обратился к немецкому консулу в Бейруте и немецкому послу в Стамбуле, осудив политику Джемаль-паши в отношении арабов и надеясь на то, что ситуацию может изменить вмешательство немецких союзников [Sinno, 2006a. S. 7].

По мнению Шакиба Арслана, безжалостная политика Джемаль-паши стала одной из самых страшных катастроф, которые произошли с мусульманским миром и Османской империей на протяжении всей их истории [Fikriye, 2013. P. 60]. Позднее в своих мемуарах он утверждал, что даже если политика угнетения, которую проводил Демаль-паша, не привела к арабскому восстанию, она стала оправданием для тех, кто предпочитал европейскую администрацию османской на Аравийском полуострове. В любом случае, полагал он, те, кто являлся чисто турецкими националистами, такими как Джемаль-паша, не имели права наказывать арабских националистов [Ibid.]. Характерно, что Джемаль-паша, который в своих мемуарах [Djemal, 1922] подробно описал его деятельность в Сирии в качестве командующего 4-й армией и генерал-губернатора, в том числе его борьбу с арабской оппозицией в Сирии, ни разу не упомянул имя Шакиба Арслана.

В рамках принятой германским МИД осенью 1914 г. широкой программы по подготовке восстаний и революций, имевшей глобальный охват [Jenkins, 2013. P. 397], немецкие дипломаты искали возможности для продвижения пропаганды Германии не только в Европе, но и в неевропейском мире, в том числе на Ближнем Востоке. И в первом, и во втором случае пропаганда вряд ли могла быть успешной без сотрудничества с местными националистами. Нередко, однако, это сотрудничество проходило в Германии, а некоторые ближневосточные союзники немцев рассматривали в качестве своей целевой аудитории не только своих единоверцев, но и немецкую публику. А это значило, что дискуссии и противостояние пропаганд, которые бушевали на Ближнем Востоке, теперь переносились в иной культурный и политический контекст. Естественно, они не могли не приобрести новые формы и смысловые оттенки, тем более что ближневосточные деятели должны были искать, осваивать или изобретать новый язык для обращения к новой для себя аудитории. Издаваемый Шакибом Арсланом в Женеве с 1930 по 1938 г. франкоязычный журнал «Арабская нация» («La Nation Arabe») станет мощным инструментом, который позволит ему влиять на общественное мнение не только в Европе, но и в странах арабского (мусульманского) мира. Однако это будет позднее, а первый опыт общения с европейской аудиторией Шакиб Арслан получил в годы войны, прибыв в 1917 г. в Германию.

Летом 1917 г. Шакиб Арслан отправился со специальной миссией в Германию в качестве эмиссара Энвер-паши. Хотя основная цель его миссии состояла, видимо, в изучении положе-

ния главного военного союзника османов, вряд ли круг его задач был описан исчерпывающим образом. Энвер, как, впрочем, и Талаат, полностью доверял ему, и Арслану не раз приходилось выполнять самые деликатные их поручения. Тем более что эмир являлся не только депутатом османского парламента, но и членом созданной Энвер-пашой секретной организации «Тешкилат-и махсусе».

Шакиб Арслан ездил по стране, выступал с лекциями, встречался с руководителями германского МИД, а также с представителями немецких общественных и деловых кругов. 22 ноября 1917 г. Шакиб Арслан посетил два специальных лагеря для военнопленных мусульман («лагерь виноградника» и «лагерь полумесяца»), располагавшихся недалеко от Берлина.

В Берлине Арслан встретился со своим старым знакомым – Максом фон Оппенгеймом. Арслан, который находился в дружественных отношениях с Оппенгеймом уже более двадцати лет, стал для последнего, а значит, и для немецкой дипломатии важным источником информации о политических событиях в Османской империи, арабо-османских отношениях и действительном отношении Османской империи к Европе [6]. Уже после прибытия эмира Арслана в Германию Оппенгейм характеризовал его в своей записке как серьезного, независимого и образованного лидера [Sinno, 2006b. P. 401].

В Мюнхене эмир прочитал лекцию о голоде в Сирии, заявив, что он был вызван действиями союзников, которые заблокировали все морские пути, направляющиеся в Сирию [Fikriye, 2013. P. 61]. Арслан и Энвер-паша направили письмо папе римскому, в котором попросили его помочь Сирии продовольствием и материалами. Позднее Арслан сам напишет послание папе римскому, в котором потребует отправить продовольственную помощь хотя бы для христиан в Сирии и Ливане [Ibid.].

Хотя призывы Арслана были искренними, голод в Сирии, вызванный военными действиями, массовыми депортациями, нашествием саранчи и морской блокадой, стал еще одним поводом, использовавшимся противостоящими сторонами для дегуманизации противника.

Выступления и статьи Арслана в это время публикуются как в немецких периодических изданиях, так и в исламских газетах и журналах, которые создаются в Берлине при поддержке «Информационного бюро Востока» (в частности, он стал одним из авторов основанного в 1917 г. журнала «Исламский мир»).

В них Шакиб Арслан рассказывал немецкой публике и исламским эмигрантам в Германии о своем видении происходивших на Ближнем Востоке событий и ключевых проблем региона. Интересно, что разные издания по-разному представляли Арслана немецким читателям – как «главу племени друзов», как «депутата от Хаурана в турецком парламенте» и, часто – как «нашего арабского сотрудника». Сам Арслан считал себя не только лидером друзов, но и представителем большинства арабов в Сирии и также арабской эмигрантской элиты в Европе [Sinno, 2006a. S. 2]. Иногда в своих статьях он говорил от имени всех арабов.

Несмотря на то, что в своих многочисленных публикациях и выступлениях эмир затрагивал широкий круг проблем, существовали сюжеты, к которым он обращался постоянно: Османская империя и ее судьба, взаимоотношения арабов и турок, восприятие арабами и мусульманами Германии и стран Антанты.

Шакиб Арслан неоднократно заявлял, что политика Германии в отношении мусульманских стран отличается от политики других европейских держав. Описывая ее отношения с исламским миром, он утверждал, что Германия не порабощала людей и не разграбляла их богатства, не использовала в своих целях чувства мусульман и арабов, стремящихся к независимости, как это делала Великобритания, особенно в случае с шерифом Мекки [Sinno, 2006b. P. 401].

[6] Not All Quiet on the Ottoman Fronts, Neglected Perspectives on a Global War, 1914–1918, reviewed by Zaur Gasimov. URL: https://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=42037 (дата обращения 04.08.2018).

В статье «Ислам и Германская империя» он писал: «Ясно, что ислам должен дружить с противниками тех, кто планирует зло против ислама. А кто в настоящее время является более сильным противником Британии и Франции на суше и на море, чем Германия?» [Sinno, 2006b. P. 401].

Шакиб Арслан полагал, что Германия может сыграть большую роль в послевоенном развитии мусульманского мира (в том числе Сирии). «Для развития мусульманского мира обязательно нужна великая европейская держава, писал он, – и этой державой может быть только Германия» [Arslan, 1917b]. Более того, Арслан писал о необходимости колониальной экспансии для Германии, которая как колониальная держава значительно уступала Великобритании и Франции. В то же время, делая различие между колониализмом Германии и колониализмом ее противников, он говорил о «колониальной экспансии мирными средствами, не угнетающей свободу народов, а поощряющей и требующей ее» [Ibid.].

Шакиб Арслан понимал, что исход войны предопределит и будущее Османской империи и полагал, что сохранение империи является гарантией защиты арабов от колониального подчинения, а также одним из условий (хотя и не единственным) для развития всех проживающих в ее пределах народов.

В годы первой мировой войны и особенно после выступления шерифа Мекки Хусейна актуализировался вопрос о халифате – о том, кто должен быть халифом и по праву ли османский султан носит титул халифа. Шакиб Арслан также вступил в эту дискуссию. Как подчеркивал Шакиб Арслан, арабы признают заслуги турок, которые сами приняли ислам и защищали его почти против всей Европы, и поэтому охотно уступили халифат османскому султану, который является турком [Arslan, 1917c. S. 7]. Фактически эмир воспроизводил в данном случае утвердившуюся в Османской империи теорию халифата [7].

Утверждая, что большинство арабов сохраняют преданность османской власти и выступают против распада Османской империи, он, тем не менее, признавал существование внутренних и внешних вызовов, несущих ей угрозу.

Один из них он видел в наличии достаточно глубоких противоречий между арабами и турками (которые усиливали и стремились использовать Великобритания и Франция). В этой связи он выступал с критикой правительства младотурок, которые, как он писал, «с большим рвением как каждая молодая партия, недавно захватившая власть, проявляют в своей политике чрезмерно националистические тенденции» [Arslan, 1918. S. 239].

Подобная политика, по мнению эмира, увеличивала число тех арабов, которые ориентировались на Великобританию и Францию и выступали за создание независимого арабского государства.

Вместе с тем Шакиб Арслан призывал не преувеличивать арабо-турецкие противоречия: «В Европе обманываются, отмечал он, если думают, что ненависть между ними так далеко простирается, что арабы могут радоваться поражению Турции от европейцев» [Ibid. S. 238]. Арслан полагал, что даже шериф Хусейн и те арабы, которые ненавидят турок, рассчитывали на установление такого европейского баланса, при котором независимость арабского государства должна была обеспечиваться со стороны независимой и усилившейся Турции. Эту мысль эмир формулировал даже в более парадоксальном ключе: «Главный враг Турции среди арабов знает, что Турция является его единственным защитником» [Ibid.].

[7] Как писал исследователь Мартин Крамер, «теория халифата, в том виде, в каком она циркулировала в Османской империи, вряд ли содержала аллюзию к курейшитскому происхождению и выборности, которые были заменены утверждением священного закона и воинственной защитой ислама как действенными критериями для подтверждения любых притязаний на исламский халифат» цит. по: [Наумкин, 2018. С. 13].

Фактически Арслан критиковал шерифа Хусейна и других арабов, выступивших против османских властей, не столько за само выступление, сколько за то, что, по его мнению, преследуемая ими цель – создание сильной и независимой арабской империи – не могла быть осуществлена.

Если до начала первой мировой войны Шакиб Арслан выступал с резкой критикой сторонников децентрализации, то в конце войны он сам видел в проведении политических и административных реформ необходимое условие сохранения Османской империи. О необходимости реформирования политической системы Османской империи Арслан беседовал с немецкими чиновниками в ходе его первого приезда в Германию в 1917 г. [Sinno, 2006a. S. 3]

Главный внешний вызов для Османской империи и всего мусульманского мира эмир видел в колониальных устремлениях государств Антанты. Арслан был обеспокоен активной пропагандой Великобритании среди арабского населения Османской империи и британскими обещаниями поддержать независимость арабов. В статье «Арабы и англичане» (и ряде других публикаций) он снова и снова формулировал и стремился доказать тезис о том, что англичане никогда не допустят создания сильной арабской империи. Такая империя, рассуждал он, стала бы доминировать в Красном море и, следовательно, получила бы контроль над дорогой в Индию [Arslan, 1917a. S. 264].

Указывая на контраст между политикой Германии и Великобритании в отношении Османской империи и арабов, он считал, что если в первом случае речь идет о проявлении приязни, то во втором – о вражде, имеющей длинную историю [Ibid. S. 266].

Вскоре после возвращения Шакиба Арслана в Стамбул, Энвер-паша снова направил его обратно в Берлин для того чтобы обсудить некоторые проблемы между Османской империей и Германией в отношении Кавказа и российского флота в Черном море [Adal, 2008. P. 188].

Шакиб Арслан оставался в Берлине до конца 1918 г. Незадолго до отъезда из Турции Энвер-паша отправил телеграмму Шакибу Арслану с просьбой выполнить его задание и вернуться в Стамбул. Ограничения на поездки и недоступность морских судов не позволили Арслану добраться до Стамбула, несмотря на несколько предпринятых попыток [Wasti, 2008. P. 930].

Шакиб Арслан продолжал сотрудничать с Энвер-пашой, Джемаль-пашой и Талаат-пашой (и другими представителями младотурецкой партии) после их бегства из Турции. Он стал активным участником многих формирующихся в эмигрантской среде Европы транснациональных сетей. Прежде чем переехать в Швейцарию, Шакиб Арслан некоторое время будет главой организованного Талаат-пашой в Берлине «Восточного клуба». В какой степени взгляды Шакиба Арслана определялись его происхождением, а в какой – более поздним политическим опытом и интеллектуальным влиянием Мухаммеда Абдо и других мыслителей? На этот вопрос трудно дать однозначный ответ. Шакиб Арслан принадлежал к друзской общине, и, как полагает исследователь Абдуррахман Атчил, позиция и идеи Шакиба Арслана на политической арене до первой мировой войны прежде всего основывались на опыте его семьи в рамках особого режима управления Горным Ливаном, созданным в 1861 г. Именно знакомством Шакиба Арслана с данным режимом этот исследователь объясняет неприятие Арсланом децентрализованной администрации, которая ассоциировалась в его глазах с ростом иностранного влияния [Atçıl, 2013. P. 28].

Приверженность Шакиба Арслана принципу исламской солидарности и сохранению халифата, которая отличала и ряд других сирийских националистов, объяснялась, по всей видимости, прагматичными соображениями – и то и другое они считали необходимым условием для выживания Османской империи перед лицом угрозы со стороны Запада. По тем же причи-

нам Шакиб Арслан был убежден в необходимости сохранять лояльность Османской империи (и идеологии оттоманизма) [Havemann, 1988. P. 356]. Конечно, идеологическая позиция Шакиба Арслана была неразрывно связана с его личными амбициями. Шакиб Арслан смог стать заметной фигурой на османской политической сцене не только как один из лидеров общины друзов, но и как исламский деятель и активный сторонник младотурецкого режима.

В годы первой мировой войны многие представители национальных движений пройдут схожий путь (переезд в Германию, сотрудничество с немецкими службами, в том числе по линии пропаганды). Важно, однако, увидеть и понять не только их личные мотивы, но и ситуационный контекст взаимодействия, и в целом рассмотреть с точки зрения транснациональной перспективы формирующиеся в ходе войны (и после ее окончания) разнообразные связи и сообщества. Это поможет лучше оценить влияние первой мировой войны на динамику послевоенных национальных и антиколониальных движений. С окончанием первой мировой войны не закончилась антиколониальная борьба (напротив, в ряде случаев, она получает новый импульс), а созданные в ходе войны сети взаимодействия, институты и сообщества трансформировались, но продолжали действовать в 1920-е, а иногда и в 1930-е годы, оставаясь фактором как европейской, так и ближневосточной политики.

Список литературы / References

Наумкин В. В. Некоторые аспекты дипломатического соперничества Советского союза и Великобритании в Аравии в 1920-е гг. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. № 2. С. 6 –19.
Naumkin V. V. Nekotorye aspekty diplomaticheskogo sopernichestva Sovetskogo Soyuza i Velikobritanii v Aravii v 1920kh [Some Aspects of the Diplomatic Competition between the Soviet Union and Great Britain in Arabia in the 1920s]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'* [*Orient. Afro-Asian Communities: History and Modernity*], 2018, no. 2, p. 6 –19. (in Russ.)

Роган Ю. Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 560 с.
Rogan E. *Padenie Osmanskoi imperii: Pervaya mirovaya voina na Blizhnem Vostoke, 1914–1920* [*The Fall of the Ottomans: The Great War in the Middle East, 1914–1920*]. Moscow, Alpina non-fikshn, 2018, 560 p. (in Russ.)

Родионов М. А., **Сарабьев А. В**. Марониты: традиции, история, политика. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. 500 с.
Rodionov M. A., Sarabyev A. V. Maronity: traditsii, istoriya, politika [Maronites: Traditions, History, Politics]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, 2013, 500 p. (in Russ.)

Adal R. Shakib Arslan's Imagining of Europe: The Colonizer, the Inquisitor, the Islamic, the Virtuous, and the Friend. In: Islam in Interwar Europe. London, 2008, p. 156–182.

Atçıl A. Decentralization, Imperialism, and Ottoman Sovereignty in the Arab Lands before 1914: Shakīb Arslān's Polemic against the Decentralization Party. *Welt des Islams*, 2013, vol. 53, no. 1, p. 26–49.

Bessis J. Chekib Arslan et les Mouvements Nationalistes au Maghreb. *Revue Historique*, 1978, H. 526, p. 467–489.

Cleveland W. L. Islam against the West: Shakib Arslan and the Campaign for Islamic Nationalism. London, Al saqi Books, 1985, 223 p.

Cleveland W. L. Shakib Arslan. In: Encyclopaedia of Islam. Leiden, 1997, vol. 9, p. 248.

Fikriye K. Arab Intellectuals under the Young Turks: a Comparative-Historical Analysis on Memoirs (1908–1918). PhD Dissertation. İstanbul, İstanbul Şehir Üniversitesi, 2013, 137 p.

Havemann A. Between Ottoman Loyalty and Arab Independence: Muḥammad Kurd ʿAlī, Ǧirǧī Zaydān, and Šakīb Arslān. *Quaderni di Studi Arabi*, *1987–1988*, vol. 5–6, p. 347–356.

Höpp G. Z. Entente und Mittelmächten: Arabische Nationalisten und Panislamisten in Deutschland (1914 bis 1918). In: Asien, Afrika, Lateinamerika: Zeitschrift des Zentralen Rates für Asien-, Afrika- und Lateinamerikawissenschaften in der DDR. Berlin, 1991, Bd. 5, S. 827–845.

Jenkins J. Fritz Fischer's "Programme for Revolution": Implications for a Global History of Germany in the First World War. *Journal of Contemporary History*, 2013, no. 48 (2), p. 397–417.

Rabah M. Arslān, Shakīb, Amīr. In: 1914–1918 – online. International Encyclopedia of the First World War. Berlin, 2014, p. 1–5.

Sinno A.-R. Gedanken und Haltungen von Schakib Arslan zum I. Weltkrieg, Vortrag am Zentrum Moderner Orient. Berlin am 30/31. 3. 2006a. S. 1–9. URL: http://www.abdelraoufsinno.com/Conferences/docum_74.pdf (accessed 04.08.2018).

Sinno A.-R. The Role of Islam in German Propaganda in the Arab East during the First World War: Aims, Means, Results and Local Reactions. In: The First World War as Remembered in the Countries of the Eastern Mediterranean. Beirut, 2006b, p. 391–414.

Talha Ç. M. Arab Supporters of the Belligerent Countries. In: 1914–1918 – online. International Encyclopedia of the First World War. Berlin, 2014, p. 1–4.

Wasti S. T. Amir Shakib Arslan and the CUP Triumvirate. *Middle Eastern Studies*, 2008, vol. 44, no. 6 (November), p. 925–936.

Zekeriya K. Şekib Arslan bazı mektupları ve İttihadcılar ile ilişkileri. In: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi, Tarih Enstitüsü dergis. 1995–1997. Sayi 15. S. 597–618. (на тур. яз.)

Zekeriya K. Şekib Arslan bazı mektupları ve İttihadcılar ile ilişkileri. In: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi, Tarih Enstitüsü dergis, 1995–1997, sayi 15, s. 597–618. (in Turk.)

Список источников

Arslan S. Das Osmanische Reich. *Süddeutsche Monatshefte*, 1918, Nr. 10, Jg. 15, S. 235–240.

Arslan S. Die Araber und die Engländer. *Der Neue Orient*, 1917a, Bd. 1, Nr. 6, S. 263–265.

Arslan S. Die Notwendigkeit Kolonialer Ausdehnung für das Deutsche Reich. *Rheinisch-Westfälische Zeitung*, 1917b, Nr. 895, Nov.10.

Arslan S. Was Syrien vom Kriege Erwartet. *Der Neue Orient*, 1917c, Bd. 2, Nr. 1, S. 6–9.

Djemal A. Memories of a Turkish Statesman – 1913–1919. New York, George H. Doran Company, 1922, 302 p.

Материал поступил в редколлегию
Received
24.10.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Шерстюков Сергей Андреевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения Алтайского государственного университета (пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия, shers-serg@yandex.ru)

Sergey A. Sherstyukov, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Oriental Department, Altai State University (61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation, shers-serg@yandex.ru)

УДК 94 (47).072/073+339.1-054.6
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-41-55

The Export of Russian Cotton Fabrics and the Commercial Network of Asian Merchants in the First Half of the 19th Century. Part 2

M. Shiotani

Tohoku University
Sendai, Japan

Abstract

The paper is devoted to the study of how commercial networks of Bukharan and Chinese merchants were used for the export of Russian cotton fabrics in the first half of the 19th century. Bukharan merchants dominated the central core of Silk Road trade in Central Asia, and developed the trade with not only Russia, but also Eurasian countries including China and India. Shanxi merchants built close relations with the Chinese government and established the commercial and financial system in their own country. Asian trade was carried out in harmony with natural environments. Many regions in Eurasia belonged to the steppes, and this ecological system was suitable for livestock farming including camels, horses and mules, used as a means of transportation. However this trade system of one year cycles could not adapt to the subsequent periods of innovation when the steam engine and fossil fuels were introduced in the field of production, and when mass production was realized.

Keywords

Russia, 19th century, cotton industry, Asian merchants, commercial network

For citation

Shiotani M. The Export of Russian Cotton Fabrics and the Commerical Network of Asian Merchants in the First Half of the 19th Century. Part 2. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 1: History, p. 41–56. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-41-55

Экспорт российских хлопчатобумажных тканей и коммерческая сеть азиатских торговцев в первой половине XIX века Статья 2

М. Сиотани

Университет Тохоку
Сендай, Япония

Аннотация

Статья посвящена изучению места и роли торговцев из Бухары и из Китая (провинция Шаньси) в системе экспорта продукции хлопчатобумажной промышленности России в первой половине XIX в. Проживавшие

© М. Сиотани, 2019

на территории Бухары торговцы представляли целый ряд среднеазиатских народностей, не составляя единой нации. Россия установила с Бухарой торговые связи уже в XVI в., а после присоединения Сибири бухарские торговцы часто были задействованы в составе российских дипломатических миссий, направлявшихся в азиатские страны. Действовавший в России на протяжении XVIII в. запрет для иностранцев на торговые операции внутри страны не распространялся на бухарцев. В первой половине XIX в. бухарские караваны доставляли в Россию хлопок-сырец и вывозили в Среднюю Азию российскую хлопчатобумажную продукцию. Активная русско-китайская торговля началась после подписания между двумя государствами Кяхтинского договора в 1727 г. Через пограничную Кяхту в течение всего XVIII в. Россия экспортировала в Китай пушнину и импортировала ревень и шелк. На рубеже XVIII–XIX вв. заметную долю в структуре импорта стал составлять китайский чай. Сибирские купцы осуществляли большую часть торговых операций с российской стороны, торговцы из провинции Шаньси – с китайской. В первой половине XIX в. начался значительный экспорт продукции хлопчатобумажной промышленности России в Китай, причем его осуществляли также русские купцы из европейской части страны. Эти меры были направлены на сокращение отрицательного для России значения торгового баланса с Китаем из-за непрерывного нарастания объемов импорта чая. Однако уже с середины XIX в. с развитием новых способов массового производства товаров прежние формы транспортировки (караванная торговля с использованием верблюдов, лошадей, мулов) стали уступать место механическим средствам на основе парового двигателя или органического топлива. Система торговли, основанная на годовом природно-климатическом цикле, уже не могла отвечать интересам России, и механизмы экспорта российских товаров, в том числе хлопчатобумажной продукции, перестали базироваться на коммерческих сетях азиатских торговцев и используемых ими маршрутах.

Ключевые слова

Россия, XIX век, хлопчатобумажная промышленность, азиатские торговцы, коммерческая сеть

The first part of this paper focused on the topic of Russian cotton fabric exports to Asia and the trade routes between Europe, the Russian empire and Asian countries used by Armenian merchants. This second part will aim to focus on studying the role of Bukharan and Chinese merchants.

Bukhara was located in the nexus point of the Central Asian trade route and was an important point in Eurasian transportation. Therefore, Bukharan merchants engaged in international commerce having been based in Bukhara for a long time [Potanin, 1868. P. 3]. As Bukhara was located on a border line between great countries and was also in the central core of the steppe in Central Asia, nomads frequently moved within the region of Central Asia and built various dynasties. The Bukhara khanate was a country which succeeded the genealogy of the Mongolian Empire, including Shaybanid, Janid and Mangu dynasties [Sugiyama, Kitagawa, 1997. P. 434]. Initially the capital of the Bukhara khanate was Samarkand, however it was later transferred to Bukhara.

Many nations, including Uzbek, Tajiks, Uyghurs, Kazakh and Karakalpaks lived together in the khanate. There was no national division in this state, therefore its people simply identified themselves as “the Bukharans”. However it would seem that the Uzbek people occupied the larger share in the proportion of nations. As several nations identified themselves as “Bukharan merchants” just like “the Bukharans”, the Bukharan merchants did not correspond to the one nation. It is probable that they formulated a common ethnic group, based on religion and ethnicity. According to Russian historical materials, the exact nationality of Bukharan merchants is not clear, but it is definite that they were made up of two kinds of merchants – of Bukharan and Russian nationality. As many Bukharan merchants lived in foreign countries and engaged in trade, the term “Bukharan merchants” did not necessarily mean that they settled down in the Bukharan country [Potanin, 1868. P. 48]. No matter the nationality of Bukharan merchants, they undoubtedly contributed to the trade between Russia and Bukhara. Therefore, rather than focus on issues of nationality, it will be logical to next examine the trade from the viewpoint of Bukharan merchants.

As Bukhara was a city-state of international commerce, many foreign merchants, including Armenians, Jews and Tajiks, visited Bukhara and participated in Central Asian trade (Kommercheskaya gazeta. 1840. Mar. 16. No. 33. P. 130). Trade in Bukhara was wide open for foreign merchants, however there were differences in tariffs for each religion. At the time, people believed that religion was closely connected to commerce as it played a key function of guaranteeing trust during commercial transactions. While today many countries in Central Asia have begun to associate with Islam, in those days, Bukhara already regarded Islam as their national religion. While trade among merchants who belonged to the same religion was equally treated, trade with merchants of other religions came with conditions. In Bukhara, a certain degree of separation existed between Islamic merchants and merchants of other religions. While the Bukhara khanate applied a preferential policy of almost no extra tariffs for Islamic merchants, they levied a 20 % tariff off Christian merchants and a 10 % tariff off Hindu merchants [Burnes, 1973. P. 441].

When examining the economic relations between Russia and Bukhara, the annexation of Astrakhan by Russia was a turning point. Having annexed Astrakhan in 1556, European Russia commenced serious trade with Bukhara [Stephan, 2002. P. 78]. As Central Asia was connected with Persia through Astrakhan through a land route even before the 16th century, Astrakhan was a strategic point for Russia to carry out trade with Asian regions. The Osman Empire had been Russia's key trade partner for a long time, however the annexation of Astrakhan enabled Russia to start serious trade relations with Persia and Central Asia. In the second half of the 16th century Astrakhan became the base of Russian trade, commonly visited by foreign merchants from Persia, Central Asia and India with the goal of further promotion of trade between Russia and Asia [Ibid. P. 84].

After the second half of the 16th century, Siberia was governed by the Sibir khanate, and the Bukhara khanate carried out trade with this country [Ziyaev, 1983. P. 16]. The Bukharan merchants undertook the role of distribution between the Sibir khanate and Bukhara, and their trade prospered as a result. In the last quarter of the 16th century Russia dispatched an expedition to Siberia which was successful in its mission to destroy the Sibir khanane and annex Siberia. Even after this annexation, the distribution network which the Bukharan merchants established during the period of the Sibir khanate continued to function. Some of these merchants settled down near Siberia's then-capital Tobolsk and supported Russian foreign trade and policy [Ibid. P. 26]. However they did not only settle in Tobolsk, but also other Siberian towns including Tomsk and Tara. In 1645, the Russian government officially announced their support of commercial activities in Siberia [Burton, 1997. P. 269]. As Russia started sending diplomatic missions to China after the 17th century, Bukharan merchants were regularly included in the missions. In those days, the trade between Russia and China was carried out through Irtysh. In 1655, the Bukharan merchants living in Tobolsk carried out the trade with China on this route [Ibid. P. 287].

In regard to the communication lines between Central Asia (Bukhara) and Russia [Ziyaev, 1983. P. 3], there were three trade routes connecting Russia and Bukhara between the 16th – 19th centuries (Fig. 6). The first route spanned through west Siberia (Bukhara – Tobolsk), the second through the Volga river (Bukhara – Caspian Sea – Astrakhan – Nizhny Novgorod Fair) and the third was through Ural (Bukhara – Orenburg – Kazan). Historically the first route through west Siberia was the oldest of the three, and was the main route between Central Asia and Siberia as it connected Bukhara with Tobolsk which had been the capital of Siberia since the period of the Sibir khanate. Since the 16th century, the route through the Volga river became the main route between European Russia and Bukhara. In the 19th century, when demand for raw cotton from Central Asia in Russia increased, the route through Ural became an important route for the transportation of cotton (Kommercheskaya gazeta. 1831. Oct. 31. No. 87. P. 646).

Fig. 6. The trade route of Bukharan merchants.
The map created by Anastasiya L. Nesterkina
(Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS), based on the author's data

The means of transportation for Bukharan merchants were animal power including camel, horse and mule (Ibid. 1836. Aug. 19. No. 99. P. 392). While horse and mule were used as the transportation of comparatively short distance, camel was utilized for long distance routes. When Bukharan merchants carried out distant trade with foreign countries, they organized caravans and transported commodities by camel. Usually the Kirgiz people prepared the camels, but their services were not only limited to the supply of camels (Ibid. 1840. Mar. 16. No. 33. P. 130, 131). In those days, when caravans traveled over 20 kilometers, nomads who moved through the steppe would often seize and plunder the commodities being transported. The Kirgiz people were however also nomads and knew the caravan route very well as their relatives lived on the Central Asian steppe. If the captain of the caravans was a Kirgiz, the possibility of them being plundered drastically decreased, and the caravans traveled more safely through the Central Asian steppe. When Bukharan merchants organized the trade caravans, they would usually nominate a Kirgiz to captain the mission (Ibid. 1841. Mar. 22. No. 35. P. 138).

Bukharan merchants' caravans utilized camels as a means of transportation. A large-scale caravan would utilize around 5,000 camels (Ibid. 1826. Sept. 8. No. 71. P. 2). As the moving distance of caravans depended on the speed of the camels, the caravans moved at a land speed of around 3.5 km/hour [Burnes, 1973. P. 148]. Assuming that camels will travel for 15 hours a day, the moving distance of the caravans was around 52.5 km/day. If we take this calculation into account, it would have taken them 32 days to travel from Bukhara to Orenburg as the city nearest to the Russian border. It would have also taken 32 days to travel from Bukhara to Astrakhan as the final point of the Volga river, 10 days from Bukhara to Tashkent as the capital of present-day Uzbekistan, 40 days from Bukhara to Tobolsk as the then-capital of Siberia, and 44 days from Bukhara to Kazan as the middle city along the Volga river. Even though these were a standard average, caravans by camels would often be delayed due to climate conditions (Kommercheskaya gazeta. 1832. Oct. 1. No. 79. P. 611).

Bukharan merchants promoted the trade between Russia and Central Asia, as the Russian government permitted preferential means to them. In the 18th century, Russia prohibited foreign merchants from trading in domestic markets based on principle, but exceptionally permitted Bukharan merchants to trade in St. Petersburg, Moscow, the Nizhny Novgorod Fair and Russian border towns. Therefore, Bukharan merchants could enter Russia freely, and carry out their trade in border towns like Orenburg and fairs such as the Nizhny Novgorod Fair (Ibid. 1825. Aug. 12. No. 64. P. 4). Some Bukharan merchants traveled to and stayed in other Russian commercial cities too including Astrakhan, Arkhangelsk and Tobolsk [Potanin, 1868. P. 3]. In the 1760s, the Russian government gave Bukharan merchants special permission to participate in trade at the Irtysh and Irbit fairs of Siberia [Ziyaev, 1983. P. 3]. The Russian government also allowed Bukharan merchants the preferential tariff (1/20) in order to promote the development in Siberia and attract Bukharan merchants to the region [Ibid. P. 28].

As a result of developing trade routes, the 18th century marked a time for a large range of commodities being traded between Russia and Central Asia [Solovyev, Boldyreva, 1987. P. 4, 77]. In the first half of the 18th century, Russia's main exports were leather, fur, woolen fabrics, flax and hemp cloth and metal products to Central Asia. The exported leather consisted of Russian and white leather, and the fur consisted of otter and stoat. The metal products consisted of copper pots, washbowls, hatchets and scythes. On the other hand, Russia imported not only cotton fabrics, leather and fur, but also Chinese commodities including rhubarb and tea from Central Asia. In the second half of the 18th century, the structure of trade between Russia and Central Asia somewhat changed. As Russia added arms, namely guns, to existing commodities being exported to Central Asia, Russia started to import dried fruits, gold and silver alongside previous commodities from Central Asia. This resulted in favorable financial gains for Russia as the gold and silver imports especially were met with high demand.

In the first half of the 19th century, the pattern of trade between Russia and Central Asia changed dramatically. Up until that time, while Russia mainly exported fur to Central Asia, it conversely imported cotton fabrics from Central Asia – a pattern of trade typical for that time. However after early industrialization proceeded in Russia and realized mass production in the first half of the 19th century, the pattern of trade between Russia and Central Asia was transformed. As Russia exported cotton fabrics to Central Asia, it would conversely import cotton and dyestuffs from Central Asia. Russian fur was previously the source of income for the Russian government, the export of which had since decreased and was overtaken by the increased export of Russian cotton fabrics. As the export of Russian cotton fabrics did not yield as high returns as the export of fur, when Russia increasingly imported cotton and dyestuff from Central Asia [Shiotani, 1998. P. 41], the Russian trade balance for Central Asia changed from profit to deficit.

The import spread of cotton and dyestuff from Central Asia was closely connected to the cotton industry development in Russia [Shiotani, 2018. P. 51. Fig. 1], as cotton was a necessary material of the industry. In the first half of the 19th century, the share of American cotton in total imports of cotton was 80 % in Russia, and 20 % in Central Asia. However, as the cotton industry in Russia developed, not only the import of American cotton, but also the import of Central Asian cotton increased as the demand for cotton yarn spun from Central Asian cotton also increased in the Russian household industry. When Russian cotton fabrics were supplied to domestic markets, printed cotton occupied a large share in the overall trade of Russian cotton fabrics [Shiotani, 2018. P. 53. Fig. 2]. As the nature of printed cotton was colorful, its production required dyestuff. In the first half of the 19th century when natural dyestuff was mainstream, cochineal and madder from Central Asia were very important materials for the Russian printing business. At that time, the export of cotton and dyestuff from Central Asia to Russia continued to increase [Shiotani, 2009. P. 81].

Around 1830, Russian cotton fabrics were being exported to Asian markets, including Persia, Central Asia and China [Shiotani, 2018. P. 56. Fig. 4]. In those days, Vladimir was one of three centers of the Russian cotton industry which specialized in cotton fabrics for peasants. Entrepreneurs in Vladimir actively exported cotton fabrics through Bukharan merchants to Central Asia [Baldin, Kokhova, 2004. P. 193]. In fact, these entrepreneurs brought the produced cotton fabrics to the Nizhny Novgorod Fair. There they sold cotton fabrics to Bukharan merchants, including printed cotton and muslin. The Bukharan merchants as traders not only exported Russian cotton fabrics to Central Asia, but also collected feedback about the trends and designs which consumers in Central Asia liked, and conveyed the information to entrepreneurs in Vladimir. Entrepreneurs in Vladimir were then better able to understand the needs of the Central Asian markets, and developed products that would appeal to them based on the feedback from Bukharan merchants. As a result they established a Russian brand in the market of cotton fabrics in Bukhara (Kommercheskaya gazeta. 1832. Oct. 1. No. 79. P. 613).

In the 19th century, Bukharan merchants exported raw cotton from Central Asia to Russia and imported cotton fabrics from Russia to Central Asia. The caravans of Bukharan merchants would leave Central Asia for Russia with commodities during the autumn – spring seasons. In summer, it was very difficult for the caravans to go through the Central Asian steppe due to the heat and the outbreak of harmful insects, therefore, the caravans were not in use during this season (Ibid. 1840. Mar. 16. No. 33. P. 130, 131). Once the caravans had distributed the raw cotton from Central Asia to Russia, they returned back to Central Asia with cotton fabrics from Russia. The route through the Volga river was the one most often used during trade between Russia and Central Asia however after Russian import of raw cotton increased, the route through Ural (Orenburg) became the main trade route (Ibid. 1843. Dec. 23. No. 150. P. 598). As the Volga river would freeze making shipping impossible in winter, the land route through Ural became the alternative winter route. The caravans of Bukharan merchants unloaded commodities in Orenburg and conveyed them to the Russian merchants there.

They would then load Russian goods into the caravans and return back to Central Asia. Raw cotton of Central Asia was mainly transported to the spinning mills in Moscow and Vladimir. Orenburg became the base of trade between Russia and Central Asia after the middle of the 19th century.

The Russian cotton industry depended on the supply of American cotton in the 19th century. When Civil War broke out in America in 1861, Russia could not import American cotton, and faced a cotton supply crisis. Though Russia assumed they would increase the import of raw cotton from Central Asia, the cotton from Central Asia unfortunately did not adapt to the spinning machines being used in Russia. Still, Russia could not ignore Central Asia as a neighboring region where the cultivation of cotton was possible. In the second half of the 19th century, Russia started a trial of transplanting American Upland cotton to Central Asia, which was adaptable to the spinning machines, making Central Asia their base of cotton supply [Ter-Avanesyan, 1956. P. 600]. After the trial was successful in 1883, the transplant of American cotton commenced in Bukhara, Fergana, Samarkand and Sir-daria regions. An increase in cotton production was planned in Central Asia. Up until the Caspian railway was built in 1879 [1], the commercial network of Bukharan merchant caravans continued to function in the trade between Russia and Central Asia.

After the Kyakhta treaty between Russia and China was signed in 1727, the trade between Russia and China substantially increased [2]. Since 1728, the city of Kyakhta near the border between Russia and China (present Mongolian territory), became the base of barter trade between the two countries [Silin, 1947. P. 45]. At that time, foreign merchants were prohibited from staying in Russia for a long time. Chinese merchants on the other hand received permission from the government office of Siberia which allowed them to stay in Russia for short times and participate in the trade between Russia and China. As the government office of Siberia controlled the permission conditions for Chinese merchants, it became difficult for Chinese merchants to obtain permission to stay every time. Chinese merchants who engaged in trade in Urga or Kulun (the present capital of Mongolia, Ulaanbaatar) emigrated to the left bank of the Kyakhta river in 1730, and built the Maimachen trade town on Chinese territory as a place to store their stock [Sladkovsky, 1974. P. 149]. In the second half of September, Chinese merchants would usually export Chinese commodities from Shanxi to Maimachen through Urga, and then dispatch them on to Kyakhta, based on market conditions [3].

In 1743, the Russian Senate officially named Kyakhta a commercial village. Soon after in 1745, the Russian Senate simplified the procedures for Russian people who wished to emigrate to Kyakhta [Kratkii ocherk…, 1896. P. 12], which resulted in numerous Russian merchants from Moscow, Kazan and Siberian towns emigrating there. Even after the commencement of regular trade between Russia and China, caravan trade between Moscow and Beijing still continued until it was finally abolished in 1755, and Kyakhta became the key window for trade between Russia and China. As trade between the two countries developed after the 1760s, trade in Kyfta and Maimachen prospered concurrently. About 200 Chinese households and more than 400 people settled in Maimachen in the 1770s [Silin, 1947. P. 102, 109]. The Chinese living in Maimachen consisted of merchants and those who were engaged in various chores, overall contributing to the development of trade between Russia and China. Chinese merchants in Maimachen were divided into two groups: those who engaged in trade with Russian merchants and those who, instead of trade, specialized in the distribution of commodities between Maimachen and China.

[1] The railway was also called “The Railway of Central Asia”.

[2] Even after the Kyakhta treaty was signed, trade between Russia and China was carried out irregularly. This 1727 treaty mandated that trade between the two countries was to be constant, however in reality it was often stopped and then restarted throughout the 18th century. See: [Morinaga, 2010].

[3] Chinese merchants traveling to Kyakhta had to obtain an officially issued certificate from Lifan Yuan which they had to take with them to Kyakhta in order to be granted entry.

Between the 18th and 19th centuries, Russia and China entrusted the Kyakhta trade to the governments and effectively prevented the price of fur from declining as a result of smuggling. The smuggling business of fur from Russia to China however did not stop and proved impossible to wipe out. According to the agreement between Russia and China, only Russian and Chinese merchants could participate in the trade between the two countries. While Kyakhta trade was mainly controlled by Siberian merchants on the Russian side, non-Russian merchants, including Yakuts, Evenks and Buryats also became involved [Ibid. P. 156]. Russian merchants were usually prohibited from conducting trade with non-Russians, however Siberian merchants were an exception and were permitted to trade freely with non-Russian merchants. For example, Yakutsk merchants visited Kyakhta every year. After selling reindeer furs through Siberian merchants to Chinese merchants, the Chinese merchants would export the fur to China [Ibid. P. 168]. Yakutsk merchants also bought Chinese commodities in Kyakhta and transported them back to Yakutsk and Kamchatka.

After 1792, Shanxi merchants established their stores in Maimachen, and actively participated in Kyakhta trade. The influences of Shanxi merchants among Chinese merchants were gradually strengthened [Tarasov, 1858a. P. 17]. After young Shanxi merchants learned Russian during their several years in the apprenticeship system, they would travel to Maimachen and participate in trade. Shanxi merchants built close relations with the Chinese government. While they raised the price of Chinese commodities for the government, using funds on hand, they also controlled the price of Russian commodities to raise returns [Ibid. P. 17]. Russian and Chinese merchants traded in Kyakhta all year, but the amount of trade increased from December to March, reaching its peak in February. On the Chinese side, Shanxi merchants mainly assumed the trade between Russia and China, but Mongolian and Tibet merchants sometimes participated in the caravans of Shanxi merchants in the trade route from Urga to Maimachen [Foust, 1969. P. 212]. After the 19th century, some Shanxi merchants married Buryat and Russian women and settled in Russia, west of the Transbaikal region [Silin, 1947. P. 117].

When Chinese commodities were exported to Russia, they were supplied through several fairs to Russian consumers. In the second half of the 18th century, the Irbit Fair was the wholesale market in Russia for Chinese commodities. Through this fair, Chinese commodities were transported to European Russia and Ukraine [Ibid. P. 175]. When the structure of markets in Russia was transformed at the end of the 18th century, the function of the Irbit Fair was transferred to the Nizhny Novgorod Fair. Many Chinese commodities were transported through the Nizhny Novgorod Fair before being disseminated across the entire Russian country.

The distribution route from Kyakhta to China is illustrated in the following image (Fig. 7).

The route of commodities from Russia to China went through Kyakhta – Maimachen – Urga – Shanxi – Hankou [Bao, 2005. P. 100]. Commodities from Kyakhta to Hankou were transported by camels. The caravans between Russia and China usually involved 100 camels. Each camel would carry four or five boxes of commodities. As Bactrian camels, which Shanxi merchants used, began to shed fur in late March which would last until June, they became physically weak and could not transport heavy loads during this period [Krit, 1862. P. 4]. Therefore, the transportation of commodities between Russia and China would stop during this time. When Russian commodities were exported to China, the commodities from Moscow were sent to Kyakhta in May and June, and between December and February. The route from Moscow to Kyakhta was mainly utilized by Russia, however other European countries sometimes used this route as well. When Napoleon closed the sea route in the beginning of the 19th century, European countries became unable to carry out trade with China, so they started importing Chinese commodities through the Moscow – Kyakhta route [Sladkovsky, 1974. P. 194].

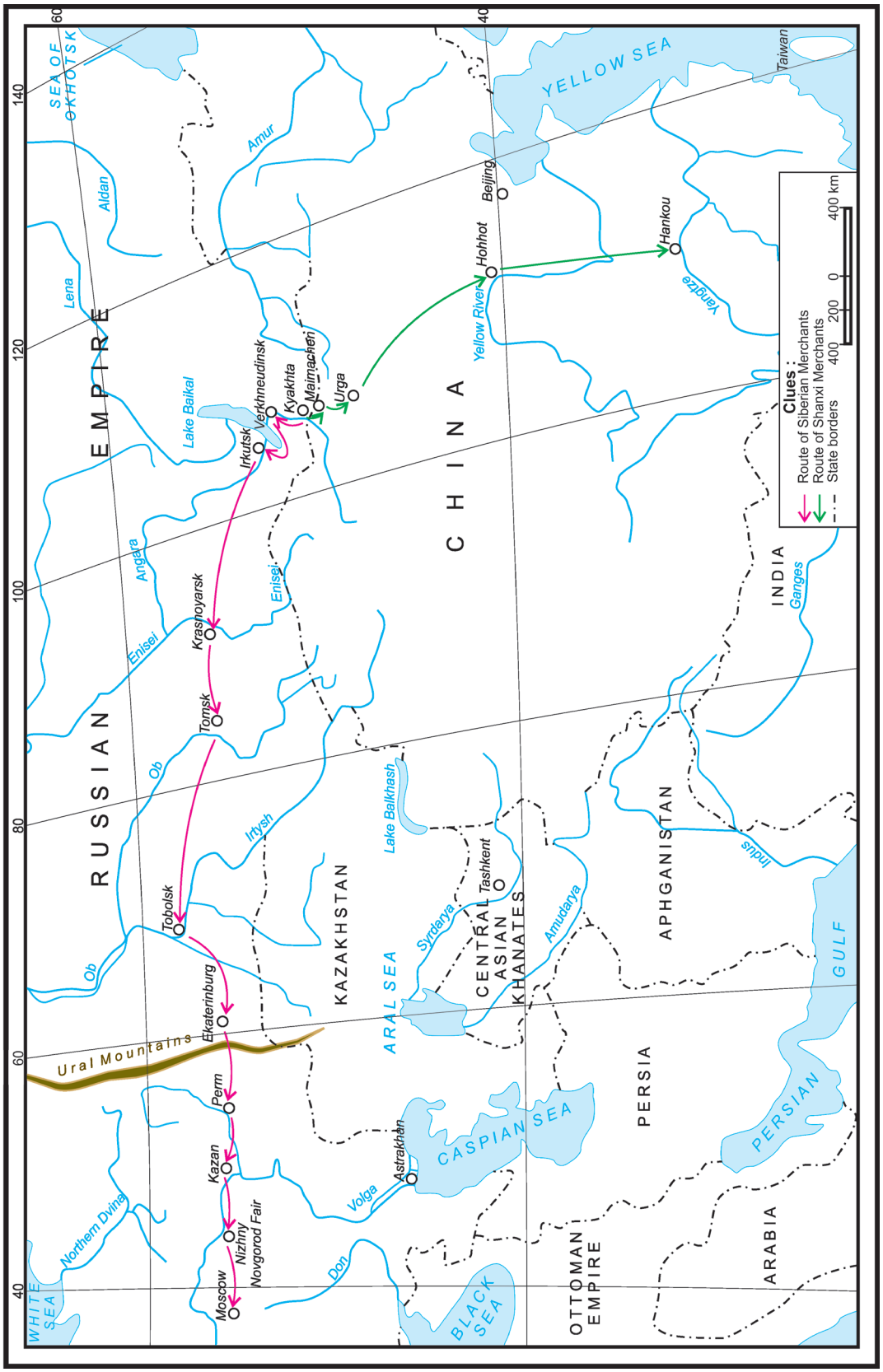

Fig. 7. The trade route of Siberian and Shanxi merchants.
The map created by Anastasiya L. Nesterkina (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS), based on the author's data

When Shanxi merchants exported commodities from China to Russia, they would first send them from Hankou to Shanxi. After that, they would be transported by camel to a rural warehouse in Urga. Shanxi merchants would transport the commodities from Urga to Maimachen from September to June, and then supply them from Maimachen to Kyakhta based on the situations of trade between Russia and China [Ibid. P. 3]. Chinese commodities were usually sent from Kyakhta to Moscow in February, March, April, June, October and November [Ibid. P. 20]. In May, the road conditions were highly unfavorable for distribution, and distribution would stop completely during the period from July to September, due to the Nizhny Novgorod Fair. Distribution would also stop in December due to the trade of tea in Kazan, and in January because of the Irbit Fair. There were two routes – a summer and winter one, between Irkutsk and Moscow. The summer route was Irkutsk – Perm – Nizhny Novgorod – Moscow and the winter route was Irkutsk – Kazan – Moscow [Ibid. P. 14].

Regarding commodities being traded between Russia and China, in the 18th century, the main Russian commodity for China was fur [Tarasov, 1858b. P. 99]. A severely cold winter climate in the northern part of China meant that its people needed fur to survive the winter. The fur market was formulated in the northern part of China, and the demand for Russian fur was stabilized. Originally, Russia captured the animals for fur in Siberia in such excessive numbers that their population drastically decreased in the second half of the 18th century. When a Russian-American company based in Irkutsk dispatched an expedition to the North Pacific Ocean, including Kuril islands, Kamchatka peninsula and Aleut islands, the mission was successful in finding alternative hunting regions. Sables and beavers captured for their fur in the Northern pacific began to be exported as luxurious commodities from Russia to China, and the Russian-American company became known as a key contributor to the development of trade between Russia and China [4].

In terms of exports from China to Russia, in the second half of the 18th century, Chinese representative exports were rhubarb, cotton fabrics and silk [Silin, 1947. P. 137, 150]. Rhubarb collected in the mountains of Mongolia and Tibet was precious and used as effective medicine in Russia in those days. Rhubarb was not only sold in Russia, but also exported through St. Petersburg to Europe. Another export – Chinese cotton fabrics were also highly necessary commodities for people living in Siberia (Kommercheskaya gazeta. 1843. Mar. 25. No. 36. P. 143). As the long-distance transportation of clothing from European Russia to Siberia was difficult at that time, it was Chinese cotton fabrics that were most commonly used in everyday clothes in Siberia. The trade between Russia and China was basically barter trade. Chinese cotton fabrics (*kitaika*) were representative commodities exchanged in the Kyakhta market and were also standard for barter trade in Kyakhta [Silin, 1947. P. 137]. Whenever a deficit occurred for either country during the course of a barter trade, silver would be used to make up the difference – a solution that was more frequently used by Russia. [Attman, 1981. P. 202].

When the custom of tea drinking spread in Russia at the end of the 18th century, the demand for tea drastically increased. At the end of the 17th century, European merchants exported Chinese tea to Russia through Arkhangelsk which marked the beginning of Russian tea drinking customs [Silin, 1947. P. 145]. Later, the tea trade route changed from going through Europe to Asia, at which point Kyakhta became a window for Chinese tea imports. Although the import of Chinese tea for Europe was transported from Guangzhou by sea route, it was also sometimes transported through Russia by land route [Kratkii ocherk…, 1896. P. 44]. From the second half of the 18th century, Shanxi merchants exported tea collected in Fujian (China) to Russia. After that, they established a trading company for the wholesale of tea in China, and bought tea from productive regions (Fujian and Zhejiang), almost monopolizing the export of tea for Russia. Before Chinese tea was exported to Russia, the tea would be processed and packaged for transportation by camels in a factory in Hankou [Bao, 2005. P. 99].

[4] The following literature contains more in-depth information: [Morinaga, 2008].

The processed tea would then be exported to Russia, and would sometimes also be sold in Mongolia (Chinese territory at that time) on its way to Russia.

Russia previously exported materials to China and imported manufactured commodities, including cotton fabrics from China. Once Russia became industrialized in the first half of the 19th century, the nature of trade between Russia and China transformed where Russia now imported materials from China and exported the manufactured commodities. The Russian protective tariff policy symbolically showed the transformation of this new trade structure. In 1822 Russia introduced the protective tariff and prohibited the import of tea from countries other than China, in order to increase the import of tea through Kyakhta [Tarasov, 1858b. P. 106]. On the other hand Russia raised the tariff for European manufactured goods and controlled the imports of European products in order to foster its domestic industry. After the 1820s, this protective tariff policy contributed to the rapid development of exports of manufactured goods from Russia to China [Korsak, 1857. P. 140]. As the demand for Chinese tea grew rapidly in Russia, the export of manufactured goods (cotton and woolen fabrics) from Russia to China also increased [Ostroukhov, 1939. P. 211, 218].

In the first half of the 1820s, Russian cotton fabrics were being exported to China through Kyakhta. Russian entrepreneurs did not merely export cotton fabrics produced in Russia, but tried to research Chinese demands and trends in order to develop products appropriate to this market. They gradually lowered the price of products, and promoted Russian cotton fabric exports through Kyakhta. The export of Russian cotton fabrics to China was successful [Korsak, 1857. P. 200], however not all Russian products spread to all Chinese regions. It is important to note that the main place of Russian product consumption was limited to mainland China. As China had an extensive territory, each region had different natural environments. The export of Russian cotton fabrics was especially successful to mainland China, as they were suitable for their everyday culture. These Russian cotton fabrics, particularly printed cotton and nankeen were welcomed by Chinese consumers [Zhurnal…, 1830. No. 7. P. 97].

After the 1830s, the Russian cotton fabric types changed. Interest shifted from the previous printed cotton and nankeen to cotton velvet - a newly added item to the list of Russian cotton fabric exports. After a sudden growth in its demand, cotton velvet became a representative export product. It was different from other cotton fabrics however as it was mainly produced in Moscow [Tarasov, 1858b. P. 105]. Entrepreneurs in Moscow engaged in the development of cotton velvet in the first half of the 1820s and began to export it to China after 1827. As companies in Moscow at first lacked technique to print the cotton velvet, they depended on the technique known only in St. Petersburg at the time. Moscow entrepreneurs however gradually learned the much-needed technique, and expanded their factories to produce it themselves. After the 1840s, this fabric type occupied the largest share among Russian commodities exported to China through Kyakhta (Kommercheskaya gazeta. 1836. Oct. 27. No. 129. P. 506). Similar to cotton fabrics, Russian entrepreneurs responded to the request of Shanxi merchants, and developed woolen fabrics customized to the Chinese market. These Russian woolen fabrics sold extremely well in the Chinese market [Zhurnal…, 1859. Pt. 2. No. 6. P. 3].

In the first half of the 19th century, the amount of tea consumed continued to increase in Russia, and so the Russian trade deficit to China extended [Tarasov, 1858b. P. 102]. Russia however increased the export of its manufactured goods to China, and tried to extinguish the trade deficit. After the Tianjin treaty between Russia and China was signed in 1858, the port of Guangzhou was now open to Russia. Soon after, the trade sea route to export Chinese tea from Guangzhou to the Odessa port was also opened. There were now two trade routes for transportation of Chinese tea to Russia – a land and sea route [Silin, 1947. P. 196]. According to the land trade agreement between Russia and China, which was signed in 1862, the Chinese government permitted preferential treatment to Russian merchants in China regarding trade between the two countries. Russian merchants established their settlement

in Zhangjiakou and entered the Chinese domestic distribution network [Bao, 2005. P. 225]. Russian merchants would travel from Zhangjiakou to Tianjin and Hanko. They would directly buy Chinese commodities in those cities and export them by land or sea from Tianjin to Russia [Ibid.]. Russian merchants caused Shanxi merchants great losses, however Shanxi merchants still controlled the export of brick tea [5] to Russia, and continued to control the trade between Russia and China through the western door ("Killing Tiger's Den") [Liu, Feng, 2009] [6]. Shanxi merchants built close relations with the Chinese government and established the commercial and financial system for the whole country. It is no exaggeration to say that Shanxi merchants controlled the Chinese economy [Liu et al., 2007].

As examined, Asian trade was carried out to be in harmony with natural environments. Many regions in Eurasia belonged to the steppes, and this ecological system was suitable for livestock farming, including camel, horse and mule [Mackinder, 1919. P. 71–114]. Asian merchants who engaged in Russian trade with Asia used camel and mule as a means of transportation. They organized caravans and participated in the distribution of commodities. As the circulation of commodities usually required one year [7], the clearance in distant trade was conducted in one year cycles. As the commodities were transported to be timed to avoid the camel molting period, the one year trade system cycle was designed in adjustment with the characteristics of the natural environment and the animals involved. This trade system that had been formed over a long period of time had a specific rationality to it. However this system of one year cycles could not adapt to the subsequent periods of innovation when the steam engine and fossil fuels were introduced in the field of production, and when mass production was realized.

Once the steam engine and the use of fossil fuels was introduced in the second half of the 19th century, the form of distribution subsequently changed, in line with the forms of production.

When the steam engine and fossil fuels were introduced in the cotton industry field, and when mass production of cheap cotton fabrics was realized, Russia used the commercial network of Asian merchants in the neighboring sphere of commerce to promote the export of cotton fabrics to Asia. In the second half of the 19th century, when the steam engine and fossil fuels were introduced in the field of distribution, it would be rational to suppose that competition arose between the new distribution network of Russian merchants and the traditional distribution network of Asian merchants. When we assess this entire period, the export mechanism of Russian cotton fabrics, which Asian merchants formulated, was technically in its transitional form, which appeared at a time when Russian society rejected its conditions to depend on the natural environment.

References / Список литературы

Attman A. The Russian Market in World Trade, 1500–1860. *Scandinavian Economic History Review*, 1981, vol. 29, iss. 3, p. 177–202.

Baldin K. E., Kokhova L. A. Ot kustarnogo sela k industrial'nomu «megapolisu»: ocherki istorii tekstil'noi promyshlennosti v sele Ivanove – gorode Ivanovo-Voznesenske [From Artisan Village

[5] In those days, tea was divided into "leaf tea" and "brick tea" in the trade between Russia and China. "Leaf tea" was mainly drunk as black tea. "Brick tea" was mixed with milk and salt, and was drunk by nomads. Even today, Mongolian descendants drink "brick tea" in Russia.

[6] After the Siberian railroad was established at the end of the 19th century, the importance of trade declined in Kyakhta, but the trade between Russia and China continued in Kyakhta until the fall of the Qing dynasty in 1912.

[7] The distribution period of commodities from producers to consumers.

to Industrial Megapolis: Essays on the History of the Textile Industry in Ivanovo Village – City of Ivanovo-Voznesensk]. Ivanovo, Novaya Ivanovskaya gazeta, 2004, 250 p. (in Russ.)
Балдин К. Е., Кохова Л. А. От кустарного села к индустриальному «мегаполису»: очерки истории текстильной промышленности в селе Иванове – городе Иваново-Вознесенске. Иваново: Новая Ивановская газета, 2004. 250 с.

Bao M. P. Mongoru ni okeru toshi kentikushi kenkyu [Research about the History of Mongolian Cities]. Tokyo, Toho-shoten, 2005. 311 p. (in Jap.)
Bao M. P. Mongoru ni okeru toshi kentikushi kenkyu (Исследования по истории городов Монголии). Tokyo: Toho-shoten, 2005. 311 p. (на яп. яз.)

Burnes A. Travels into Bokhara: A Voyage on the Indus. Karachi, Oxford Uni. Press, 1973, 504 p.

Burton A. The Bukharans: a Dynastic, Diplomatic and Commercial History, *1550–1702*. Richmond, Curzon, 1997, 664 p.

Foust C. M. Muscovite and Mandarin: Russia's Trade with China and its Setting, 1727–1805. Chapel Hill, Uni. of North Carolina Press, 1969, 424 p.

Korsak A. K. Istoriko-statisticheskoe obozrenie torgovykh snoshenii Rossii s Kitaem [Historical and Statistical Review of Trade Relations Between Russia and China]. Kazan, Ivan Dubrovin, 1857, 445 p. (in Russ.)
Корсак А. К. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань: И. Дубровин, 1857. 445 с.

Kratkii ocherk vozniknoveniya, razvitiya i tepereshnego sostoyaniya nashikh torgovykh s Kitaem snoshenii cherez Kyakhtu [Brief Essay of Origin, Development and the Current Condition of Our Commercial Relations with China through Kyakhta]. Moscow, Izdanie kyakhtinskogo kupechestva, 1896, 117 p. (in Russ.)
Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений через Кяхту. М.: Изд. кяхтин. купечества, 1896. 117 с.

Krit N. K. Budushchnost' kyakhtinskoi torgovli [The Future of Kyakhta's Trade]. St. Petersburg, Tipografiya artilleriiskogo departamenta voennogo ministerstva, 1862, 101 p. (in Russ.)
Крит Н. К. Будущность кяхтинской торговли. СПб.: Тип. артилл. деп. воен. мин-ва, 1862. 101 с.

Liu J. et al. Shanxisheng daima shangye yanjiu [The Research of Business Transactions in Shanxi]. Taiyuan, Shanxi zhou chubanshe, 2007, 420 p. (in Chin.)
Liu J. et al. Shanxisheng daima shangye yanjiu (Исследование торговых сделок в Шаньси). Taiyuan: Shanxi zhou chubanshe, 2007. 420 p. (на кит. яз.)

Liu J., Feng R. Shanxi Merchants and Their Trade Between China and Russia. Empire's Trade: Eurasian Distribution and Kyakhta between 18th – 19th Centuries, Northeast Asian Studies 11, Sendai, 2009, p. 97–138.

Mackinder H. J. Democratic Ideals and Reality: a Study in the Politics of Reconstruction. New York, H. Holt, 1919, 277 p.

Morinaga T. Irukutsuku shonin to kyafuta boeki: teisei roshia ni okeru yurashia shogyo [Irkutsk Merchants and Kyakhta Trade: Eurasian Commerce in the Russian Empire]. Sapporo, Hokkaido daigaku shuppankai, 2010, 551 p. (in Jap.)
Morinaga T. Irukutsuku shonin to kyafuta boeki: teisei roshia ni okeru yurashia shogyo (Иркутское купечество и кяхтинская торговля: евразийская торговля в Российской империи). Sapporo: Hokkaido daigaku shuppankai, 2010. 551 p. (на яп. яз.)

Morinaga T. Rosia no kakudai to kegawa boeki, 16–19 seiki Siberia kita-taiheiyo no shonin no sekai [Russian Expansion and Fur Trade, 16th – 19th Centuries Siberian-North Pacific Merchant World]. Tokyo, Sairyu-sha, 2008, 240 p. (in Jap.)
Morinaga T. Rosia no kakudai to kegawa boeki, 16–19 seiki Siberia kita-taiheiyo no shonin no sekai (Российская экспансия и пушная торговля, мир купцов Сибири и тихоокеанского севера в XVI–XIX вв.). Tokyo: Sairyu-sha, 2008. 240 p. (на яп. яз.)

Ostroukhov P. A. K voprosu o znachenii russko-kitaiskoi menovoi torgovli v Kyakhte dlya russkogo rynka v pervoi polovine XIX veka [The Issue of the Importance of Russian-Chinese

Barter in Kyakhta for the Russian Market in the First Half of the 19th Century]. Zapiski nauchno-issledovatel'skogo ob'edineniya [Notes from the Research and Development Association], Prague, 1939, vol. 9, p. 207–254. (in Russ.)
Остроухов П. А. К вопросу о значении русско-китайской меновой торговли в Кяхте для русского рынка в первой половине XIX века // Записки научно-исследовательского объединения. Прага, 1939. Т. 9. С. 207–254.

Potanin G. N. O karavannoi torgovle s Dzhungaskoi Bukhariei v XVIII stoletii [18th Century Caravan Trade with the Jungar Bukhara]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1868, 93 p. (in Russ.)
Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии. М.: Унив. тип., 1868. 93 с.

Shiotani M. Strukturnoe izmenenie assortimenta tovarov na Nizhegorodskoi yarmarke s 1828 po 1860 g. [Structural Change of the Range of Goods at the Nizhni Novgorod Fair between 1828–1860]. *Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennei Azii* [*Humanities Research in Inner Asia*]. Ulan-Ude, 2009, no. 4–5, p. 70–88. (in Russ.)
Сиотани М. Структурное изменение ассортимента товаров на Нижегородской ярмарке с 1828 по 1860 г. // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. Улан-Удэ, 2009. № 4–5. С. 70–88.

Shiotani M. The Development of Russian Cotton Industry and the Export of her Cotton Goods to Asia in the First Half of 19th Century. *Journal of Economics*, Osaka, 1998, vol. 99, no. 3–4, p. 38–59.

Shiotani M. The Export of Russian Cotton Fabrics and the Commercial Network of Asian Merchants in the First Half of the 19th Century. Part 1. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 8. History, p. 49–64.

Silin E. P. Kyakhta v XVIII veke [Kyakhta in the 18th Century]. Irkutsk, Irkoblizdat, 1947, 204 p. (in Russ.)
Силин Е. П. Кяхта в XVIII веке. Иркутск: Иркоблиздат, 1947. 204 с.

Sladkovsky M. I. Istoriya torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii narodov Rossii s Kitaem (do 1917 g.) [The History of Commercial and Economic Relations Between Peoples of Russia and China (Until 1917)]. Moscow, Nauka, 1974, 439 p. (in Russ.)
Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: Наука, 1974. 439 с.

Solovyev V. L., Boldyreva M. D. Ivanovskie sittsy [The Calicos of Ivanovo]. Moscow, Legprombytizdat Publ., 1987, 224 p. (in Russ.)
Соловьев В. Л., Болдырева М. Д. Ивановские ситцы. М.: Легпромбытиздат, 1987. 224 с.

Stephan F. D. Indian Merchants and Eurasian Trade, 1600–1750. Cambridge, Cambridge Uni.Press, 2002, 180 p.

Sugiyama M., Kitagawa S. Dai Mongoru no jidai [The Mongol Era]. Sekai no rekishi [History of the World] 9. Tokyo, Chuo-koronsha, 1997, 482 p. (in Jap.)
Sugiyama M., Kitagawa S. Dai Mongoru no jidai (Монгольская эра). Sekai no rekishi (Всемирная история) 9. Tokyo: Chuo-koronsha, 1997. 482 p. (на яп. яз.)

Tarasov S. A. Ocherk kyakhtinskoi torgovli [Essay on Kyakhta Trade]. St. Petersburg, Tipografiya departamenta vneshnei torgovli, 1858a, 50 p. (in Russ.)
Тарасов С. А. Очерк кяхтинской торговли. СПб.: Тип. департамента внешней торговли, 1858а. 50 с.

Tarasov S. A. Ocherk kyakhtinskoi torgovli [Essay on Kyakhta Trade]. *Zhurnal manufaktur i torgovli* [*Journal of Manufactures and Trade*]. St. Petersburg, 1858b, pt. 1, no. 2, p. 79–104; no. 3, p. 105–125. (in Russ.)
Тарасов С. А. Очерк кяхтинской торговли // Журнал мануфактур и торговли. СПб., 1858б. Ч. 1. № 2. С. 79–104; № 3. С. 105–125.

Ter-Avanesyan D. V. K istorii khlopkovodstva v SSSR [The History of Cotton Growing in the USSR]. In: Materialy po istorii zemledeliya SSSR [Materials on the History of Land Cultivation in the USSR]. Moscow, 1956, p. 561–622. (in Russ.)
Тер-Аванесян Д. В. К истории хлопководства в СССР // Материалы по истории земледелия СССР. М., 1956. С. 561–622.

Ziyaev Kh. Z. Ekonomicheskie svyazi Srednei Azii s Sibir'yu v XVI–XVII vv. [Economic Relations Between Middle Asia and Siberia in the 16th – 17th Centuries]. Tashkent, Fan Publ., 1983, 165 p. (in Russ.)
Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XVII вв. Ташкент: «Фан», 1983. 165 с.

Sources / Источники

Kommercheskaya gazeta [*Commercial Newspaper*] (St. Petersburg). 1825. Aug. 12. No. 64; 1826. Sept. 8. No. 71; 1831. Oct. 31. No. 87; 1832. Oct. 1. No. 79; 1836. Aug. 19. No. 99; Oct. 27. No. 129; 1840. Mar. 16. No. 33; 1841. Mar. 22. No. 35; 1843. Mar. 25. No. 36; Dec. 23. No. 150. (in Russ.)
Коммерческая газета (СПб.). 1825. 12 авг. № 64; 1826. 8 сент. № 71; 1831. 31 окт. № 87; 1832. 1 окт. № 79; 1836. 19 авг. № 99; 27 окт. № 129; 1840. 16 марта. № 33; 1841. 22 марта. № 35; 1843. 25 марта. № 36; 23 дек. № 150.

Zhurnal manufaktur i torgovli [*Journal of Manufactures and Trade*] (St. Petersburg). 1830. Pt. 3. No. 7; 1859. Pt. 2. No. 6. (in Russ.)
Журнал мануфактур и торговли (СПб.). 1830. Ч. 3. № 7; 1859. Ч. 2. № 6.

Материал поступил в редколлегию
Received
29.03.2018

Information about the Author / Сведения об авторе

Shiotani Masachika, Doctor of Economics, Assistant Professor, Division of Russian and Siberian Studies, Center for Northeast Asian Studies, Tohoku University (2 Chome-1-1 Katahira, Aoba-ku, Sendai, 980-8577, Japan, shiotani@cneas.tohoku.ac.jp)
Сиотани Масатика, доктор экономики, доцент отдела изучения России и Сибири Центра исследований Северо-Восточной Азии Университета Тохоку (2 Томе-1-1 Катахира, Аоба-ку, Сендай, 980-9577, Япония, shiotani@cneas.tohoku.ac.jp)

УДК 94 (47).083
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-56-65

Деятельность Д. Г. Пономарева в должности жандарма, находящегося при золотых приисках в Западной Сибири

П. П. Румянцев

Томский государственный университет
Томск, Россия

Аннотация

Рассматривается вопрос о деятельности Дмитрия Гавриловича Пономарева в должности жандармского офицера, осуществлявшего надзор за частной золотопромышленностью в Западной Сибири. Исследование основывается на привлечении архивных источников, многие из них впервые вводятся в научный оборот. В процессе своей работы автор пришел к выводу о достаточно активной деятельности названного жандармского офицера, который в течение 14 лет, дольше всех своих предшественников и приемников пробыл на указанном посту, что отражено в многочисленной делопроизводственной жандармской документации того времени. Также на примере деятельности Д. Г. Пономарева можно заключить о достаточно высокой степени эффективности жандармского надзора за частной золотопромышленностью в рамках проводимой правительственной политики.

Ключевые слова

Сибирь, XIX в., золотопромышленность, жандармский надзор, Д. Г. Пономарев

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых (проект МК-2135.2018.6)

Для цитирования

Румянцев П. П. Деятельность Д. Г. Пономарева в должности жандарма, находящегося при золотых приисках в Западной Сибири // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 1: История. С. 56–65. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-56-65

The Role of Gendarme Staff Officer D. G. Ponomarev Overseeing Gold Mining in Western Siberia

P. P. Rumyantsev

Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

Abstract

The gendarmerie supervision of private gold mining in Siberia appeared as a result of a large number of labor strikes at gold mines in Siberia in the late 1830s and early 1840s. The government believed that the presence of gendarmes in the gold mines would help reduce the number of workers' strikes and be a way for the authorities to receive direct intel about all activities taking place in the gold mining industry. In Russian historiography, the gendarmerie supervision of the industrial sector of the economy has not actually been studied; this fact actualizes the research presented in this article. The key purpose of this article is to analyze the activities of gendarme officer Dmitry Gavrilovich Ponomarev, who had

© П. П. Румянцев, 2019

been supervising private gold mining enterprises in Western Siberia for 14 years – longer than all his predecessors and successors. The research aims were to reveal the reason for the appointment of Ponomarev to this position, identify his main duties during his time in service, analyze his documentation, and answer the question about the effectiveness of gendarmerie supervision as a whole, based on the example of Ponomarev's activity. The first gendarme officers who supervised the gold mining industry, especially D. G. Ponomarev, treated their duties fairly responsibly, trying to delve into all aspects of the gold mining process. The remained documentation testifies to Ponomarev's sufficiently high competence in the matters of gold mining. The gendarmerie supervision of private gold mining in Siberia was a fairly good source of information for the highest executive authorities in the region about the processes and events that took place in private gold mines. Therefore, it can be concluded that the gendarmerie agency had a sufficiently high degree of effectiveness in this regard.

Keywords

Siberia, 19th century, gold mining industry, gendarme supervision, D. G. Ponomarev

Acknowledgements

This study was carried out with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for Young Scientists (project MK-2135.2018.6)

For citation

Rumyantsev P. P. The Role of Gendarme Staff Officer D. G. Ponomarev Overseeing Gold Mining in Western Siberia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 1: History, p. 56–65. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-56-65

Вопрос об учреждении жандармского надзора за частной золотопромышленностью на сибирских землях в правительственных кругах был поднят на рубеже 30-х – 40-х гг. XIX в. по следующей причине. Именно в это время на частных золотых промыслах, как в Западной, так и Восточной Сибири, прокатилась волна массовых волнений рабочих, вызванных несоблюдением условий контрактов со стороны владельцев промыслов и их доверенных лиц, плохими материальными условиями жизни на приисках, а также насилием со стороны администраций золотопромышленных предприятий. Следовательно, необходимы были правительственные меры для пресечения впредь подобных волнений и осуществления контроля в целом за развитием золотопромышленности. Выход из этой ситуации виделся в учреждении надзора со стороны лиц, не зависящих от местных властей и самих золотопромышленников, которые сообщали бы вышестоящей власти обо всех нарушениях и являлись правительственным «оком» на таежных приисках. С этой задачей могли справиться офицеры Корпуса жандармов, на которых и возлагалось исполнение подобных миссий в николаевской России, что и обусловило появление жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Сибири.

Отечественные исследователи изучают деятельность российской жандармерии в различном контексте. В первую очередь жандармское ведомство рассматривается как инструмент контроля за региональной властью и общественным мнением [Ремнев, 2015. С. 180–202]. Также выделяется выполнение жандармскими чинами таких функций, как комендантов ярмарок, контроль за проведением рекрутских наборов и различных полицейских обязанностей [Коновалов, 2014; Романов, 2010]. Также деятельность офицеров Корпуса жандармов попадает в поле зрения отечественных исследователей при изучении вопроса о надзоре с их стороны за региональной исполнительной властью, борьбой со взяточничеством чиновничьего аппарата на местах [Бикташева, 2015; Абакумов, 2017].

Вместе с тем необходимо отметить, что на этом перечне деятельность жандармов не ограничивалась, в поле их зрения попадали и другие вопросы, в том числе связанные с промышленным сектором экономики и положением рабочих. Так, по ряду причин, которые были уже приведе-

ны, золотопромышленность на сибирских землях также обратила на себя внимание жандармерии, что нашло отражение в их документации [Зиновьев, 2009]. Несмотря на то, что факт нахождения жандармских штаб-офицеров на сибирских золотых промыслах в отечественной историографии известен давно [Семевский, 1898], однако история учреждения и дальнейшего функционирования надзора со стороны жандармского ведомства за частной золотопромышленностью в Сибири только с недавнего времени стала привлекать внимание отечественных исследователей [Бибиков, Бакшт, 2016; Бакшт, Румянцев, 2016; Бакшт, 2017]. В представленной статье будет предпринята попытка исследования деятельности Д. Г. Пономарева на посту жандармского штаб-офицера на частных золотых приисках в Западной Сибири. Выбор его кандидатуры обусловлен тем, что он дольше всех, на протяжении 14 лет, осуществлял надзор за функционированием частной золотопромышленности в крае. Сохранилось достаточное количество документации о его деятельности, что дает прекрасную возможность всестороннего изучения процесса осуществления жандармского надзора за указанной промышленной отраслью, а также возможность ответить на вопрос об эффективности такого надзора.

Дмитрий Гаврилович Пономарев родился в 1797 г., по происхождению был из дворян Оренбургской губернии. Военную службу начал в 1808 г., вступив в должность унтер-офицера Оренбургского гарнизонного полка. Имел боевой опыт, участвуя в Кавказской войне фактически с самого ее начала и на протяжении более чем десяти лет. Находясь на военной службе, получил ряд орденов: св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (1829 г.) и такой же орден 3-й степени с бантом. В 1831 г. в звании подполковника уволен по болезни с сохранением мундира и пенсионом в размере 1/3 от прежнего жалованья. Через три года он вернулся на службу, заняв должность командира отдельной беломорской роты Архангельского таможенного округа. В 1840 г. на этой должности он получил чин полковника и был замечен как ответственный офицер, что и предопределило его перевод в Корпус жандармов [1].

Необходимо отметить, что Пономарев был одним из тех офицеров, которых часто в исследовательской литературе относят к жандармам «бенкендорфовского» призыва, т. е. поступивших в Корпус жандармов еще при жизни первого шефа корпуса – А. Х. Бенкендорфа. Последний вел тщательный отбор из числа желающих поступить на службу в Корпус жандармов, и одним из главных критериев такого отбора являлось наличие боевого опыта на действительной военной службе. Также обращалось внимание на деловые качества кандидата, на отзыв о нем со стороны его начальства по предыдущим местам службы, наличие или отсутствие взысканий. Пономарев хорошо подходил под эти требования, поэтому нет ничего удивительного, что приказом от 15 июля 1843 г. он был переведен в означенный корпус.

Как писалось выше, должность жандармского штаб-офицера на частных золотых промыслах появилась как ответная реакция правительства на массовые волнения приисковых рабочих в конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в.: в 1841 г. эта должность была учреждена для приисков, расположенных в Западной Сибири, а в следующем году – для Восточной Сибири. Новые жандармские чины выполняли широкий круг обязанностей, осуществляя надзор за состоянием золотых промыслов и положением рабочих на них, обязываясь ежегодно объезжать огромные таежные территории, на которых велись работы по добыче золота. Первым офицером, отправленным для исполнения указанной миссии на прииски в Западную Сибирь, был Иван Михайлович Огарев, до этого исполнявший обязанности штаб-офицера жандармского ведомства в Тобольской губернии. Однако на новой для себя должности он пробыл недолго и уже через два года его отозвали на прежнее место службы.

[1] Пономаревы // История, культура и традиции Рязанского края. URL: http://www.history-ryazan.ru/node/13404 (дата обращения 28.03.2018).

В 1844 г. Огарева сменил как раз Пономарев, проработавший в этой должности на протяжении четырнадцати лет. При этом необходимо отметить, что полковник Пономарев до своего назначения не был знаком с золотопромышленным делом, что понятно из следующего документа. 22 июня 1844 г. отношением за № 37 Пономарев обращался в Алтайское горное правление с просьбой сообщить ему следующую информацию: «1-е. Какое имеют разделение частные золотые прииски Западной Сибири, по дистанциям или системам, с объяснением названия каждой, какие заключают в себе прииски и кому принадлежат. 2-е. Какие и на которых приисках или системах господствующие породы торфа и пласта золотосодержащего и вообще сколько разнообразных пород. 3-е. Какого вида величины и достоинства вырабатываемо золото и на всех ли приисках или системах одинаковы» [2]. В своем ответе от 15 июля того же года Алтайское горное правление сообщило, что информацию о частных золотых промыслах оно уже передавало (видимо, Огареву, предшественнику Пономарева), а согласилось только предоставить выписку от частных золотопромышленников Томской губернии о разрабатываемых ими промыслах «с показанием в ней, какой пробы и сколько оказалось золота каждого прииска сдельно» [3].

В то же самое время обращался Пономарев и к другим должностным лицам для получения сведений по различным вопросам, связанным с процессом золотодобычи и положением рабочих на золотых промыслах. Так, штаб-медик по частным золотым промыслам Дохнович в своем рапорте № 65 от 17 ноября 1844 г. Алтайскому горному правлению сообщал, что к нему обращался полковник Корпуса жандармов Пономарев и просил предоставить ему информацию по восьми интересующим его вопросам: на каких приисках существуют лазареты и на сколько человек больных они рассчитаны; качество обеспечения этих больниц всем необходимым для медицинской деятельности; количество больных в течение промысловой операции; наблюдались ли «особенного характера болезни, принадлежащие исключительно свойству здешнего климата и времени года»; количество летальных исходов среди больных и пр. На все эти вопросы Дохнович дал Пономареву развернутую информацию [4].

В дальнейшем Пономарев хорошо освоился на новом для себя месте службы, что видно из его документации. Так, основными документами являлись отчеты о развитии местной золотопромышленности, которые составлялись ежегодно по окончанию промысловой операции на приисках. Эти документы адресовались на имя руководителя VIII жандармского округа, непосредственного начальника Пономарева, а также на имя генерал-губернатора Западной Сибири. Уже в свой первый год пребывания в новой должности Пономарев составил отчет о состоянии частной золотопромышленности в Западной Сибири за 1844 г. В нем он не стал останавливаться на описании золотоносных систем как таковых, а сосредоточил внимание на состоянии действующих приисков. Так, он вкратце затронул вопрос о технической стороне процесса золотодобычи, условиях найма рабочих. Затем подробнее рассмотрел состояние полицейской стражи на промыслах, указал основные происшествия, произошедшие в течение промысловой операции, а также остановился на характеристике медицинской части и религиозной жизни в тайге. При этом жандармский полковник дал свою оценку действиям служебных лиц, задействованных в золотопромышленной сфере. Деятельность казачьей стражи он охарактеризовал следующим образом: «Все чины исполняли свои обязанности с усердием и расторопностью, вели себя хорошо, подчиненность была строгая, казенное довольствие получали исправно, лошади строевые и вьючные постоянно были в хорошем теле, которые найдены мной в таком же состоянии при осмотре во время проследования чрез Томск, сделавши 300

[2] ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2424. Л. 1 – 1 об.
[3] Там же. Л. 3 об.
[4] Там же. Л. 102–103.

верст; амуниция и оружие в чистоте и сбережении; нижние чины никаких претензий не объявляли». А описывая многостороннюю и активную деятельность горного исправника Тимофеева, он делал вывод: «…потому во всех случаях, лично видя благонамеренность его действий, осмеливаюсь свидетельствовать, что он заслуживает особенного внимания начальства» [5].

В дальнейшем в своих ежегодных отчетах о состоянии местной золотопромышленности Пономарев оставался таким же последовательным в описании всего им замеченного на золотых приисках. Структура их выглядела следующим образом: в начале шли статистические сведения о развитии золотопромышленности (количество промытой породы и добытого золота, численность рабочих и служащих и пр.), затем информация о положении рабочих, полицейской части, перечислялись основные происшествия, произошедшие в течение промысловой операции, состояние медицинской части и таежных дорог, церковная жизнь на приисках, сведения о выходе рабочих с промыслов по окончании работ. Важно отметить, что отчеты Пономарева не только внимательно читались их адресатами, что видно по пометкам, сделанным на страницах, но и на них следовала реакция. Так, например, получив отчет за 1854 г., генерал-губернатор Западной Сибири Г. Х. Гасфорд обратился к томскому гражданскому губернатору В. А. Бекману, прося последнего разобраться с ситуацией, когда рабочие на ряде приисков в конце промысловой операции вместо обещанного жалованья получают только квитанции, что не должно иметь места, и просил губернатора следить, чтобы подобная ситуация впредь больше не повторялась [6].

Интересно отметить, что жандармский штаб-офицер Пономарев рапортовал не только о состоянии частного золотого промысла, но делал сообщения и по тем вопросам, которые, по его мнению, заслуживают внимание со стороны высшей исполнительной власти в регионе. Например, в 1851 г. он докладывал генерал-губернатору Западной Сибири Г. Х. Гасфорду о коррумпированности крестьянского выборного управления в с. Тисульском Дмитриевской волости Томской губернии, выражавшейся в поборах с местного населения со стороны выборных должностных лиц. Г. Х. Гасфорд, получив донесения жандармского штаб-офицера, отдал распоряжение о проведении расследования по этому делу, в ходе которого информация Пономарева полностью подтвердилась. Как следствие, последовали наказание виновных и замена должностных лиц в местном крестьянском самоуправлении [7].

Тем самым можно увидеть, что ежегодные жандармские отчеты о состоянии местной золотопромышленности, а также отдельные рапорты являлись надежным для власти каналом информации о положении золотопромышленности в крае, на которых следовала реакция. Сообщаемые жандармскими чинами сведения для власти представлялись правдоподобной информацией по той причине, что офицеры Корпуса жандармов не находились на обеспечении местных золотопромышленников, не брали от последних взяток, как это было замечено за такими должностными лицами, как горные исправники и ревизоры (о чем, кстати, доносили и сами жандармы). Соответственно, жандармские штаб-офицеры без всякого стеснения сообщали власти о разного рода происшествиях, преступлениях, злоупотреблениях и пр., происходящих на золотых промыслах в Сибири, являясь тем правительственным оком, которое власти хотели видеть в лице жандармских чинов на золотых приисках.

Пономарев пытался узнать обо всех нюансах золотопромышленного дела не только от переписки с различными должностными лицами, но и за счет личного присутствия на частных золотых промыслах. Так, на втором году пребывания Пономарева в указанной должности произошел следующий случай. Горный исправник Тимофеев рапортом от 4 августа 1845 г. сооб-

[5] ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 635. Л. 20 об., 26.
[6] ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3783. Л. 18–19.
[7] ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–50.

щал томскому гражданскому губернатору, что на прииске Никольском купца второй гильдии Серебренникова обнаружено несколько нарушений горного законодательства. Тимофеев далее сообщал: «Все рабочие в присутствии полковника Пономарева объявили, что они просили управляющего сделать в разрезе повыше забоя от 2 до 3-х уступов и гораздо шире, но он не согласился. <…> Полковник Пономарев входил во все подробности и делал измерение вышины забоя и уступов» [8].

Одним из вопросов приисковой жизни, которому Пономарев уделял повышенное внимание, являлось состояние медицинского обслуживания на золотых промыслах. В своих отчетах жандармский штаб-офицер фиксировал количество больниц, аптек на приисках, качество их оснащения, а также давал характеристику медицинскому персоналу. Эта информация является уникальным, фактически единственным источником о состоянии медицинской части на золотых приисках того времени. Особо Пономарев выделял деятельность штаб-медика Дохновича. Уже в своем первом отчете (за 1844 г.) жандармский полковник писал об этом приисковом эскулапе, что он «…посещал лазареты и все прииски с той пользой и столь часто, сколько его усердие и познание, приобретенные воспитанием и опытностью, доставляли ему возможность» [9]. В дальнейшие годы положительная оценка деятельности Дохновича по-прежнему присутствовала в годовых отчетах Пономарева о состоянии частной золотопромышленности. Так, в отчете за 1856 г. он характеризовал действия Дохновича следующим образом: «Частое посещение приисковым медиком Дохновичем лазаретов, личное наблюдение, опытные его наставления лекарским ученикам, предупреждали все, что зависело от его предусмотрительности. Не взирая на неоднократные отзывы золотопромышленников в затруднении приискания лекарских учеников, г. Дохнович сам их изыскивал и посылал на прииски из вольнонаемных и таким средством обеспечивал надзор за больными» [10].

Должностные обязанности призывали жандармских штаб-офицеров с 1 мая по 1 октября постоянно присутствовать на золотых промыслах. Объезд летом приисков был крайне непростым занятием, учитывая те условия местности, где располагались места по добыче золота, разбросанные друг от друга на огромном расстоянии. Нередко приходилось на протяжении длительного времени передвигаться верхом на лошади, не слезая с нее, пробираясь через пересеченную местность, терпя многочисленные лишения от таких поездок. Ситуация для Пономарева усугублялась подорванным за долгие годы службы в различных местах здоровьем, что осложняло ему выполнение обязанностей по надзору за состоянием частной золотопромышленности на огромной территории. Но, несмотря на все трудности, Пономарев старался добросовестно выполнять свою работу, о чем свидетельствует следующий пример. Горный исправник Тимофеев в своем отношением от 4 сентября 1850 г. просил полковника Пономарева прибыть на прииск Варваринский Компании Рязановых для расследования нарушения, связанного с незаконной добычей золота. В своем ответе жандармский полковник сообщал, что «…страдая издавна ревматизмом при проезде ныне на прииск Воскресенский Ко Рязановых в ненастное время я вновь получил столь сильную простуду, что в настоящее время не могу прибыть на прииск Варваринский к следствию; тем более, что способ лечения, я предпринимаю такой, который требует большой осторожности от холодного открытого воздуха и определить время моего выздоровления не могу. Впрочем, по близости прииска Варваринского к Воскресенскому Ко Рязановых, если следствие это может производиться на последнем

[8] ГААК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 527. Л. 2 – 2 об.
[9] ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 635. Л. 24.
[10] ГИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3921. Л. 16.

в квартире моей и недалече окончится 10 сентября, то я при болезненном моем состоянии готов быть при производстве оного» [11].

Помимо надзора за различными сторонами процесса золотодобычи, материально-бытового положения работников, Пономарев уделял внимание и нравственной стороне приисковой жизни. В своих ежегодных отчетах он всегда указывал информацию о церквах на таежных приисках, ратуя за увеличение количества церквей и меры к приобщению рабочих к религиозной жизни, что, по его мнению, будет способствовать улучшению социальных отношений на предприятиях. Так, уже в своем первом отчете о состоянии золотого промысла за 1844 г. он писал, что помимо действующих церквей «необходимо устроить походную церковь по примеру частной золотопромышленности в Восточной Сибири, если бы угодно было правительству пригласить к этому готовых уже частью золотопромышленников. <…> [Есть огромное количество рабочих], которые по нескольку лет, не выходя с одного прииска, не видят службы Божией, а в Великий пост не бывают при исповеди и св. причастия и по необходимости могут ослабевать в религии и нравственности» [12].

Еще одной заботой жандармского штаб-офицера являлась борьба с такими пагубными явлениями в приисковой среде, как пьянство и провоз на золотопромышленные предприятия спиртных напитков со стороны так называемых «спиртоносов», категории людей, ведших запрещенную торговлю горячительными напитками, зачастую очень низкого качества, что не мешало им продавать среди рабочих свой суррогат за большие деньги. В борьбе со спиртоносами сошлись интересы промышленников, администраций предприятий, а также и правительства в лице жандармских чинов, осуществлявших надзор за деятельностью частновладельческих золотых промыслов. Так, Пономарев 2 августа 1849 г. отношением № 41 обращался к горному инженеру Лебедкину по следующему предмету. По его словам, на днях администрация Воскресенского привела ему мальчика Федора Иванова, пойманного с бутылкой вина, купленного за 4 руб. 50 коп. ассигнациями у некоего мещанина Быстрова. Жандармский штаб-офицер предлагал немедленно провести обыск в квартире Быстрова, мотивируя это тем, что «…торговля на золотых промыслах бывает сопряжена неразлучно с торговлею похищаемого золота, а по случаю отсутствия горного ревизора и горных отводчиков и лично Вашему здесь нахождению по следствию, не предстоит другого средства, как покорнейше просить присутствия Вашего Высокоблагородия при помянутом обыске теперь же» [13].

Следует отметить, что содержащаяся в документах Пономарева информация имела высокую степень достоверности. Вывод этот делается из реакции жандармского начальства и генерал-губернаторов на выявленные им случаи разного рода нарушений, последовавшей переписки с разными должностными лицами, которая подтверждает объективность сведений жандармского чина.

Активная деятельность Пономарева в должности жандармского штаб-офицера на частных золотых промыслах в Западной Сибири отмечалась вышестоящим начальством, и, в частности, это привело к получению Пономаревым новых наград. Исходя из анализа приказов по Корпусу жандармов, следует, что 11 апреля 1848 г. он получил орден св. Анны 2-й степени, 23 апреля 1850 г. – орден св. Анны 2-й степени с императорской короной, 11 апреля 1854 г. он был отмечен орденом св. Владимира 3-й степени, а в 1857 г. – св. Станислава 1-й степени. Помимо указанных орденов он последовательно получал знаки отличия за беспорочную службу: в 1850 г. – за 30 лет, 1853 г. – 35 лет, 1858 г. – 40 лет.

[11] ГАТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 349. Л. 19 – 19 об.
[12] ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 635. Л. 21 об. – 22.
[13] ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2718. Л. 142 об.

Но, пожалуй, высшей наградой деятельности Пономарева стало то, что приказом № 30 по Корпусу жандармов от 10 апреля 1851 г. за отличие по службе он был произведен в чин генерал-майора, оставаясь при своей должности [Россия. Отдельный корпус жандармов, 1851]. Необходимо отметить, что по штатному расписанию звание на занимаемой им должности должно было быть не выше полковника. Таким образом, по званию он сравнялся с непосредственным своим начальником, стоявшим во главе VIII жандармского округа и кому адресовались все его донесения (в 1844–1853 гг. эту должность занимал К. И. Влахопулов, а в 1853–1860 гг. – Я. Д. Казимирский). В самом факте повышения Пономарева в звании в обход штатного расписания можно увидеть, как высоко ценило его и собственное начальство, и высшая исполнительная власть в регионе в лице генерал-губернатора Западной Сибири, без которого это повышение явно не обошлось. В звании генерал-майора Пономарев продолжил свою работу на все той же должности с присущей ему аккуратностью, внимательностью и исполнительностью.

В 50-е гг. XIX в. на частных золотых приисках уже не наблюдалось таких масштабных волнений со стороны рабочих, как 10–15 годами ранее, приведших собственно к организации правительственного надзора за частной золотопромышленностью со стороны жандармского ведомства. Деятельность жандармских чинов, осуществлявших этот надзор, обходилась недешево, в первую очередь для местной власти, так как ежегодно губернские казенные палаты обязаны были выдавать офицерам деньги для объезда золотых промыслов – по 1 000 руб. серебром (затем по 500 руб.) для жандармского штаб-офицера по Западной Сибири и по 1 000 руб. также серебром (затем по 2 000 руб.) по Восточной Сибири. К тому же как в правительственных кругах, так и среди местной власти находилось немало людей, которые не видели положительного эффекта от жандармского надзора за частной золотопромышленностью и выступали за его скорейшую отмену и переключение деятельности жандармов на другие сферы. Достаточное количество золотопромышленников разделяло это мнение по той причине, что именно они содержали жандармских штаб-офицеров, платя специальную подать с каждого добытого ими фунта золота. В итоге 23 апреля 1858 г. был принят закон, согласно которому должности жандармских штаб-офицеров на золотых приисках в Западной и Восточной Сибири упразднялись, а обязанности наблюдения за золотопромышленностью перекладывались на губернских штаб-офицеров: Томской, Енисейской и Иркутской губерний [ПСЗ-II, 1860. № 33049. С. 492].

Таким образом заканчивалась служба генерал-майора Д. Г. Пономарева по надзору за частной золотопромышленностью в Западной Сибири, а вместе с ней подошла к концу и его карьера во многом по причине ухудшения здоровья и того факта, что ему уже шел седьмой десяток лет. Поэтому нет ничего удивительного, что приказом № 41 по Корпусу жандармов от 1 мая 1859 г. Пономарев был уволен со службы с мундиром и с ежегодной пенсией полного жалованья в размере 860 руб. серебром [Россия. Отдельный корпус жандармов, 1859].

Подводя итоги, необходимо отметить, что проведенное нами исследование подтвердило тот факт, что жандармский надзор за частной золотопромышленностью в Сибири являлся достаточно хорошим источником информации для высшей исполнительной власти в регионе о тех процессах и событиях, которые происходили на частных золотых приисках. Более того, со стороны власти часто следовала реакция о необходимости исправления выявленных жандармами тех или иных случаев нарушений. Первые жандармские офицеры, осуществлявшие этот надзор, в том числе и Д. Г. Пономарев, достаточно ответственно относились к своим обязанностям, стараясь подробно вникать во все обстоятельства процесса золотодобычи. Сохранившаяся документация свидетельствует о достаточно высокой компетенции Пономарева в вопросах золотопромышленности. По реакции со стороны занимавших пост генерал-губер-

наторов Западной Сибири и непосредственного жандармского начальства на донесения Пономарева можно видеть, как высоко они ценили их. Тем самым деятельность Д. Г. Пономарева демонстрирует процесс взаимодействия жандармского ведомства и высшей исполнительной власти в регионе, старавшихся совместно осуществлять правительственный надзор за частной золотопромышленностью, приходившийся на годы активного выступления приисковых рабочих. Также необходимо отметить, что многие собранные Пономаревым сведения являются уникальным источником по истории сибирской золотопромышленности.

Список литературы / References

Абакумов О. Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866 гг. М.: Центрполиграф, 2017. 320 с.
Abakumov O. Yu. Tret'e otdelenie na strazhe nravstvennosti i blagochiniya. Zhandarmy v bor'be so vzyatkami i porokom. 1826–1866 gody [The Third Department on Guard of Morality and Deanery. Gendarmes in the Fight against Bribery and Vices. 1826–1866]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2017, 320 p. (in Russ.)

Бакшт Д. А. Практика назначения офицеров корпуса жандармов, уполномоченных по надзору за частной сибирской золотопромышленностью в первой половине XIX в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2017. № 50. С. 5–11.
Baksht D. A. Praktika naznacheniya ofitserov korpusa zhandarmov, upolnomochennykh po nadzoru za chastnoi sibirskoi zolotopromyshlennost'yu v pervoi polovine XIX v. [The Appointment of Gendarmerie Officers, Authorized in Supervision of the Private Siberian Gold Mining in the First Half of the 19th Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [*Tomsk State University Journal of History*], 2017, no. 50, p. 5–10. (in Russ.)

Бакшт Д. А., Румянцев П. П. «Жандармский надзор» за частной золотопромышленностью в Сибири (1870–1880-е гг.): его сущность, формы и проблемы реализации // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2016. № 6 (44). С. 5–10.
Baksht D. A., Rumyantsev P. P. «Zhandarmskii nadzor» za chastnoi zolotopromyshlennost'yu v Sibiri (1870–1880-e gg.): ego sushchnost', formy i problemy realizatsii [The Gendarme Supervision over Private Gold Mining in Siberia (1870s – 1880s): Its Essence, Forms and Problems of Realization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [*Tomsk State University Journal of History*], 2016, no. 6 (44), p. 5–10. (in Russ.)

Бибиков Г. Н., Бакшт Д. А. Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2016. № 3 (41). С. 16–24.
Bibikov G. N., Baksht D. A. Uchrezhdenie zhandarmskogo nadzora na zolotykh priiskakh Sibiri v 1841–1842 gg. [The Establishment of Gendarmerie Supervision on Private Gold Mines in Siberia in 1841–1842]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [*Tomsk State University Journal of History*], 2016, no. 3 (41), p. 16–24. (in Russ.)

Бикташева А. Н. Жандармы и модернизация местного управления в России (опыт и перспективы изучения) // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 132–143.
Biktasheva A. N. Zhandarmy i modernizatsiya mestnogo upravleniya v Rossii (opyt i perspektivy izucheniya) [Gendarmes and the Modernization of Local Government in Russia (Experience and Prospects of Studying)]. *Quaestio Rossica*, 2015, no. 2, p. 132–143. (in Russ.)

Зиновьев В. П. Жандармско-полицейская отчетность как источник по социальному облику рабочих Сибири в XIX веке // Документ в контексте истории: Материалы II Междунар. науч. конф. Омск, 2009. С. 28–33.
Zinoviev V. P. Zhandarmsko-politseiskaya otchetnost' kak istochnik po sotsial'nomu obliku rabochikh Sibiri v XIX veke [Gendarmes and Police Reports as a Source of Social Appearance of Siberian Workers in the 19th Century]. In: Dokument v kontekste istorii: Materialy II Mezhdunarodnoi naucnoi konferentsii [Historical Context Document: Proceedings of the 2nd International Scientific Conference]. Omsk, 2010, p. 28–33. (in Russ.)

Коновалов И. А. Сибирский жандармский округ: структура, полномочия и деятельность // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Право. 2014. № 14 (41). С. 25–34.

Konovalov I. A. Sibirskii zhandarmskii okrug: struktura, polnomochiya i deyatel'nost' [Siberian Gendarmerie District: Structure, Powers and Activities]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Pravo* [*Herald of Omsk University. «Law» Series*], 2014, no. 14 (41), p. 25–34. (in Russ.)

Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX вв. Омск: Изд-во ОмГУ, 2015. 580 с.

Remnev A. V. Sibir' v imperskoi geografii vlasti XIX – nachala XX vekov [Siberia within the Imperial Geography of Power of the 19th – early 20th Centuries]. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, 580 p. (in Russ.)

Романов В. В. Функционирование местных подразделений политической полиции в условиях проведения ярмарок в 1825–1860 гг. // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 1. С. 103–111.

Romanov V. V. Funktsionirovanie mestnykh podrazdelenii politicheskoi politsii v usloviyakh provedeniya yarmarok v 1825–1860 gg. [The Functioning of Local Political Police Departments during Fairs in 1825–1860]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [*Legal Policy and Legal Life*], 2010, no. 1, p. 103–111. (in Russ.)

Семевский В. И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1898. Т. 1. 577 с.

Semevsky V. I. Rabochie na sibirskikh zolotykh promyslakh [Workers in Siberian Gold Mines]. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1898, vol. 1, 577 p. (in Russ.)

Список источников / Sources

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1860. Т. 33. Отд. 1-е. 1858. 804 с.

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The 2nd Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1860, vol. 33, pt. 1, 1382 p. (in Russ.)

Россия. Отдельный корпус жандармов. Приказы по корпусу жандармов. 1851 г. СПб., 1851. 319 с.; 1859 г. СПб., 1859. 318 с.

Rossiya. Otdel'nyi korpus zhandarmov. Prikazy po korpusu zhandarmov. 1851 g. [*Russia. Special Corps of Gendarmes. Orders of the Corps of Gendarmes. 1851*]. St. Petersburg, 1851, 319 p.; *1859 g.* [*1859*]. St. Petersburg, 1859, 318 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
28.08.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Румянцев Петр Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета (пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия, petroom@mail.ru)

Petr P. Rumyantsev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Historical Faculty, Tomsk State University (36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation, petroom@mail.ru)

УДК 94 (47).081
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-66-77

Проект социально-политической модернизации России С. И. Барановского

О. О. Завьялова

Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация

Проанализированы социально-политические идеи русского ученого и талантливого изобретателя середины – второй половины XIX в. С. И. Барановского, изложенные им в записке на имя императора Александра II под названием «Задушевные думы». Эта записка, составленная в 1857 г. и сохранившаяся в секретном архиве Третьего отделения, ранее не была введена в научный оборот. Делается вывод о том, что во взглядах Барановского нашли отражения многие базисные теоретические принципы классического либерализма, такие как теория естественного права, вытекающее из нее признание основных индивидуальных прав и свобод, а также принцип разделения властей, верховенство права. Результаты исследования позволяют говорить о том, что «Задушевные думы» Барановского представляют собой умеренно либеральный проект социально-политических преобразований в Российской империи, продолжавший традицию проектирования концепции политической модернизации российского самодержавия.

Ключевые слова

Российская империя, Александр II, С. И. Барановский, крепостное право, реформы, конституционализм, модернизация

Благодарности

Статья написана в рамках исследования «Модернизация России: исследовательский опыт и образовательные практики» при финансовой поддержке гранта Южного федерального университета (ЮФУ) (проект № ВнГр-07/2017-16)

Для цитирования

Завьялова О. О. Проект социально-политической модернизации России С. И. Барановского // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 1: История. С. 66–77. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-66-77

S. I. Baranovsky's Project of Social-Political Modernization of Russia

O. O. Zavyalova

Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

In the second half of the 1850s in the conditions of general liberalization of the political regime and socio-political upsurge in the Russian public environment, the concept of liberal transformations of the country was formed, which the

© О. О. Завьялова, 2019

representatives of Russian society conveyed to the ruling elite. The main provisions of this concept were the abolition of serfdom, the demand for broad publicity and freedom of public opinion, as well as the recognition of basic civil rights and freedoms. These provisions are reflected in the works of outstanding Russian thinkers of this period, which has been studied in detail in domestic historiography. However the socio-political ideas of Russian scientist S. I. Baranovsky during the mid-19th century has not yet been introduced into scientific circulation and has not been the subject of a dedicated study. The purpose of the article is to analyze Baranovsky's main ideas outlined in his 1857 note addressed to Emperor Alexander II, in the context of the development of Russian social thought in the mid-19th century and changes in the relationship between power and society in the country. Bara-novsky's note "Zadushevnye dumy" is a moderately liberal project of socio-political transformation in the Russian empire, which in many respects continued the tradition of designing the concept of political modernization of Russian autocracy. Many basic theoretical principles of classical liberalism reflected in the views of the scientist, such as the theory of natural laws, basic individual rights and freedoms stemming from it, the rule of law, the principle of separation of powers. Baranovsky's approach to socio-political reform was characterized by a critical attitude toward borrowing the Western European experience of state administration, which was reflected in the attempts of adapting his proposals to the Russian social and political conditions of the mid-19th century.

Keywords

Russian Empire, Alexander II, S. I. Baranovsky, serfdom, reforms, constitutionalism, modernization

Acknowledgements

This article was written within the framework of the "Modernization of Russia: research experience and educational practices" study, with the financial support of a grant from the Southern Federal University (SFU) (project № ВнГр-07/2017-16)

For citation

Zavyalova O. O. S. I. Baranovsky's Project of Social-Political Modernization of Russia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 1: History, p. 66–77. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-66-77

В сегодняшней России не прекращаются модернизационные процессы, успешное проведение которых для любой страны является залогом сохранения ее статуса в современном высококонкурентном мире. Набирает темпы глобальная модернизация, во многом определяющая вектор развития каждого государства, подталкивающая его к масштабным изменениям во всех сферах государственной и общественной жизни в соответствии с требованиями современности. Выстраивание политики модернизации в России невозможно без учета исторического опыта создания и осуществления модернизационных проектов в разные периоды ее истории. Россия пережила несколько модернизационных «витков». Самым масштабными из них, изменившим всю общественную систему страны, стал период подготовки и осуществления Великих реформ 1860–1870 гг. Его уникальность заключалась в том, что впервые в реформаторский процесс, инициированный «сверху» с приходом к власти Александра II, включилась передовая часть русского образованного общества, представители которой предлагали свои проекты реформирования страны. В период подготовки крестьянской реформы российская интеллектуальная элита, генерировавшая комплекс актуальных идей, выступила одним из ресурсов модернизации [Медушевский, 2014. С. 126, 127]. В этом контексте представляется значимым обращение к предложениям и проектам социально-политических преобразований, формирование которых происходило в общественной среде и шло «снизу» – от общества к власти.

В условиях общей либерализации политического режима и нараставшего общественно-политического подъема во второй половине 1850-х гг. определяющим вектором общественной деятельности и творческих поисков русской общественности стало стремление ее представителей предложить власти «концепцию либеральных преобразований, адаптированную к условиям России» [Нарежный, 2008. С. 205]. Многочисленная группа современных отечественных

исследователей именно с серединой – второй половиной XIX в. связывает генезис либерального направления русской общественной мысли, когда, по их мнению, шел процесс оформления его теоретических основ. В этот период внимание русского передового общества было приковано к подготовке реформ и в дискуссиях различных общественных групп происходило концептуальное переосмысление и освоение классических либеральных ценностей в условиях российской самодержавной политической системы [Секиринский, Филиппова, 1993; Приленский, 1995; Шелохаев, 1998; Арсланов, 2000; Репинецкий, 2010; Шнейдер, 2011]. Среди базовых теоретических принципов классического либерализма, имевших западноевропейское происхождение, в российском либеральном дискурсе середины XIX в. нашли отражение идеи свободы и прогресса, индивидуализма и ценности человеческой личности, естественных, равных и неотчуждаемых прав человека, которые должны охраняться государственной властью и соблюдаться обществом, что вело к требованию определенных политических гарантий [Offord, 1999. P. 47–48; Репинецкий, 2010. С. 13; Шнейдер, 2017. С. 68].

Вместе с тем отечественная либеральная концепция реформирования страны, формировавшаяся во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг., имела свои специфические черты, обусловленные рядом особенностей общественно-политического развития Российской империи. Ее основные положения, сводившиеся к требованию «свободы умственной и гражданской», к формуле «действие – право государево, мнение – право страны», к неприятию крепостничества, к поддержке сильной самодержавной власти и постоянной апелляции к ней, нашли отражение в творчестве выдающихся русских мыслителей середины XIX в., которое достаточно подробно изучено в исторических исследованиях. Но в этот период «всеобщего пробуждения» свой взгляд на решение основных внутриполитических проблем империи сформировался и у общественных деятелей «второго эшелона», сочинения которых до сих пор не были введены в научный оборот. Одним из них является талантливый русский изобретатель и писатель Степан Иванович Барановский, чьи идеи позволят дополнить знания о специфике «модели» социально-политической модернизации страны, формирующейся среди представителей русской общественности во второй половине XIX в.

Личность и творчество С. И. Барановского в настоящее время оказались практически позабытыми. Кроме кратких биографических статей в энциклопедических словарях и упоминаний в книге финского историка Тимо Вихавайнена о нем практически ничего не известно [Вихавайнен, 2012. С. 63, 64]. Являясь человеком «редкого разнообразия способностей», одаренным во многих областях научного знания, будь то языковедение или механика, Барановский известен своими работами по лингвистике, картографии, педагогике, проектами строительства железной дороги в Среднюю Азию. Ему принадлежат многие изобретения в области техники и кораблестроения, среди которых наиболее известными являются удачный макет самолета, прототип подводной лодки и знаменитый «Духоход Барановского» – локомотив, работавший на сжатом воздухе и недолгое время в 1862 г. возивший поезда по Николаевской железной дороге. Барановский занимался и публицистической деятельностью, оставив несколько очерков об истории, экономике и природе Финляндии, с которой был тесно связан по долгу службы, занимая с 1842 по 1863 г. должность профессора русского языка в Гельсингфорском университете, а с 1855 г. исполняя обязанности цензора [Барановский..., 1891. С. 33]. Находясь в Финляндии, ученый не мог не откликнуться на бурные общественно-политические процессы, протекавшие в России после вступления на престол Александра II в 1855 г. В январе 1857 г. Барановский составил записку на имя императора под названием «Задушевные думы», в которой изложил собственный проект социально-политического реформирования страны.

Следует отметить, что в первые годы царствования Александра II, ставшие также началом нового «витка» модернизационных преобразований в России [Опыт российских модер-

низаций..., 2000. С. 54], широкое распространение получили оптимистичные общественные настроения и надежды на обновление и искоренение основных «язв» общественно-политической жизни. Несмотря на то, что модернизация в России всегда инициировалась по воле верхов, осознавших необходимость преодоления отставания страны прежде всего в военно-технической сфере [Пляйс, 2009. С. 6, 7], в этот период общественность активно включилась в процесс подготовки широкого обновления всех сфер государственной и общественной жизни, а ее представители стремились донести до властных кругов свое видение перспектив развития страны на новом этапе ее истории и тем самым попытаться повлиять на формирующийся внутриполитический курс нового правительства.

Профессор С. И. Барановский, разносторонняя одаренность которого была сродни гениальности, живо интересовавшийся многими сферами, в силу своей активной жизненной позиции не остался в стороне от общественного оживления этого периода. Его «Задушевные думы» являются ярким примером роста инициативности в образованном обществе и распространенности в нем стремления выйти на связь с высшей российской властью. Записка ученого, сохранившаяся в секретном архиве Третьего отделения, ранее не была введена в научный оборот и оказалась вне изучения истории развития русской общественной мысли в середине XIX в. Она является характерным явлением уникальной общественно-политической ситуации 1850-х гг. и как многие современные ей сочинения подобного рода отражает определенный этап развития взаимоотношений власти и общественности в России.

В записке профессор систематизировал свои социально-экономические и политические взгляды, а представить их лично императору решился, «считая осуществление этих дум непременным условием для прочного благосостояния России» [1]. Как и многие прогрессивно мыслящие представители русского образованного общества, ученый был уверен в том, что его предложения позволят самодержавной власти увидеть объективное положение дел в стране и скорее выработать курс необходимых преобразований. И если русские либералы в этот период единственный способ «откровенного выражения русской мысли» видели в заграничной публикации своих злободневных статей, то Барановский решил использовать другой, не оппозиционный канал коммуникации с властью, напрямую обратившись к императору.

Записка состоит из небольших «легких» очерков, каждый из которых затрагивает отдельную проблему внутриполитического развития страны и содержит конкретные предложения автора, направленные на социально-политическое реформирование. В предисловии к «Думам» Барановский просит императора прочесть его рукопись самому, без предварительного разбора ее «официальными специалистами». В своем откровенном высказывании Барановский, как и другие авторы подобных обращений к императору [2], видел для себя «единственную возможность служить всеми силами души» императору и России [3]. В этой убежденности ученого отразилось характерное для данного периода представление, распространенное среди общественных деятелей, о появившейся возможности повлиять на власть через доступные каналы коммуникации и, оказав нравственное давление на ее представителей, сделать преобразовательный процесс необратимым.

Свой план реформирования государственного аппарата империи Барановский изложил в первом очерке под название «О властях». Он начинает его с рассмотрения основных «бедствий» в государственном управлении России, особо подчеркивая при этом, что в настоящих условиях для блага страны необходимо только самодержавное управление [4]. Тем самым Бара-

[1] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3 а. Д. 78. Л. 1 об.

[2] Такие как К. С. Аксаков, М. П. Погодин, А. И. Герцен.

[3] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3 а. Д. 78. Л. 1 об.

[4] Там же. Л. 2.

новский не только подтверждает свою полную лояльность существующему политическому режиму, но и солидаризируется с теми представителями русской общественной мысли, которые саму возможность воплощения в жизнь реформаторских проектов признавали за верховной властью. Особенно это было характерно для русских либералов середины XIX в., политическую программу которых отличал этатизм, выражавшийся прежде всего в поддержке сильной монархической власти [Шнейдер, 2011. С. 92]. Именно самодержавная власть, по мнению либеральных мыслителей, могла в условиях политического оживления середины XIX в. и сопутствующего ему формирования различных группировок, отстаивающих противоположные взгляды на характер и глубину преобразований, подняться над узкими сословными интересами и, учитывая общегосударственный интерес, провести необходимые реформы.

Однако, в то же время, «самодержавие невозможно без благоустроенного порядка», который, по мнению Барановского, в стране отсутствует. Власть самодержавного монарха в России, формально неограниченная, фактически была весьма ограниченной «самоволием и корыстной хитростью особ, которые злоупотребляют доверием к ним государя» [5]. Как и большинство общественных деятелей этого периода, ученый считал, что император в силу своей большой занятости «поставлен в необходимость смотреть на государство глазами приближенных», среди которых так много недобросовестных и злоупотребляющих властью, и совершенно не имеет времени, которое бы мог употребить на сближение со своим народом [6]. Вероятнее всего, что Барановский был хорошо знаком с распространившейся в этот период рукописной литературой и публикациями некоторых из ее статей в сборниках «Голоса из России», издаваемых А. И. Герценом. Некоторые идеи ученого совпадают с планом либеральных преобразований, изложенным Б. Н. Чичериным и К. Д. Кавелиным в «Письме к издателю», которое было адресовано А. И. Герцену и опубликовано в 1856 г. в первом сборнике «Голосов из России». Так, например, С. И. Барановский вслед за Б. Н. Чичериным и другими либеральными мыслителями в произволе чиновников усматривал главную причину всех государственных неустройств в России [Чичерин, 1975. С. 81, 82]. Более того, некоторые положения этого «программного документа» русских либералов, среди которых необходимость восстановления прямой связи между властью и обществом, а также способствующие этому отмена или как компромиссный вариант – ослабление цензуры [Русский либерал, 1975. С. 21], были последовательно развиты в «Задушевных думах» Барановского.

Барановский довольно подробно и объективно охарактеризовал основные недостатки российского аппарата управления империей. Ранее в годы Крымской войны схожие критические замечания были выражены в широко известных русской читающей публике и распространенных в списках публицистических статьях известного историка М. П. Погодина и в «Думе русского (во второй половине 1855 года)» видного государственного деятеля П. А. Валуева, в которых одинаково указывалось на бессилие существующей чрезмерно централизованной административной системы перед решением насущных задач государственной жизни [Погодин, 1874. С. 260; Валуев, 1893. С. 510]. Барановский конкретизировал свою критику, направив ее против укоренившегося в российской политической системе от самых низших до самых высших ее звеньев представления о том, что государь может и должен лично следить за всеми распоряжениями. В итоге подобная сверхцентрализация привела к «гибельным последствиям», а именно к «страшной медленности делопроизводства» и «чудовищному накоплению дел по всем ведомствам» [7].

[5] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3 а. Д. 78. Л. 2.

[6] Там же. Л. 3.

[7] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3 а. Д. 78. Л. 2 об.

Барановский, характеризуя сложившееся состояние политической системы, явно указывал самодержцу на необходимость укрепления пошатнувшейся законности и авторитета права. При этом антибюрократизм ученого, как и у многих представителей либеральной мысли в России середины XIX в., постепенно переходит в конституционализм [Реформа сверху..., 1858. С. 2; Долгоруков, 1861. С. 96, 97; Серно-Соловьевич, 1963. С. 52]. Барановский не писал прямо о необходимости утверждения в России конституционного строя, что можно объяснить той осторожностью и деликатностью, с которой он подошел к изложению своих социально-политических идей перед самодержцем, а также осознанием несвоевременности конституционных проектов, необходимости постепенного и последовательного перехода к ним. Но при этом можно утверждать, что в политической сфере его план преобразований основывался на идеологии конституционализма, базирующейся на особых принципах, среди которых выделяются несколько общепризнанных: господство права, выборное представительство и разделение властей [Кравченко, 2006. С. 3]. Так, по мнению ученого, для того, чтобы ввести в стране «надлежащий порядок управления», необходимо «строгое разграничение трех родов власти – законодательной, исполнительной и судебной и надлежащее взаимное отношение их между собою, а также к Государю и народу» [8]. Это положение не только роднит идеи автора с представлением о «правильной монархии» М. М. Сперанского, но и подтверждает его приверженность идеалу конституционной монархии, воплощение которого вело к ограничению могущества государственной власти путем создания системы сдержек и противовесов.

Разделение властей, по мнению Барановского, должно произойти между соответственно тремя учреждениями, непосредственно зависимыми от императора. Ими должны стать Законодательный Совет, Государственная Управа и Верховный Суд, каждому из которых подчинялись бы остальные правительственные учреждения. При этом автор особо отметил, что осуществление реорганизации государственного аппарата возможно только путем его значительного упрощения и сокращения численности чиновников. По мнению Барановского, упрощение должно пойти по пути слияния существующих ведомств в рамках трех ветвей власти и строгого разграничения полномочий каждой из них [9]. Следует отметить, что схожие административные преобразования в форме учреждения при государе трех совещательных и независимых друг от друга сенатов – законодательного, административного и судебного, которые не нарушали бы принципа самодержавной власти, К. Д. Кавелин будет предлагать только в 1875 г. [1898. Стб. 902].

В «Задушевных думах» Барановского нашло отражение характерное для периода подготовки крестьянской реформы расширение публичной сферы в России как пространства обсуждения наиболее значимых проблем экономического и социально-политического развития и изменение в связи с этим роли общественного мнения в общественно-политической жизни страны. Барановский, как и авторы рукописных статей этого периода, в расширении гласности и усилении влияния общественного мнения на политический процесс видел верный способ содействия самодержавной власти в деле реформирования страны. Еще в 1855 г. сразу после восшествия на престол Александра II М. П. Погодин отправил новому императору свой очерк «Царское время», в котором одним из первых предлагал самодержцу позволить «бдительному общему мнению», «без которого само Правительство остается часть во тьме», следить за добросовестным исполнением правительственных решений [1874. С. 313].

В отличие от Погодина, не предлагавшего конкретных институциализированных форм для выражения «общего мнения», Барановскому представлялось возможным превратить общественное мнение в действенный инструмент законотворческого процесса через процеду-

[8] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3 а. Д. 78. Л. 3.

[9] Там же. Л. 3–6.

ру публичного обсуждения каждого законодательного проекта, который, будучи одобрен Законодательным Советом, «должен, за шесть месяцев до учреждения его Государем, быть обнародован и может, как всякое литературное произведение быть предметом суждений публики и рецензий журналов». Данная мера не становилась обязательной и зависела только от воли императора, который мог «прямо повелением Законодательному Совету прочно установить закон; или указом Совету подвергнуть его обсуждению для утверждения обыкновенным порядком после шестимесячного срока». После того как закон будет утвержден императором, он «перестает быть предметом для суждения об нем частных лиц и должен быть исполняем строго и беспрекословно» [10]. «Суд общественного мнения», которому должен был подвергнуться каждый принимаемый в стране закон, выполнял вспомогательную для самодержавной власти функцию в законотворческом процессе, благодаря которой представители власти могли не только подробно ознакомиться с общественным мнением по конкретному вопросу, но и скорректировать в соответствии с общественными ожиданиями ту или иную законодательную меру, повысив тем самым уже на стадии ее обсуждения эффективность будущего закона. Вслед за другими передовыми людьми эпохи отмены крепостного права ученый в публичном обсуждении не только отдельных вопросов, но и новых законов видел способ установления действенной формы взаимодействия между властью и народом, под которым в данном контексте понималась, прежде всего, образованная часть русского общества, а именно пишущая и читающая публика.

Проект Барановского также содержал в себе идею создания элементов выборного начала, которые могли бы стать основой для учреждения в России народного представительства. При сохранении доминирующей роли монарха в осуществлении права законодательной инициативы, понимаемой здесь в широком смысле как внесение предложений о новых законах или об изменении действующих, этим правом наделялись все народные сословия «от имени сословия целой губернии». Далее он пояснял, что дворянство, собираясь каждые три года на очередных губернских дворянских выборах, «в случае нужды может подавать прошение в Законодательный Совет». Подобно дворянской организационной структуре, Барановский предлагает установить с очередностью в такой же трехлетний срок собрания и для других выборных людей, а именно от горожан и отдельное от поселян. Он поясняет, что понимает под этими категориями «людей разных званий, кроме дворянства и духовенства, живущих по городам и деревням». Благодаря указанной мере самые широкие слои населения различной сословной принадлежности и социального статуса: «и чиновники недворяне, и заводчики, и купцы, и мещане, и крестьяне будут иметь возможность доносить правительству о своих потребностях» [11]. Схожую идею институционализации общественного мнения путем создания отдельных непериодических сословных собраний, призванных решать конкретные узкосословные или хозяйственные вопросы, еще в 1855 г. стремился донести до императора один из видных теоретиков славянофильства К. С. Аксаков в своей записке «О внутреннем состоянии России» [1910. С. 94]. Появление подобного рода идей было вызвано стремлением, распространенным в прогрессивных общественных кругах, побудить нового императора к предоставлению большего простора различным группам населения для выражения своих мнений о необходимых улучшениях на местах.

Следует отметить, что преобразования, предлагаемые Барановским по судебной части, были направлены на искоренение основных недостатков существующей в России судебной системы, которые ко второй половине 1850-х гг. были осознаны большинством как в общественной, так и в правительственной среде. Ученый предлагал введение в судопроизводство прин-

[10] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3 а. Д. 78. Л. 3 об.
[11] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3 а. Д. 78. Л. 4.

ципов гласности, устности, равенства, испытанных практикой в западноевропейских странах. Предполагалось реформирование судоустройства по пути уменьшения количества судебных инстанций и строгого разделения власти исполнительной и судебной. Верховный Суд должен был составить высшую судебную инстанцию, с подчиненными ему средней и низшей. Также проект Барановского содержит предложение о введении суда присяжных заседателей в низшей судебной инстанции, в которой «только судья и стряпчий назначаются от Правительства из людей, знающих законы, прочие члены-советники или заседатели, числом двенадцать, состоят из выборных людей, выбираемых на трехлетие по два от каждого из сословий – дворян, горожан, поселян». Только троих из заседателей предоставляется право избирать подсудимым или тяжущимся [12]. В низшей судебной инстанции судопроизводство должно вестись публично и с преобладанием словесного делопроизводства, в средней же и в Верховном Суде при закрытых дверях и письменно. Но при этом обе судебные инстанции должны каждое свое решение публиковать в Ведомостях Верховного Суда и каждый месяц «издавать в печати и представлять из средних инстанций в Верховный Суд, а от Верховного Суда Государю – отчет», в котором ведется подробная статистика рассматриваемых и решенных дел [13]. В целом преобразовательные предложения Барановского по судебной части были направлены на искоренение медлительности и некомпетентности в российском судопроизводстве, а также на борьбу с безответственностью и беззаконием, пронизывающим судебную администрацию, посредством ежемесячных отчетов. Предлагаемые меры, направленные на коренное изменение российской судебной системы, в общественно-политических условиях второй половины 1850-х гг. во многом являлись преждевременными, кардинально порывающими с существовавшей абсолютистской системой правосудия, для реорганизации которой требовался ряд переходных этапов и форм.

Подобно всем русским либеральным мыслителям середины XIX в., Барановский развивает мысль о благоустроенном и правомерном государстве, в котором «должны быть с точностью определены и строго соблюдаемы права всех и каждого» [14]. В соответствии с этим представлением автором записки предусматривалась полная гуманизация материального права, выражением которой являлось «право изъятия от телесного наказания» для всех сословий. Также предполагались равенство всех перед судом и равные возможности в «просвещении своего ума» [15]. Возможность предоставления населению империи основных гражданских прав и свобод ученый связывал, прежде всего, с проведением политических преобразований.

Таким образом, «Задушевные думы» Барановского представляют собой умеренно либеральный проект социально-политических преобразований в Российской империи, во многом продолжавший сложившуюся еще в первой четверти XIX в. традицию проектирования концепции политической модернизации российского самодержавия. Данный проект, созданный в период общественно-политического подъема второй половины 1850-х гг., стал отражением переходного этапа в развитии русской общественной мысли, когда отечественный либерализм отличался наибольшей неоднородностью и вариативностью подходов к социально-политическому реформированию страны. В этот период в либеральной общественной среде было широко распространено наивно-утопическое представление о действительно существующей возможности без ограничения самодержавия добиться основных гражданских прав и свобод и заложить основы для будущей всесословной представительной системы в России. Политические преобразования, предложенные Барановским, представляли собой рационально-утопическую методику воплощения этих представлений.

[12] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3 а. Д. 78. Л. 7.
[13] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3 а. Д. 78. Л. 7 – 7 об.
[14] Там же. Л. 8 об.
[15] Там же. Л. 9.

По мнению ученого, представленная им система административного управления, благодаря строгому разделению и рациональному распределению полномочий между законодательными, исполнительными и судебными учреждениями, обеспечит гибкость и устойчивость государственной власти, концентрация наиболее важных функций которой будет сохраняться в руках монарха. Это позволит освободить самодержца от рутины мелких дел, и он сможет уделять больше внимания действительно важным государственным вопросам. Подход Барановского к реформированию в социально-политической сфере отличался критическим отношением к заимствованию западноевропейского опыта государственного управления, что выразилось в большом внимании ученого к приспособлению своих предложений к российским общественно-политическим условиям середины XIX в. Главным из них являлся монархизм российской политической системы, который выступал связующим принципом как в проекте Барановского, так и в преобразовательных идеях других либеральных мыслителей этого периода. Монархическая форма правления признавалась наиболее приемлемой для России, не исчерпавшей своего реформаторского потенциала. На нового императора Барановский, как и другие либеральные общественные деятели, возлагал большие надежды, связанные с обновлением внутриполитического курса и рационализацией государственного аппарата управления империй. Налаживание рационального функционирования политического механизма в России, при котором, прежде всего, понималось постепенное самоограничение российским самодержавием своих властных полномочий, по замыслу общественных реформаторов, должно было происходить при создании условий для общественной поддержке правительственного курса Александра II.

В соответствии с этим важное место в проекте Барановского занимают меры, направленные на налаживание различных форм диалога между властью и образованным обществом посредством расширения функций печатных органов и создания условий для «общественной экспертизы» правительственных действий и распоряжений. Вслед за крупными общественными деятелями эпохи отмены крепостного права он стремился к тому, чтобы самодержец, по выражению Б. Н. Чичерина, знал, что «думает и делает Россия», и мог править «с ясным сознанием дела и разумной любовью к своему народу» [1975. С. 110–111].

Проект преобразований в политической сфере, изложенный в «Задушевных думах» Барановского, занимал промежуточное положение между политической программой русских либералов и требованиями радикальной части русского общества конца 1850-х – начала 1860-х гг. С одной стороны, Барановский, указав на необходимость разделения властей и строгого распределения полномочий между ними, предвосхитил преобразовательные предложения русских либеральных мыслителей, которые заявят об этой мере только после отмены крепостного права. Но при этом в проектировании политической системы России ученый придерживался умеренной позиции, близкой к либерально-консервативной программе Б. Н. Чичерина, и не был настолько радикален, чтобы полностью отказаться от самодержавной формы правления, к чему в конце 1850-х – начале 1860-х гг. будут призывать авторы конституционных проектов.

Некоторые идеи Барановского, такие как введение элементов народного представительства в России или коренное преобразование судебной системы, опережали свое время и не могли быть реализованы в общественно-политических условиях второй половины 1850-х гг. Предлагая системные социально-политические преобразования, Барановский не учитывал современный ему уровень политико-правового развития русского общества, отличавшегося неоднородностью и разобщенностью, ставших следствием глубокого социокультурного раскола, на которые указывали такие крупные общественные деятели, как К. С. Аксаков, Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин. К тому же ученый не смог критически оценить готовность самодержавной вла-

сти в условиях подготовки крестьянской реформы учитывать идеально-типические конструкции из либеральной модели социально-политического устройства, предложенной им.

В целом основные идеи Барановского находились в системе ценностных координат русских либеральных мыслителей, последовательно изложенных в их программных документах второй половины 1850-х гг. Как и другие представители либеральной общественности, Барановский стремился к достижению определенного консенсуса с верховной властью, которая, возглавляя модернизационный процесс и имея все необходимые административные рычаги для его осуществления, в этот переходный период не могла не прислушиваться к предложениям, идущим «снизу» – от образованного общества. В свою очередь появление «Задушевных дум» Барановского стало одним из многочисленных следствий осознания представителями русской общественности своей возможности повлиять на формирующийся внутриполитический курс и удержать его в русле модернизации общественной системы страны.

Список литературы / References

Арсланов Р. А. К. Д. Кавелин: человек и мыслитель. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2000. 376 с.

Arslanov R. A. K. D. Kavelin: chelovek i myslitel' [K. D. Kavelin: Man and Thinker]. Moscow, Rossiiskii universitet druzhby narodov, 2000, 376 p. (in Russ.)

Барановский, Степан Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1891. Т. 3. С. 33–34.

Baranovskii, Stepan Ivanovich [Baranovsky, Stepan Ivanovich]. In: Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. St. Petersburg, 1891, vol. 3, p. 33–34. (in Russ.)

Вихавайнен Т. Столетия соседства: Размышления о финско-русской границе. СПб.: Нестор-История, 2012. 248 с.

Vihavainen T. Stoletiya sosedstva: Razmyshleniya o finsko-russkoi granitse [Centuries of Neighborhood: Reflections about the Finnish-Russian Border]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012, 248 p. (in Russ.)

Кравченко И. И. Либерализм: политика и идеология // Вопр. философии. 2006. № 1. С. 3–14.

Kravchenko I. I. Liberalizm: politika i ideologiya [Liberalism: Politics and Ideology]. *Voprosy filosofii* [*Questions of Philosophy*], 2006, no. 1, p. 3–14. (in Russ.)

Медушевский А. Н. Ключевые проблемы российской модернизации: Курс лекций. М.: Директ-Медиа, 2014. 680 с.

Medushevsky A. N. Klyuchevye problemy rossiiskoi modernizatsii. Kurs lektsii [Key Issues of Russian Modernization. Lecture Course]. Moscow, Direkt-Media, 2014, 680 p. (in Russ.)

Нарежный А. И. Истоки российского либерализма // Проблемы модернизации России: Вестник РМИОН. Ростов н/Д, 2008. Вып. 2. С. 201–217.

Narezhny A. I. Istoki rossiiskogo liberalizma [The Origins of Russian Liberalism]. *Problemy modernizatsii Rossii: Vestnik RMION* [*Problems of Russia's Modernization: Bulletin of RIISS*]. Rostov-on-Don, 2008, iss. 2, p. 201–217. (in Russ.)

Опыт российских модернизаций XVIII–XX веков. М.: Наука, 2000. 246 с.

Opyt rossiiskikh modernizatsii XVIII–XX vekov [Experience of Russian Modernization of the 18th – 20th Centuries]. Moscow, Nauka, 2000, 246 p. (in Russ.)

Пляйс Я. А. Тотальная системная модернизация – абсолютный императив для России // Власть. 2009. № 9. С. 3–10.

Plyais Ya. A. Total'naya sistemnaya modernizatsiya – absolyutnyi imperativ dlya Rossii [Total System Modernization – Absolutely Imperative for Russia]. *Vlast'* [*Power*], 2009, no. 9, p. 3–10. (in Russ.)

Приленский В. И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М.: ИФ РАН, 1995. 312 с.

Prilensky V. I. Opyt issledovaniya mirovozzreniya rannikh russkikh liberalov [Experience of the Study of Early Russian Liberals' Worldview]. Moscow, Institut filosofii RAN, 1995, 312 p. (in Russ.)

Репинецкий С. А. Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856–1860 годов. М.; Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2010. 351 с.
Repinetsky S. A. Formirovanie ideologii rossiiskogo liberalizma v khode obsuzhdeniya krest'yanskogo voprosa publitsistikoi 1856–1860 godov [Formation of Russian Liberalism Ideology during the Discussion of the Peasant Problem through Journalism of 1856–1860]. Moscow, Samara, Izdatel'stvo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, 2010, 351 p. (in Russ.)

Секиринский С. С., Филиппова Т. А. Родословная российской свободы. М.: Высш. шк., 1993. 256 с.
Sekirinsky S. S., Filippova T. A. Rodoslovnaya rossiiskoi svobody [Genealogy of Russian Freedom]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1993, 256 p. (in Russ.)

Шелохаев В. В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопр. истории. 1998. № 4. С. 26–41.
Shelokhaev V. V. Russkii liberalizm kak istoriograficheskaya i istoriosofskaya problema [Russian Liberalism as a Historiographical and Historiosophical Problem]. *Voprosy istorii* [*Questions of History*], 1998, no. 4, p. 26–41. (in Russ.)

Шнейдер К. И. Либерализм в России: история возникновения отечественной либеральной традиции // Вестн. Пермск. ун-та. Серия: История. 2017. № 3 (38). С. 64–71.
Shneider K. I. Liberalizm v Rossii: istoriya vozniknoveniya otechestvennoi liberal`noi traditsii [Liberalism in Russia: the History of Emergence of the National Liberal Tradition]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya* [*Bulletin of Perm University. Series: History*], 2017, no. 3 (38), p. 64–71. (in Russ.)

Шнейдер К. И. Ранний русский либерализм в политическом измерении // Власть. 2011. № 8. С. 91–94.
Shneider K. I. Rannii russkii liberalizm v politicheskom izmerenii [Early Russian Liberalism in a Political Dimension]. *Vlast'* [*Power*], 2011, no. 8, p. 91–94. (in Russ.)

Offord D. Nineteenth-Century Russia. Opposition to Autocracy. New York, Longman, 1999. 144 p.

Список источников / Sources

Аксаков К. С. Записка К. С. Аксакова о внутреннем состоянии России // Ранние славянофилы: А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы. М., 1910. С. 69–96.
Aksakov K. S. Zapiska K. S. Aksakova o vnutrennem sostoyanii Rossii [Note of K. S. Aksakov about the Internal Condition of Russia]. In: Rannie slavyanofily: A. S. Khomyakov, I. V. Kireevskii, K. S. i I. S. Aksakovy [Early Slavophiles: A. S. Khomyakov, I. V. Kireevsky, K. S., and I. S. Aksakov]. Moscow, 1910, p. 69–96. (in Russ.)

Валуев П. А. Дума русского (во второй половине 1855 года) // Русская старина. 1893. Т. 79, вып. 9. С. 503–514.
Valuev P. A. Duma russkogo (vo vtoroi polovine 1855 goda) [Russian Thought (in the Second Half of 1855)]. *Russkaya starina* [*Russian Antiquity*], 1893, vol. 79, iss. 9, p. 503–514. (in Russ.)

Долгоруков П. В. Правда о России, высказанная князем Петром Долгоруковым. Париж: A. Franck, 1861. Ч. 1. 234 с.
Dolgorukov P. V. Pravda o Rossii, vyskazannaya knyazem Petrom Dolgorukovym [The Truth about Russia, voiced by Prince Peter Dolgorukov]. Paris, A. Franck, 1861, iss.1, 234 p. (in Russ.)

Кавелин К. Д. Собр. соч. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1898. Т. 2: Публицистика. 1258 стб.
Kavelin K. D. Sobranie sochinenii [Collected Works]. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1898, vol. 2. Publitsistika [Journalism], 1258 col. (in Russ.)

Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны, 1853–1856. М.: Тип. В. М. Фриш, 1874. 388 с.
Pogodin M. P. Istoriko-politicheskie pis'ma i zapiski v prodolzhenie Krymskoi voiny, 1853–1856 [Historical and Political Letters and Notes during the Crimean War, 1853–1856]. Moscow, Tipografiya V. M. Frish, 1874, 388 p. (in Russ.)

Реформа сверху или реформа снизу // Колокол. 1858. № 28. 15 нояб. Вып. 1. С. 1–7.
Reforma sverkhu ili reforma snizu [Reform from Above or Reform from Below]. *Kolokol* [*Bell*], 1858, no. 28, Nov. 15, iss. 1, p. 1–7. (in Russ.)

Русский либерал [Кавелин К. Д., Чичерин Б. Н.]. Письмо к издателю // Голоса из России. Сборники А. И. Герцена и Н. П. Огарева. М., 1975. Кн. 1, вып. 1. С. 1–36.
Russkii liberal [Kavelin K. D., Chicherin B. N.]. Pis'mo k izdatelyu [Letter to the Publisher]. In: Golosa iz Rossii. Sborniki A. I. Gertsena i N. P. Ogareva [Voices from Russia. Collections of A. I. Herzen and N. P. Ogarev]. Moscow, 1975, book 1, vol. 1, p. 1–36. (in Russ.)

Серно-Соловьевич Н. А. Проект действительного освобождения крестьян // Серно-Соловьевич Н. А. Публицистика. Письма. М., 1963. С. 5–52.
Serno-Solovyevich N. A. Proekt deistvitel'nogo osvobozhdeniya krest'yan [Project of the Real Emancipation of Peasants]. In: Serno-Solovyevich N. A. Publitsistika. Pis'ma [Journalism. Letters]. Moscow, 1963, p. 5–52. (in Russ.)

Чичерин Б. Н. Современные задачи русской жизни // Голоса из России. Сборники А. И. Герцена и Н. П. Огарева. М., 1975. Кн. 4, вып. 2. С. 51–129.
Chicherin B. N. Sovremennye zadachi russkoi zhizni [Modern Problems of Russian Life]. In: Golosa iz Rossii. Sborniki A. I. Gertsena i N. P. Ogareva [Voices from Russia. Collections of A. I. Herzen and N. P. Ogarev]. Moscow, 1975, book 4, vol. 2, p. 51–129. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
21.09.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Завьялова Оксана Олеговна, младший научный сотрудник Института истории и международных отношений Южного федерального университета (ул. Б. Садовая, 105/42, Ростов-на-Дону, 344006, Россия, oxana-z10@rambler.ru)

Oksana O. Zavyalova, Junior Research Fellow, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation, oxana-z10@rambler.ru)

УДК 940.2
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-78-88

«Омские епархиальные ведомости» о христианизации казахского населения Степного края (конец XIX – начало XX века)

Е. Н. Егоренкова

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова
Усть-Каменогорск, Казахстан

Аннотация

Начиная с середины XIX в. церковная периодика в виде «Епархиальных ведомостей» занимает важное место в общественной жизни российских губерний, размещая на своих страницах не только документы и обращения церковных и официальных властей, проповеди и наставления, но и материал публицистического, краеведческого, историко-этнографического характера. С этой точки зрения «Омские епархиальные ведомости» могут рассматриваться как полноценный, оригинальный и разносторонний источник по истории христианизации киргизского (казахского) населения Степного края в конце XIX – начале XX в., отражавший на своих страницах как официальную позицию Русской православной церкви в отношении миссионерской деятельности, ее состояния, форм и методов, так и отдельные аспекты самого процесса христианизации киргизов (казахов), как то: социально-экономическая обусловленность принятия православия, процесс социализации, аккультурации и трансформации этнического и религиозного сознания и самих новокрещеных, и их недавних сородичей и новообретенных собратьев по религии.

Ключевые слова

Степной край, киргизы, Омская епархия, Омские епархиальные ведомости, православие, новокрещеные

Для цитирования

Егоренкова Е. Н. «Омские епархиальные ведомости» о христианизации казахского населения Степного края (конец XIX – начало XX века) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 1: История. С. 78–88. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-78-88

"Omsk Diocesan Records" and the Christianization of the Kazakh Population of the Steppe Territory (Late 19th – Early 20th Century)

E. N. Egorenkova

S. Amanzholov East Kazakhstan State University
Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan

Abstract

Since the middle of the 19th century, church periodicals in the form of Diocesan records occupied an important place in the social life of the Russian provinces, placing on their pages not only documents and addresses of church and official

© Е. Н. Егоренкова, 2019

authorities, sermons and instructions, but also material of, for example journalistic, local history, historical and ethnographic nature. In light of this, the study of the process of Christianization of the Kazakh population of the Steppe Territory in the late 19th – early 20th century is of particular interest. The study considers materials of the "Omsk Diocesan Records", the official periodical of the Omsk diocese, which until recently has been poorly studied in historiography. A comprehensive analysis of the source (the «Omsk Diocesan Records») showed that the Kazakh (Kyrgyz) population of the Steppe Territory and the Omsk diocese under the conditions of missionary activity of the Kyrgyz mission experienced a transformation not only in the ethno-religious, but also in the economic, social and cultural spheres. The "Omsk Diocesan Records" can be considered a full-fledged, original and versatile source about the history of the Christianization of the Kyrgyz (Kazakh) population of the Steppe Territory in the late 19th – early 20th century, reflecting the official position of the Russian Orthodox Church regarding missionary activity, its state, forms and methods, as well as certain aspects of the very process of Christianization of the Kirghiz (Kazakhs), such as: the socio-economic conditionality of the adoption of Orthodoxy, the process of socialization, acculturation and transformation of ethnic and religious consciousness of both the newly baptized and their recent relatives and newfound brothers in religion.

Keywords

Steppe area, Kyrgyz, Omsk diocese, Omsk Diocesan Records, orthodoxy, newly baptized

For citation

Egorenkova E. N. "Omsk Diocesan Records" and the Christianization of the Kazakh Population of the Steppe Territory (Late 19th – Early 20th Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 1: History, p. 78–88. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-78-88

Современная историческая наука постсоветского пространства в последнюю четверть века проявляет значительный интерес к историко-религиозной и историко-церковной проблематике. Мы все больше и чаще обращаемся к научному изучению церковно-религиозного исторического наследия и опыта, расширяя круг вопросов и источников, включая в него все новые группы.

Говоря об истории Русской православной церкви, необходимо отметить, что одним из ведущих направлений ее деятельности являлось миссионерство. Рубеж XIX–XX вв. в этом плане стал периодом его наивысшего развития – об этом мы можем судить по таким факторам, как увеличение численности православных антисектантских, антистарообрядческих, антиязыческих и антиисламских миссий на территории Сибири, Степного края, создание епархиальных комитетов Православного миссионерского общества, усиление внимания к системе церковно-приходского образования, религиозным агитационно-просветительским программам и программам аккультурации новокрещеных инородцев.

В этом свете особый интерес представляет изучение процесса христианизации казахского населения Степного края в конце XIX – начале XX в. по материалам «Омских епархиальных ведомостей», официального периодического издания Омской епархии, который до недавнего времени являлся слабоизученным в историографии.

История Русской православной церкви имеет давние традиции, и было бы долго перечислять авторов, изучавших ее отдельные аспекты. Мы остановимся на конкретном направлении ее деятельности – миссионерство в Степном крае среди местного казахского (или, как говорили в то время – киргизского) населения. Этот вопрос входит в предметную область исследований этноконфессиональной государственной политики, взаимодействия церкви, государства и конфессий. Начиная с 90-х гг. XX в. круг публикаций по данной проблематике расширяется, включая в себя и сборники документов, и научные исследования [Гарипов, 2003; Коваляшкина, 2005; Литвинов, 1998; Маняхина, 2003; Расова, 2002; Суворова, 2017; Устьянцева, 2003; Файзрахманов, 2005]. Анализ данных работ позволяет условно разделить их на две группы: первая делает упор на «местную» историю церкви, историю епархий, опираясь на краевед-

ческий материал, а вторая группа исследователей рассматривает проблему более масштабно, характеризуя государственную имперскую политику в отношении неправославных народов (инородцев), к которым принадлежали и казахи Степного края.

В то же время нельзя не остановиться отдельно на работах авторов, посвященных изучению церковной периодики. Так, вопросам истории религиозной периодической печати в России во второй половине XIX – начале XX в. посвящены труды К. Е. Нетужилова [2006; 2007; 2009; 2010], рассматривающего церковную прессу – и в том числе епархиальные ведомости – в контексте церковно-государственных и церковно-общественных отношений. Отдельные аспекты церковной журналистики затрагивают в своей научной деятельности А. Ю. Ледовских [2006; 2008; 2009], в центре внимания которой находится «инородческий вопрос» в журнальной прессе России во второй половине XIX – начале XX в., а также Н. А. Лысенко [2014а; 2014б; 2015], раскрывающая по материалам периодических изданий идеальный образ русского священника-миссионера в Сибири рубежа XIX–XX вв.

Рассматривая историю Омской епархии, особо выделим работы следующих авторов. Вопросы образования Омской епархии и основных направлений ее деятельности, в том числе и миссионерство, рассматриваются в трудах С. В. Голубцова [2008; 2011]. Работы Ю. А. Лысенко [2006; 2007; 2009; 2010; 2011а; 2011б] посвящены Русской православной церкви в Казахстане во второй половине XIX – начале XX в., в первую очередь – освещению деятельности Киргизской миссии и православных миссионеров в Степном крае. Авторы ввели в научный оборот источники по истории как епархии в целом, так и миссионерской деятельности Киргизской миссии Омской епархии в Степном крае, затрагивая и вопросы христианизации местного киргизского (казахского) населения.

Интерес казахстанских ученых более связан с историей ислама в Младшем, Среднем и Старшем жузах, степени его проникновения в религиозное сознание казахов-язычников, трансформацией традиционной кочевой культуры, проблемой «русификации» казахского этноса. Работы, целенаправленно и целостно анализирующие архивные материалы по истории Русской православной церкви не только в Степном крае на рубеже XIX–XX в., изучающие ее структуру, взаимодействие с местным населением, ее миссионерскую деятельность, практически отсутствуют в казахстанской историографии.

Таким образом, можно сказать, что история Омской епархии и Киргизской миссии на сегодня имеет массу возможностей для расширения исследовательской области. В качестве цели нашей работы выступает характеристика процесса христианизации киргизского (казахского) населения Степного края в конце XIX – начале XX в. через источник религиозного характера – «Омские епархиальные ведомости».

Формирование и становления институтов миссионерства Русской православной церкви в Степном крае происходит в 80–90-е гг. XIX в. (1881–1895 гг.), когда начинает свою деятельность Киргизская миссия, которая «в учредительных документах… получила название “антиисламской”, что определило содержание ее конкретной работы – ограничение влияния ислама на жизнь кочевников и пропаганда среди них православных идей» [Лысенко Ю., 2011б. С. 32].

Первые миссионерские станы среди киргизов (казахов) в порядке эксперимента были открыты в 80-е гг. XIX в. в Алтайском горном округе – на тот момент здесь уже работала Алтайская духовная миссия, и первоначально Киргизская миссия входила в состав последней, подчиняясь Томской епархии. В связи с образованием Омской епархии в 1895 г., в ее ведение были переданы четыре стана Киргизской миссии Томской епархии и два стана Киргизской миссии Тобольской епархии. А центром Киргизской миссии стала Заречная слобода, расположенная недалеко от г. Семипалатинска [Лысенко Ю., 2007. С. 1].

В историографии выделяются три этапа в деятельности Киргизской миссии. На первом, начальном этапе становление миссии и реализация ее задач осуществлялись параллельно в рамках организации работы миссионерских станов, которые становились центрами пропаганды Русской православной церкви, а нередко и местом сосредоточения и расселения новокрещеных киргизов (казахов). Для второго этапа (90-е гг. XIX – начало XX в.) характерна активизация деятельности миссии в условиях усиления позиций ислама среди кочевников-казахов. Причем отличительной чертой омских миссионеров была твердая убежденность – главная их цель состоит в необходимости «целенаправленно проводить работу исключительно среди казахского населения края…» [Лысенко Ю., 2011б. С. 33]. Именно этот период стал временем наивысшего расцвета Киргизской миссии в осуществлении поставленных Русской православной церковью задач, что нашло проявление в открытии наибольшего количества станов, миссионерских школ, религиозно-просветительских обществ.

Киргизская миссия Омской епархии использовала классический метод организации своей деятельности по аналогии с Алтайской духовной миссией, в основе которого был заложен принцип работы станов во главе с миссионерами, подчинявшимися начальнику миссии. При этом территориальные границы станов не были четко определены. Омский епархиальный комитет Православного миссионерского общества, созданный в 1895 г., фактически не вмешивался в дела миссии и был занят сбором пожертвований на миссионерские нужды.

Русская революция 1905–1907 гг. ознаменовала собой начало третьего этапа деятельности Киргизской миссии (1905–1917 гг.), который можно кратко охарактеризовать как кризисный. «Манифест о свободе вероисповедания, а также социально-экономический кризис, последовавший за революцией, привели к сокращению их финансирования, закрытию станов и школ при них, отпадению в ислам новокрещеных казахов. После событий 1917 г. и падения династии Романовых Русская православная церковь свернула свою миссионерскую деятельность среди казахов-кочевников» [Там же. С. 33, 34].

На всем протяжении существования Киргизской миссии Омской епархии «Омские епархиальные ведомости» выступали в качестве и одного из инструментов миссионерско-просветительской работы, и своеобразного зеркала, отражавшего на своих страницах деятельность миссии.

Издававшиеся с 1898 г. «Омские епархиальные ведомости» отражали на своих страницах значимые события эпохи, оценивая и характеризуя их с позиций Русской православной церкви. Здесь размещались официальные документы (императорские манифесты, высочайшие повеления по духовному ведомству, указы и постановления Святейшего Синода), епархиальные известия, а также печатались проповеди, наказы, наставления, давались исторические описания монастырей, храмов, населенных пунктов епархии, летописи приходов, биографии выдающихся церковных деятелей, некрологи и мн. др. [Егоренкова, Лысенко, 2017. С. 129]. В ведомостях публиковались материалы и отчеты о деятельности Православного миссионерского общества, кружков и братств, благотворительных сообществ, статьи, посвященные проблемам миссионерской деятельности. Но особое значение для нас имеют отчеты Киргизской миссии, которые содержат информацию по истории миссионерства Русской православной церкви среди казахов Степного края. Существовала форма отчетности миссионерских структур, которая должна была всесторонне характеризовать выполненную за год работу. Структура отчета включала в себя: информацию о составе миссии, ее пастве; раздел о кадровом составе миссии (данные о назначениях и перемещениях ее служителей); характеристика основных направлений деятельности миссии; отдельный раздел с характеристику религиозного и духовно-нравственного состояния верующих (миссионерско-просветительские мероприятия, методы миссионерской работы и мн. др.). Завершался отчет материально-финансовой частью,

содержавшей статистический материал (таблицы) о расходах миссии, школах и приютах, построенных церквях, количестве новокрещеных.

Содержащийся в отчетах Киргизской миссии Омской епархии материал о миссионерской деятельности Русской православной церкви представляет собой ценнейший источник по изучению процесса христианизации казахов Степного края на рубеже XIX–XX вв.

В этот период среди местного населения растет количество казахов, принявших православие. В «Омских епархиальных ведомостях» о них говорят как о новокрещеных, и эта категория населения часто упоминается на страницах печати. Новокрещеным киргизам посвящены материалы в первую очередь официальной части издания.

Позиция Русской православной церкви по миссионерской деятельности четко прослеживается во всех выпусках, опираясь на поддержку официальных властей, и эта позиция однозначна – христианизация местного населения. Говоря о колонизации Сибири и миссии Русской православной церкви среди инородцев, член Государственной думы, священник А. Трегубов отмечал, что рядовые казахи никогда особо не тяготели к исламу, что это удел только состоятельной части местного казахского общества, атрибут скорее статусный, нежели вопрос чистой веры: «Киргизы, до принятия русскаго подданства, не были мусульманами, и только, благодаря неразумному усердию одного из генерал-губернаторов Сибири, были приведены на верноподданство России присягой на коране, признаны магометанами и для утверждения среди них мусульманства к ним назначились фанатичные татарские муллы. Как ни невероятен этот факт, но он действителен! Только среди богатых и знатных киргиз замечалось и замечается стремление к мусульманству, его культуре, так как это считается признаком интеллигентности. Большинству же киргизскаго народа и до сих пор чуждо мусульманство; и вся усиленная татаризация, которая ведется фанатичными муллами, не дала еще результатов… Ошибки прошлаго, – присоединение к мусульманству пяти миллионов киргиз…». «Киргизы в настоящее время переживают период исканий, который ведет к переходу к более высокому религиозному культу… Православное государство не должно безразлично относиться к этому, так как присоединение к православной вере миллионов киргиз послужит залогом утверждения в наших сибирских степях русской государственности…» (Омские епархиальные ведомости, 1909. № 24. С. 29–30).

Другими словами, с точки зрения официальной церкви – казахи в силу их изначальной нерасположенности «плохие» мусульмане, а следовательно – потенциальные православные.

Священники-миссионеры в отчетах на страницах «Омских епархиальных ведомостей» отмечали, что более склонными и готовыми к смене веры являются казахи-бедняки и середняки, нежели чем состоятельные. «Крещение Бскенаева, как богатаго киргиза, хотя единоличный случай в Большенарымском стане, но оно однако достаточно убедило нас в том, что духовное воспитание и устройство быта новокрещеннаго из богатых киргиз несравненно тяжелее, чем из бедных. Последний скорее проникается сознанием в спасительности христианской веры и, внимательно слушая наши беседы и наставления, старается направить по возможности и жизнь по вере. Принявши крещение, бедный киргиз нередко бросает сразу все, что только напоминает ему киргизское, он с охотою готов бы, так сказать, облечься во всего русскаго человека…» (Там же. 1902. № 11–12. С. 37–38). Другими словами – бедняку нечего терять, его ничего не держит, и он выступает как более благодатное поле для деятельности миссионеров.

Отчеты миссии, размещенные на страницах «Омских епархиальных ведомостей», содержат разнообразную информацию о положении, быте новообращенных казахов, их взаимоотношениях с соплеменниками: «Киргизы, входящее в ведение Черноярскаго стана, летом кочуют по степям Павлодарскаго и Каркаралинскаго уездов, зимой же многие ютятся в сырых и грязных избушках на лугах по реке Иртышу, другие зимуют в степи около озер с камышами

или же около деревень Барнаульскаго уезда… Крещенные киргизы все без исключения живут в русских селениях, но к селениям этим не приписаны, приписывать невыгодно потому, что заняться своим хозяйством по бедности новокрещеные не могут... Зароботков почти нет, почему новокрещеные и вынуждены бывают летом уходить в г. Павлодара, и Омск, зимой же большею частью живут без дела…» (Там же. С. 27–28).

Об оседании принявших крещение степняках упоминается не раз: «…земля в Тумарашах… не могла тогда же удовлетворить всех новокрещеных (120 человек). Почему большая часть последних признала выгодным для себя оставаться на заработках в соседних поселках и селениях и только до 13 семейств решили поселиться на отведенной им земле и устроить поселок» (Там же. № 13–14. С. 12–13). В Шульбинском стане Киргизской миссии Омской епархии в 1902 г.: «Несколько семей новокрещенных уже года три живут на Балапане, но лишенные защиты миссионера терпят притеснения от кочующих по соседству киргиз; с другой стороны, как люди кочевые, непривыкшие к ведению хозяйства, они нуждаются в надзоре и советах миссионера. Новокрещенные сеяли здесь хлеб и занимались сенокошением на собственной земле, некоторые потерпели неудачи; именно по вышеуказанным причинам» (Там же. № 11–12. С. 25).

Анализ отчетов миссионеров Киргизской миссии позволяет сделать вывод о том, что крещение казахов не всегда положительно воспринималось со стороны их родственников: «Некоторых киргиз, намеревавшихся креститься, стараются всеми средствами удержать от сего близкие родственники… Так было с двумя молодыми киргизами… Дня через два братья, мать и целое почище киргиз явились в сей стан… Как ни старались родственники и посторонние киргизы (а их было до 30 человек) увещевать сородичей, как ни грозили им… ничто не помогло…» (Там же. 1900. № 13. С. 11–12).

Материалы «Омских епархиальных ведомостей» позволяют оценить и характер взаимоотношений русского православного населения к новообращенным казахам. Со стороны русского населения стандартным клише было восприятие степняков как невоспитанных, необразованных и некрещеных дикарей. Епископ Омский и Семипалатинский Сергий обращался с наставлением к мирянам: «…говорил о необходимости каждому христианину ходить достойно своего звания, иметь на себе св. Крест, знать молитвы и заповеди, жить в мире и любви не только между собою, но и с инородцами – киргизами (не называть их собаками)» (Там же. 1901. № 21. С. 16).

Другой пример мы встречаем в отчете Киргизской миссии 1902 г. – описание новокрещеных воспитанников – казахов приюта Центрального стана Киргизской миссии Омской епархии, сравниваемых с русским населением: «...степной мальчик знал не больше по-русски, нежели знают иные русские по-киргизски, умеющие сказать лишь <бельмейде>; правил обращения и приличия в обществе, свойственных и простому русскому народу, дикарь Виктор не принимал в расчет, обращаясь со всеми через чур запросто, употребляя при том и силу…» (Там же. 1902. № 11–12. С. 10).

Часты были ситуации, когда представители русского крестьянства или казачества неохотно нанимали новокрещеных в свои хозяйства в качестве батраков: «…казаки относятся к новокрещенным весьма не сочувственно и работы им никакой не дают. Работниками казаки предпочитают держать киргизов [мусульман]… и заставляют их работать семь дней в неделю. Новокрещенный же, будь он даже плохим христианином, все же в воскресный день или праздничный день требует отдыха, свободы… что казаку крайне не нравится» (Там же. 1903. № 10. С. 9–10).

Новокрещеные киргизы (казахи), оседавшие и остававшиеся жить в русских поселениях, как уже отмечалось выше, оказывались в достаточно затрудненных условиях существования,

вынужденные приспосабливаться к местным условиям хозяйственной деятельности и быта. В основной своей массе они пополняли собой группу поденщиков, сезонных рабочих, батраков. Крестившись, они меняли среду своего существования, начиная с имени. Среди этой группы новокрещеных не редкостью становятся межэтнические браки: «Это делается в видах собственнаго желания новообращенных, желания похвальнаго, что с принятием русской христианской веры, они хотят и носить русское отчество и фамилию, не желая оставить за собой мусульманское прозвище. В большинстве случаев новообращенные женятся на русских девицах» (Там же. 1909. № 7–8. С. 65).

В отчетах Киргизской миссии, размещенных на страницах «Омских епархиальных ведомостей», наряду с наблюдениями часто присутствуют практические рекомендации действующих миссионеров в отношении новокрещеных киргизов (казахов). Серьезной проблемой для Омской епархии было сохранение их в лоне Русской православной церкви, и это при том, что ездившие с проверками по миссиям священники отмечали зачастую несоблюдение православных христианских правил и даже отход от веры под влиянием сородичей. В отчете за 1899 г. указано: «Во время посещения новокрещенных приходится встречаться с такими фактами: крестов на многих не бывает, молитв не знают, жизнь ведут на киргизский лад. Вообще жизнь новокрещенных находится в печальной обстановке» (Там же. 1900. № 18. С. 7).

В отчете за 1902 г. уже настоятельно рекомендуется: «…оставлять их при прежнем образе жизни среди киргиз невозможно, потому что они снова омусульманятся и приходится новокрещенным оставаться без земли и хозяйства, не имея ни определеннаго места жительства и никакого занятия. Если бы новокрещенные имели возможность жить своим хозяйством, то можно вполне надеяться, что желающих креститься находилось бы гораздо больше, чем в настоящее время…» (Там же. 1902. № 11–12. С. 28).

В противовес приводятся примеры оседлых поселений новокрещеных киргизов (казахов) как своеобразный положительный образец: «…видя пред собой среди необъятной степи небольшое сельцо новокрещенных киргиз, с возвышающейся по средине величественной церковью, вокруг которой расположены красивые причтовые дома. Сельский староста здесь тоже новокрещенный, равно как кандидат и сельский писарь, что придает как бы особенную прелесть этому селению. Диакон из инородцев, переводчик – природный киргиз. Таким образом новокрещенные составляют здесь отдельное целое; вследствие этого здесь является возможность новокрещенному не менять своей киргизской физиономии, не заменять все киргизское русским, как это необходимо, напротив, для новокрещенных, живущих в русских поселках: большинство Преображенских новокрещенных не говорят по-русски – не умеют, но в то же время славят Бога по-христиански; дети их учатся в школе, но им нет надобности сразу браться за русскую речь; здесь они христиане, но им нет надобности менять свой киргизский костюм на русский: они носят обычные киргизские халаты, на голове малахай (теплая шапка особенной формы). Едучи где-нибудь за селом, по дороге встретите вы киргиза, а он между тем христианин. Вообще с виду настоящее киргизы, а между тем все просвещены св. Крещением; это и оставляет на душе особенное впечатление» (Там же. № 11–12. С. 20).

Процессу христианизации местного казахского населения не мало способствовало и применение в миссионерской деятельности казахского языка (перевод религиозной литературы и отправление культа на казахском языке): «Во время съезда о. о. миссионеров была отслужена литургия соборне во главе с отцом архимандритом, на киргизском языке, и один из воспитанников после обедни прибежал прямо к надзирателю приюта, выражая свою радость по поводу службы на киргизском языке, спрашивая, будет ли еще такая служба “Больно хорошо” – говорил он» (Там же. № 11–12. С. 11).

Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Степном крае получала всестороннюю поддержку и от светских властей. Для принявших православие киргизов (казахов) предусматривалось даже материальное поощрение, что свидетельствует о непосредственной заинтересованности официальных властей: «Есть на то и законы: Высочайше утвержденным положением от 24 февраля 1894 года всякому новообращенному киргизу выдается от 25 до 100 руб. пособия» (Там же. 1909. № 7–8. С. 65).

Таким образом, мы видим, что «Омские епархиальные ведомости» могут рассматриваться как полноценный, оригинальный и разносторонний источник по истории христианизации киргизского (казахского) населения Степного края в конце XIX – начале XX в., отражавший на своих страницах как официальную позицию Русской православной церкви в отношении миссионерской деятельности, ее состояния, форм и методов, так и отдельные аспекты самого процесса христианизации казахов, как-то: социально-экономическая обусловленность принятия православия, процесс социализации, аккультурации и трансформации этнического и религиозного сознания и самих новокрещеных, и их недавних сородичей и новообретенных собратьев по религии.

Список литературы / References

Гарипов Н. К. Политика Российского государства в этноконфессиональной сфере в конце XVIII – начале XX в: опыт духовного управления мусульманами: Дис. … канд. ист. наук. Казань, 2003. 175 с.

Garipov N. K. Politika Rossiiskogo gosudarstva v etnokonfessional'noi sfere v kontse XVIII – nachale XX vv: opyt dukhovnogo upravleniya musul'manami. Dis. … kand. ist. nauk [The Policy of the Russian State in the Ethno-Confessional Sphere at the End of the 18th – Early 20th Centuries: Experience of the Spiritual Governance of Muslims. PhD Thesis Hist.]. Kazan, 2003, 175 p. (in Russ.)

Голубцов С. В. История Омской епархии: Образование Омской епархии. Предстоятельство Преосвященного Григория на Омской кафедре (1895–1900 гг.). Омск: Полиграф, 2008. 166 с.

Golubtsov S. V. *I*storiya Omskoi eparkhii: Obrazovanie Omskoi eparkhii. Predstoyatel'stvo Preosvyashchennogo Grigoriya na Omskoi kafedre (1895–1900 gg.) [History of the Omsk Diocese: Formation of the Omsk Diocese. The Primacy of the Most-Reverend Gregory at the Omsk Department (1895–1900)]. Omsk, Poligraf Publ., 2008, 166 p. (in Russ.)

Голубцов С. В. Киргизская (казахская) миссия Русской православной церкви // Вестн. Омск. гос. ун-та. 2011. № 2. С. 313–316.

Golubtsov S. V. Kirgizskaya (kazakhskaya) missiya Russkoi pravoslavnoi tserkvi [Kyrgyz (Kazakh) Mission of the Russian Orthodox Church]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Herald of Omsk State University*], 2011, no. 2, p. 313–316. (in Russ.)

Егоренкова Е. Н., Лысенко Ю. А. Епархиальные ведомости как периодическое издание Омской епархии рубежа XIX–XX вв. // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию «Дома дружбы – центра общественного согласия». Усть-Каменогорск, 2017. С. 127–132.

Egorenkova E. N., Lysenko Yu. A. Eparkhial'nye vedomosti kak periodicheskoe izdanie omskoi eparkhii rubezha XIX–XX vv. [Diocesan Records as a Periodical of the Omsk Diocese at the Turn of the 19th – 20th Centuries]. In: Etnodemograficheskie protsessy v Kazakhstane i sopredelnykh territoriyakh. Materialy XVI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 25-letiyu «Doma druzhby – tsentra obshchestvennogo soglasiya» [Ethno-Demographical Processes in Kazakhstan and Contiguous Territories. Proceedings of the XVI International Scientific-Practical Conference, Dedicated to 25th Anniversary of the "House of Friendship – Center for Public Consent"]. Ust-Kamenogorsk, 2017, p. 127–132. (in Russ.)

Коваляшкина Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 326 с.

Kovalyashkina E. P. "Inorodcheskii vopros" v Sibiri. Kontseptsii gosudarstvennoi politiki i oblastnicheskaya mysl' ["Foreign Question" in Siberia. Concepts of Public Policy and Regionalism Thought]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2005, 326 p. (in Russ.)

Ледовских А. Ю. «Инородческий вопрос» в Сибири на страницах специализированных географических изданий второй половины XIX – начала XX века // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 1 (дополнительный): История. С. 46–51.
Ledovskikh A. Yu. "Inorodcheskii vopros" v Sibiri na stranitsakh spetsializirovannykh geograficheskikh izdanii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka ["Foreign Question" in Siberia on the Pages of the Specialized Geographical Editions of the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [*Vestnik NSU. Series: History and Philology*], 2006, vol. 5, iss. 1 (additional). History, p. 46–51. (in Russ.)

Ледовских А. Ю. Сибирские «инородцы» в специализированных журналах по истории во второй половине XIX – начале XX в. // Актуальные вопросы истории российской провинции XVI–XXI вв.: Центральное Черноземье, Сибирь, Северо-Восток. Новосибирск, 2009. Вып. 4. С. 135–153.
Ledovskikh A. Yu. Sibirskie "inorodtsy" v spetsializirovannykh zhurnalakh po istorii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Siberian "Foreigners" in Specialized History Journals in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In: Aktual'nye voprosy istorii rossiiskoi provintsii XVI–XXI vv.: Tsentral'noe Chernozem'e, Sibir', Severo-Vostok [Topical Questions of the History of the Russian Province in the 16th – 21st Centuries: Central Black Earth Region, Siberia, North-East]. Novosibirsk, 2009, iss. 4, p. 135–153. (in Russ.)

Ледовских А. Ю. Сибирский «инородческий вопрос» на страницах российской журнальной прессы во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. … канд. ист. наук. Омск, 2008. 241 с.
Ledovskikh A. Yu. Sibirskii "inorodcheskii vopros" na stranitsakh rossiiskoi zhurnal'noi pressy vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. Dis. … kand. ist. nauk [Siberian "Foreign Question" in the Russian Magazine Press in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries. PhD Thesis Hist.]. Omsk, 2008, 241 p. (in Russ.)

Литвинов П. П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917 гг.). Елец, 1998. 319 с.
Litvinov P. P. *Gosudarstvo i islam v Russkom Turkestane (1865–1917 gg.)* [*The State and Islam in Russian Turkestan (1865–1917)*]. Elets, 1998, 319 p. (in Russ.)

Лысенко Н. А. Идеал сибирского священника-миссионера в официальных периодических изданиях Русской православной церкви второй половины XIX – начала XX в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2015. 23 с.
Lysenko N. A. Ideal sibirskogo svyashchennika-missionera v ofitsialnykh periodicheskikh izdaniyakh Russkoi pravoslavnoi tserkvi vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.: Avtoref. dis. … kand. ist. nauk [Ideals of the Siberian Missionary Priest in Official Publications of the Russian Orthodox Church in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries: Abstract of Thesis Cand. of Hist. Sci.]. Omsk, 2015, 23 p. (in Russ.)

Лысенко Н. А. Православные миссии как институт формирования идеала миссионера-священника в Сибири во второй половине XIX в. // История и историография России и Сибири в исследовательском и образовательном контекстах: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2014а. С. 172–176.
Lysenko N. A. Pravoslavnye missii kak institut formirovaniya ideala missionera-svyashchennika v Sibiri vo vtoroi polovine XIX v. [The Orthodox Mission as an Institution of Forming the Ideals of a Missionary Priest in Siberia in the 2nd Half of the 19th Century]. In: Istoriya i istoriografiya Rossii i Sibiri v issledovatel'skom i obrazovatel'nom kontekstakh: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Russian and Siberian History and Historiography within a Research and Educational Context: Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference]. Novosibirsk, 2014a, p. 172–176. (in Russ.)

Лысенко Н. А. Эволюция идеала священника-миссионера в Сибири (по материалам официальной периодической печати РПЦ начала XX в.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сб. материалов Междунар. молодежной науч. конф. Новосибирск, 2014б. С. 194–199.
Lysenko N. A. Evolyutsiya ideala svyashchennika missionera v Sibiri (po materialam ofitsial'noi periodicheskoi pechati RPTs nachala XX v.) [Evolution of the Missionary Priest Ideals in Siberia (based on Materials of the Russian Orthodox Church Official Periodical Publications in the Beginning of the 20th Century)]. In: Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovanii: vzglyad molodykh uchenykh: sbornik materialov Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii. [Relevant Issues of History Research: the Viewpoint of Young Scientists: Proceedings of the International Youth Scientific Conference]. Novosibirsk, 2014b, p. 194–199. (in Russ.)

Лысенко Ю. А. Киргизская духовная миссия Омской епархии в 1881–1917 гг. // Макарьевские чтения – 2007. Горно-Алтайск, 2007. С. 47–58.

Lysenko Yu. A. Kirgizskaya dukhovnaya missiya Omskoi eparkhii v 1881–1917 gg. [The Kirghiz Ecclesiastical Mission of the Omsk Diocese in 1881–1917]. In: Makaryevskie chteniya – 2007 [Macarius' Readings – 2007]. Gorno-Altaysk, 2007, p. 47–58. (in Russ.)

Лысенко Ю. А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Казахстане: вторая половина XIX – начало XX в.: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Барнаул, 2011а. 51 с.

Lysenko Yu. A. Missionerskaya deyatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v Kazakhstane: vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.: Avtoref. dis. … d-ra ist. nauk [Russian Orthodox Church Missionary Activity in Kazakhstan: 2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries: Abstract of Thesis Doct. of Hist. Sci.]. Barnaul, 2011a, 51 p. (in Russ.)

Лысенко Ю. А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010. 195 с.

Lysenko Yu. A. Missionerstvo Russkoi pravoslavnoi tserkvi v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Russian Orthodox Church Missionaries in Kazakhstan (2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. Barnaul, Izdatel'stvo AltGU, 2010, 195 p. (in Russ.)

Лысенко Ю. А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (XVIII – начало XX в.). Барнаул: Азбука, 2011б. 156 с.

Lysenko Yu. A. Ocherki istorii Russkoi pravoslavnoi tserkvi v Kazakhstane (XVIII – nachalo XX v.) [Essays about the History of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan (18th – Beginning of 20th Centuries)]. Barnaul, Azbuka, 2011b, 156 p. (in Russ.)

Лысенко Ю. А. «Отчеты Алтайской и Киргизской духовной миссии» как источник по истории миссионерской деятельности Русской православной церкви в Казахстане в колониальный период // Макарьевские чтения – 2006. Горно-Алтайск, 2006. С. 43–49.

Lysenko Yu. A. «Otchety Altaiskoi i Kirgizskoi dukhovnoi missii» kak istochnik po istorii missionerskoi deyatel'nosti russkoi pravoslavnoi tserkvi v Kazahstane v kolonialnyi period [«Reports of the Altai and Kirghiz Ecclesiastical Mission» as a Source of the History of Missionary Activities of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan during the Colonial Period]. In: Makaryevskie chteniya – 2006 [Macarius' Readings – 2006]. Gorno-Altaysk, 2006, p. 43–49. (in Russ.)

Лысенко Ю. А. Структура, цели и задачи деятельности Киргизских православных миссий Оренбургской и Омской епархий (сравнительный анализ) // Изв. Алт. гос. ун-та. История, политология. 2009. № 4/4. С. 150–157.

Lysenko Yu. A. Struktura, tseli i zadachi deyatel'nosti Kirgizskikh pravoslavnykh missii Orenburgskoi i Omskoi eparkhii (sravnitel'nyi analiz) [Structure, Goals and Objectives of the Kyrgyz Orthodox Missions' Activities in the Orenburg and Omsk Dioceses (Comparative Analysis)]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, politologiya* [*News of Altai State University. History, Political Science*], 2009, no. 4/4, p. 150–157. (in Russ.)

Маняхина М. Р. Русская православная церковь в конфессиональных процессах в истории Сибири (XVIII – начало XX в.): Дис. … д-ра культурологии. М., 2003. 386 с.

Manyakhina M. R. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v confessional'nykh protsessakh v istorii Sibiri (XVIII – nachalo XX vv .): Dis. … d-ra kul'turologii [Russian Orthodox Church in Confessional Processes in the History of Siberia (18th – Early 20th Centuries): Doctoral Thesis Culturology]. Moscow, 2003, 386 p. (in Russ.)

Нетужилов К. Е. Епархиальная периодическая печать в дореволюционной России // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2006. Т. 7, № 21-1. С. 174–182.

Netuzhilov K. E. Eparkhial'naya periodicheskaya pechat' v dorevolyutsionnoi Rossii [Diocesan Periodicals in Pre-Revolutionary Russia]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [*Science Journal of Herzen University*], 2006, vol. 7, no. 21-1, p. 174–182. (in Russ.)

Нетужилов К. Е. История церковной журналистики в России XIX – начала XX века. СПб.: Изд-во РХГА, 2009. 352 с.

Netuzhilov K. E. Istoriya tserkovnoi zhurnalistiki v Rossii XIX – nachala XX veka [History of Church Journalism in Russia in the 19th – Early 20th Century]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii, 2009, 352 p. (in Russ.)

Нетужилов К. Е. Периодические издания Св. Синода в XIX – начале XX в.: церковный официоз // Вестн. С.-Петерб. ун-та. История. Исторические науки. 2007. Вып. 4, ч. 2. С. 47–52.

Netuzhilov K. E. Periodicheskie izdaniya Sv. Sinoda v XIX – nach. XX vv.: tserkovnyi ofitsioz [Periodicals of the Holy Synod in the 19th – Early 20th Centuries: Ecclesiastical Officialdom]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta.*

Istoriya. Istoricheskie nauki [*Vestnik of Saint Petersburg University. History. Historical Studies*], 2007, iss. 4, ch. 2, p. 47–52. (in Russ.)

Нетужилов К. Е. Формирование системы церковной периодической печати в России XIX – начала XX века: историко-типологический анализ: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2010. 49 с.

Netuzhilov K. E. Formirovanie sistemy tserkovnoi periodicheskoi pechati v Rossii XIX – nachala XX vekov: istoriko-tipologicheskii analiz: Avtoref. dis. … d-ra ist. nauk [Formation of the System of Church Periodicals in Russia in the 19th – Early 20th Centuries: Historical and Typological Analysis: Abstract of Thesis Doct. of Hist. Sci.]. St. Petersburg, 2010, 49 p. (in Russ.)

Расова Н. В. Миссионерская деятельность Русской православной церкви на Алтае в XIX – начале XX в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2002. 84 с.

Rasova N. V. Missionerskaya deyatel'nost Russkoi pravoslavnoi tserkvi na Altae v XIX – nachale XX vv.: Avtoref. dis. … kand. ist. nauk [Missionary Activities of the Russian Orthodox Church in Altay in the 19th – Early 20th Century. Abstract of Thesis Cand. of Hist. Sci.]. Gorno-Altaysk, 2002, 84 p. (in Russ.)

Суворова Н. Г. Духовное и светское просвещение мусульман-кочевников и новокрещеных в контексте колонизации Степного края (конец XIX – начало XX в.) // Вестн. Омск. ун-та. Исторические науки. 2017. № 3 (15). С. 262–270.

Suvorova N. G. Dukhovnoe i svetskoe prosveshchenie musul'man-kochevnikov i novokreshchenykh v kontekste kolonizatsii Stepnogo kraya (konets XIX – nachalo XX v.) [Spiritual and Secular Education of Muslim Nomads and the Newly Baptized in the Context of Colonization of the Steppe Territory (late 19th – early 20th Century)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Istoricheskie nauki* [*Herald of Omsk University. Historical Studies*], 2017, no. 3 (15), p. 262–270. (in Russ.)

Устьянцева О. Н. Томская епархия в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2003. 25 с.

Ustyantseva O. N. Tomskaya eparkhiya v kontse XIX – nachale XX vv.: Avtoref. dis. … kand. ist. nauk. [Tomsk Diocese during the late 19th – early 20th Century: Abstract of Thesis Cand. of Hist. Sci.]. Kemerovo, 2003, 25 p. (in Russ.)

Файзрахманов Г. Л. Сибирские татары в составе Российского государства: Дис. … д-ра ист. наук. Казань, 2005. 540 с.

Faizrakhmanov G. L. Sibirskie tatary v sostave Rossiiskogo gosudarstva: Dis. … d-ra ist. nauk [Siberian Tatars in Russia's Government: Doctoral Thesis]. Kazan, 2005, 540 p. (in Russ.)

Список источников / Sources

Омские епархиальные ведомости. 1900. № 13; 1901. № 21; 1902. № 11–12, 13–14; 1903. № 4; 10; 1909. № 7–8, 24.

Omskie eparkhial'nye vedomosti [*Omsk Diocesan Records*], 1900, no. 13; 1901, no. 21; 1902, no. 11–12, 13–14; 1903, no. 4, 10; 1909, no. 7–8, 24. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
18.02.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Егоренкова Елена Николаевна, старший преподаватель кафедры истории Казахстана Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова (ул. 30-й Гвардейской дивизии, 34, Усть-Каменогорск, 070002, Казахстан, kuzja-74@mail.ru)

Elena N. Egorenkova, Senior Lecturer, Kazakhstan History Department, S. Amanzholov East Kazakhstan State University (34 30-i Gvardeiskoi Divizii Str., Ust-Kamenogorsk, 070002, Republic of Kazakhstan, kuzja-74@mail.ru)

УДК 351.746.1 «1922/29»
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-89-104

Прокуратура Сибири в 1922–1929 годах: иллюзия независимости и реальная практика

В. И. Исаев , Д. Ю. Михеев

Институт истории СО РАН; Новосибирский военный институт войск национальной гвардии РФ
Новосибирск, Россия

Аннотация

Исследуются проблемы становления института прокуратуры на территории Сибири в 1920-х гг. На основе архивных материалов и опубликованных источников освещены проблемы организации и деятельности органов прокуратуры в Сибири. Показаны их попытки отстаивать советскую законность в сибирской деревне в условиях фактической подчиненности партийным и советским органам. Выявлены трудности и противоречия в деятельности правоохранительной системы в советском государстве, в котором правившая партия большевиков по существу отрицала принципы независимости ветвей власти. Особенно это проявилось в хлебозаготовительных кампаниях конца 1920-х гг., ставших поворотным моментом в отказе от политики НЭП и «нэповской» законности. Сделаны выводы о том, что прокуратура в советском государстве не могла в полной степени выполнять свою функцию неукоснительной защиты закона, так как ее независимость была лишь декларативной.

Ключевые слова

прокуратура, крестьянство, Сибирь, советы, партийные органы, правовые нормы, законность

Для цитирования

Исаев В. И., Михеев Д. Ю. Прокуратура Сибири в 1922–1929 годах: иллюзия независимости и реальная практика // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 1: История. С. 89–104. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-89-104

Prosecutor’s Office of Siberia in 1922–1929: Illusion of Independence and Actual Practice

V. I. Isaev, D. Yu. Mikheev

Institute of History SB RAS; Novosibirsk Military Institute of National Guard Troops of the Russian Federation
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article explores the issues of the formation and activities of the prosecutor’s office in the 1920s as an institution of the Soviet state, called upon to exercise supervision over the observance of its laws by all actors of public life, including party and state bodies. The relevance of this topic is determined by the difficulties in the formation of the rule of law and civil society in modern Russia, largely due to the influence of the historical legacy of the Soviet period. It is noted that the introduction of the New Economic Policy (NEP) led to an increase in the role of law in public life, which

© В. И. Исаев , Д. Ю. Михеев, 2019

allowed the prosecutor's office to strengthen its authority in both the state and among the population. The number of citizens appeals to the Prosecutor's Office of Siberia grew from 12,400 in 1924 to 27,100 in 1925. During the period between 1925–1927 alone, the prosecutor's office of Siberia initiated over three thousand criminal cases against individual workers of local authorities. However, the later rejection of the NEP, which manifested itself most clearly in the grain procurement campaigns of the late 1920s, essentially meant a return to "military communism"; a system more familiar and convenient for the ruling stratum. The prosecution authorities had to adapt to the Stalinist course, which was aimed at abandoning the legitimacy of the NEP. Sources show that a significant number of prosecutors in Siberia, not ready to accept such violations of the rule of law, were suspended from work. The study of the history of the structures of the prosecutor's office of Siberia in the 1920s clearly demonstrates the origins of the transformation of the Soviet state, which proclaimed itself the democratic power of workers and peasants, while turning into a totalitarian regime dominated by party nomenclature.

Keywords

prosecutor's office, peasantry, Siberia, councils, party bodies, legal norms, legality

For citation

Isaev V. I., Mikheev D. Yu. Prosecutor's Office of Siberia in 1922–1929: Illusion of Independence and Actual Practice. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 1: History, p. 89–104. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-89-104

Проблемы становления, расцвета и крушения общественного устройства, вошедшего в историю под названием «советский (или сталинский) социализм», остаются остро актуальными для российских историков, продолжают активно исследовать их и зарубежные ученые. Дополнительную актуальность этим проблемам придают противоречия и трудности в формировании правового государства на нынешнем этапе развития российского общества.

Ведущим институтом правового государства должна быть независимая прокуратура, не допускающая нарушения закона, в том числе, и со стороны государства. Однако становление подлинно независимой прокуратуры в современной России наталкивается на трудности и привычки, обусловленные влиянием исторического наследия советского периода. Таким образом, извлечение уроков из опыта создания и деятельности прокуратуры в советское время является необходимым условием для утверждения институтов правового государства в Российской Федерации.

В статье данная проблема будет рассмотрена на примере становления и развития органов прокуратуры на территории Сибири. Цель статьи – показать место и роль прокуратуры в системе управления регионом.

Историография темы, в которую, по нашему мнению, следует включать не только работы, посвященные непосредственно истории советской прокуратуры, но и в широком плане всю литературу по истории правоохранительной системы советского государства, логично разделяется на советский «подцензурный» период и постсоветский, когда открылись возможности для ее объективного исследования. В советский период было опубликовано значительное количество исторической и юридической литературы, в которой можно было найти большой объем фактических данных, но практически отсутствовал серьезный анализ реального положения права и прокуратуры в советском государстве (см.: [Из истории прокуратуры..., 1967; Марина, 1973; Советская прокуратура..., 1982; Курицын, 1983; Теребилов, 1987] и др.). Более подробный обзор историографии был сделан нами ранее [Исаев и др., 2014. С. 4–11].

В постсоветский период отпали цензурные и идеологические ограничения, открылись ранее недоступные архивы и другие источники, что позволило по-новому осветить историю правоохранительной системы СССР, в том числе, показать и специфическое положение прокуратуры. Появились обстоятельные и хорошо фундированные работы, рассматривающие эту тему

на общероссийском уровне (см.: [Советская прокуратура..., 1993; Рассказов, 1994; Звягинцев, Орлов, 1998; Кудрявцев, Трусов, 2000] и др.).

Думается, что наряду с рассмотрением темы в масштабах страны необходимо подробно изучать деятельность прокуратуры на региональном уровне. В последние десятилетия вышло несколько монографий, защищены кандидатские и докторские диссертации, посвященные истории прокуратуры в отдельных областях и краях нашей страны, в том числе, и в Сибири [Око государево..., 2001; Булгаков, 2002; Яковлев, Рассамахин, 2004; Кокоурова, 2006; Гридунова, 2010]. Среди авторов, непосредственно изучавших состояние законности в Сибири в 1920-е гг., следует особо выделить А. П. Угроватова, посвятившего монографию проблеме соблюдения законности в период НЭП [1997].

Разумеется, исследование данной темы далеко не исчерпано. В частности, важно продолжить изучение истории прокуратуры на материалах Сибири как одного из наиболее крупных и важных регионов страны, игравшего значимую роль в развертывании модернизационных процессов. В данной статье мы попытаемся осветить становление института прокуратуры на территории Сибири и показать особенности ее деятельности в 1920-е гг., связанные с противоречивостью ее статуса независимого надзорного органа в условиях становящегося тоталитарного режима большевиков.

В качестве методологической основы нами используются традиционные исторические методы, а также метод системного анализа, позволяющего рассматривать прокуратуру как элемент общественно-политической системы СССР 1920-х гг.

Территориальные рамки исследования включают сибирский регион в административных границах Сибирского края. Так как население Сибири в 1920-е гг. почти на девять десятых состояло из крестьян, в статье рассматривается, прежде всего, деятельность прокуратуры в сибирской деревне.

Хронологические рамки заданы созданием прокуратуры в 1922 г. и рубежом 1929/1930 г., когда произошел отказ от НЭП и переход к формированию командно-административной системы. Это обусловило серьезные перемены и в правовой сфере.

Источниками исследования являются архивные документы партийных, советских и правоохранительных органов «сибревкомовской» Сибири, позднее Сибирского края, а также опубликованные в периодической печати материалы, позволяющие изучить различные аспекты деятельности сибирской прокуратуры.

После взятия власти большевистской партией в одном из первых декретов, относившихся к сфере права, было провозглашено полное отрицание правовых институтов и норм Российской империи, была ликвидирована и прокуратура. На протяжении 1918–1921 гг. вряд ли вообще можно было бы говорить о соблюдении законности. С переходом к НЭПу отсутствие в государственном механизме надзорного органа, отвечающего за соблюдение законов, начинает ощущаться как серьезный недостаток. Идея восстановления института прокуратуры стала оживленно обсуждаться примерно с середины 1921 г.

В начале 1922 г. Наркомат юстиции РСФСР разработал принципы, функции и определил сферы деятельности прокуратуры. Принципиальное значение для утверждения института прокуратуры имела позиция В. И. Ленина, высказанная им в письме от 20 мая 1922 г. в Политбюро ЦК РКП(б) «О “двойном” подчинении и законности», где он потребовал обеспечить независимость прокуратуры от органов исполнительной власти на местах [1970. Т. 45. С. 197–201]. 28 мая 1922 г. ВЦИК РСФСР утвердил «Положение о прокурорском надзоре», в котором ленинская точка зрения была закреплена законом (СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424).

Однако важность и необходимость независимой прокуратуры в советской России не являлась общепризнанной; более того, значительная часть советского чиновничества встретила

в штыки даже саму идею организации прокуратуры. Революционный переворот и гражданская война выдвинули в руководящий слой людей, для которых главным в области права стал принцип «революционной целесообразности», иначе говоря, интересы революции ставились выше всякого закона. Управлять для них значило распоряжаться по своему усмотрению, не подчиняясь каким-либо нормам права.

В Сибири это проявилось наиболее наглядно. В среде партийного и советского руководства сибирского региона популярны были взгляды, отрицавшие вообще необходимость органов прокурорского надзора. Например, против их создания выступали председатель Сибревкома М. М. Лашевич и П. Г. Алимов, ставший позднее первым областным прокурором Сибири. Разделяли такие взгляды даже судьи, казалось бы, кровно заинтересованные в создании прокуратуры. Например, в Омской губернии съезд народных судей, проходивший в декабре 1921 г., высказался против организации прокуратуры [1].

Сибирский съезд работников юстиции, состоявшийся в январе 1922 г., принял резолюцию, в которой по существу выступил против создания органов прокурорского надзора. С такими настроениями делегация из сибирского региона (включавшая 21 юриста) прибыла в Москву на IV Всероссийский съезд деятелей советской юстиции (январь 1922 г). Но в докладе председателя Революционного (Верховного) трибунала при ВЦИК РСФСР Н. В. Крыленко была убедительно показана необходимость создания прокуратуры; сибирские юристы вынуждены были согласиться с общим мнением [2].

В марте 1922 г., еще до принятия декрета о создании прокуратуры, отдел юстиции Сибревкома приступил к подбору работников для надзорных органов [3]. В августе 1922 г. были назначены прокуроры сибирских губерний, затем помощники губернских прокуроров по уездам. В сибирском регионе в 1922/23 г. приступили к работе 45 специалистов, что составляло только около половины от требовавшегося состава, в течение 1924–1925 гг. число работников прокуратуры выросло до 80 чел. [4]

Неокрепшие органы прокуратуры на первых порах почти повсеместно натолкнулись на пассивное отношение со стороны партийного и советского аппарата, а кое-где прямо враждебное. Примеров этому в документах тех лет встречается немало. Так, в Щегловском уезде в августе 1922 г. помощник прокурора сделал доклад о правах и обязанностях прокурора. Выслушав доклад, председатель уездного исполнительного комитета советов стал резко протестовать против права прокурора наблюдать за законностью действий исполкома. Он по-своему определил рамки, в которых, по его мнению, должна действовать прокуратура: «Наблюдай за милицией, лови уголовников, но не роняй престиж власти, не подрывай УИКа, – это контрреволюция» [Мокеев, Лаговиер, 1926. С. 19].

В 1923 г. томский губернский прокурор Я. Е. Орлов в соответствии со своими полномочиями настаивал на праве осуществлять надзор за действиями губисполкома, что вызвало серьезный конфликт между ним и руководством губернии. Губисполком обратился в партийные органы и добился снятия его с должности. Новый прокурор Томской губернии Гуревич столкнулся с тем, что председатель губисполкома вообще перестал допускать работников прокуратуры к предварительному просмотру проектов постановлений. После неоднократных обращений в Наркомат юстиции РСФСР с жалобами на самоуправство председателя, прокурор вынужден был уволиться [Отчет 4-го губернского съезда..., 1924. С. 43–44].

[1] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 398. Л. 28; Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 102.
[2] ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 5. Д. 17. Л. 48; Д. 18. Л. 53.
[3] ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–3.
[4] Там же. Д. 104. Л. 2, 4.

Несмотря на все лозунги о власти Советов, в большевистской России достаточно рано сложилось понимание того, что на самом деле реальная власть в стране принадлежит партийным органам. Именно они могли бы помочь прокуратуре, поднять ее авторитет и значимость. Однако большинство партийных активистов только теоретически признавали необходимость строгого выполнения законов, но на практике руководствовались принципом революционной целесообразности. Например, в письме Сиббюро ЦК РКП(б) от 5 января 1922 г. о задачах проведения продналога местным партийным и советским работникам рекомендовалось «не увлекаться юридическими тонкостями в ущерб прямым интересам дела…, карательную политику поставить в строгое соответствие с основной задачей – собрать продналог, не ослаблять требуемый нажим» [5].

Такое двойственное отношение к законности приводило к постоянным конфликтам партийных и советских органов с прокуратурой. Так, в Алтайской губернии прокуратура в течение 1923–1924 гг. неоднократно выступала против нарушений закона со стороны губернского руководства, что вызывало недовольство и ответные меры. В течение короткого периода сменилось три работника на должности губернского прокурора, никто из них не смог долго выдерживать создавшейся нервозной обстановки [6].

Господствующее положение партийных органов в иерархии советской власти было обеспечено тем, что именно парткомы подбирали и утверждали кандидатуры на должности прокуроров. К тому же почти все прокуроры являлись коммунистами, что позволяло парткомам осуществлять контроль над органами прокуратуры и оказывать в необходимых случаях мощный нажим на прокурорских работников под угрозой исключения из партии.

Парткомы активно использовали кадры прокуратуры для заполнения вакансий в партийном и советском аппарате. Пройдя в прокуратуре основательную теоретическую и практическую школу, многие коммунисты становились ценными работниками, которых стремились привлечь другие организации. Только в 1924 г. в Сибири на партийную работу были переведены восемь помощников прокурора [7].

Пренебрежение к прокуратуре базировалось не только на господствующем положении партийных органов, но и на фактической независимости советской номенклатуры от закона. Например, 16 марта 1923 г. Оргбюро ЦК РКП(б) приняло постановление «О порядке привлечения к судебной ответственности секретарей губкомов и обкомов». В п. 19 губернскому прокурору предписывалось «…не производя по делу никаких следственных действий, направить материалы и свое заключение прокурору Республики на распоряжение и для согласования с ЦК РКП» [8].

Вопрос о взаимоотношениях между партийными органами и прокуратурой с самого начала ее создания оказался болезненным, вызывал много споров. В частности, он обсуждался на совещании губернских прокуроров Сибири и Дальнего Востока, открывшемся в Новониколаевске 1 августа 1923 г. Сибирский прокурор П. Г. Алимов в ходе совещания прямо отрицал принцип независимости прокуратуры: «Прокурор как носитель власти и как член партии обязан подчиняться ей. Следовательно, во всех случаях обострений и конфликтов серьезного значения на местах он должен обращаться в губком…».

Несколько иную позицию занял прокурор Дальневосточной области Е. М Дебрев: «…подсказывается надобность в детальной разработке и полном выявлении положения и границ влияния органов партии на деятельность прокуратуры». Однако большинство участников не решилось серьезно поставить вопрос об определении таких границ. Не нашла поддержки и позиция про-

[5] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 31. Л. 149.
[6] ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 7. Л. 10, 78, 98.
[7] ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 4.
[8] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 129. Л. 117.

курора Енисейской губернии Б. М. Гуровича: «...во взаимоотношениях с парткомами надо поставить задачей применять методы работы, ничуть не роняющие значение и авторитет губпрокурора и не дающие поводов к мысли о соглашательстве» [9].

Тем не менее прокуратура постепенно завоевывала авторитет у населения Сибири, поскольку она, по сути, была единственной государственной структурой, защищавшей граждан от произвола местных партийных и советских чиновников, привыкших за годы «военного коммунизма» к самоуправству. Старалась укреплять авторитет сибирской прокуратуры и местная пресса, пропагандируя ее работу. Областная газета «Советская Сибирь» посвятила итогам первого года существования сибирской прокуратуры статью, в которой, в частности, отметила, что рост обращений граждан в прокуратуру с жалобами на нарушение законов свидетельствует о ее популярности в народных массах. Действительно, число жалоб в новониколаевскую губпрокуратуру с 464 за первые полгода работы выросло до 1 227 за второе полугодие (Советская Сибирь. 1923. 7 сент. С. 3).

В июле 1925 г. газета опубликовала обзор о состоянии законности в Томской губернии, сделав вывод о повышении требовательности крестьян к органам прокуратуры. «Частенько стали поговаривать деревенские работники о революционной законности. Толкуют о законе и крестьяне… Работники села научились критически относиться ко всяким распоряжениям, требуя их законного обоснования» (Там же. 1925. 12 июля. С. 3).

К середине 1920-х гг. в стране и в регионе наметились позитивные тенденции в борьбе за законность, в определенной мере улучшилось положение прокуратуры. Однако тенденции укрепления правопорядка наталкивались на укоренившуюся привычку к командно-административному стилю работы у партийных и советских работников, особенно по отношению к крестьянству.

Состоявшийся 25–27 октября 1924 г. пленум ЦК РКП(б) принял курс на оживление работы сельских советов, на втягивание в их работу беспартийных крестьян. Этот курс партии в агитационной работе получил название «лицом к деревне». Важно отметить, что пленум ЦК потребовал неукоснительного соблюдения советских законов. Принцип революционной целесообразности должен был уступить место строгому следованию нормам законодательства в их жестко определенных формулировках [КПСС в резолюциях..., 1984. Т. 3. С. 301–303].

Курс на укрепление законности провозгласила и XIV конференция РКП(б), проходившая в апреле 1925 г. В резолюциях конференции было записано: «…основной директивой партии должно быть оживление Советов и улучшение пролетарского руководства крестьянством через советские органы власти со смелым и решительным переходом на линию революционной законности и искоренения остатков военного коммунизма в административно-политической работе…» [Там же. С. 354–355].

Таким образом, задачи укрепления законности требовали повышения авторитета прокуратуры, внимания к ее работе со стороны партийных и советских органов. Выступая перед красноярскими коммунистами с рассказом об участии в работе конференции, секретарь Сибкрайкома РКП(б) Р. Я. Кисис подчеркнул: «На конференции был поставлен вопрос о революционной законности, имея в виду прекращение всякого произвола в деревне» [10].

Острая необходимость серьезной работы по укреплению законности подтверждается многочисленными примерами на материалах сибирского региона. Прошедшее зимой 1924/1925 г. обследование ряда сибирских деревень специально сформированными одиннадцатью комиссиями выявило серьезные проблемы во взаимоотношениях крестьянства и местных органов власти. Среди деревенских коммунистов были распространены военно-коммунистические настроения,

[9] ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 11. Л. 9, 11, 12, 14.

[10] Там же. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 469. Л. 34.

преобладал командно-административный уклон в руководстве советами и другими сельскими учреждениями. В результате работы комиссий было исключено из РКП(б) около 5 % сельских коммунистов , также почти 25 % партийцев получили различные взыскания [11].

Остроту проблемы в обобщающем докладе по итогам обследования обрисовал полномочный представитель ОГПУ по Сибири И. П. Павлуновский: «Законность в деревне не проведена еще. Это раздражает крестьян. …Проведение законности в деревне – одна из основных задач партии и Советской власти» [12].

В марте 1925 г. Рубцовский уком партии сообщал в губком: «Отмечается политическая безграмотность и отсталость коммунистов от более активной части крестьянства – зажиточных, которые во многих случаях являются толкователями советских законов в деревне». Мариинский уком партии в июле 1925 г. отметил: «Крестьянин политически растет быстрее партийца. Крестьяне не боятся подчас подправить коммуниста на основании закона» [13]. Сложившееся положение требовало усиления роли и влияния органов прокуратуры в сибирской деревне.

На первом съезде Советов Сибирского края (декабрь 1925 г.) в выступлении председателя Сибревкома М. М. Лашевича много внимания было уделено вопросам укрепления революционной законности. Резкая критика произвола местных работников, прозвучавшая в его докладе, означала поворот в сторону неуклонного соблюдения законов. Избрание съездом краевого прокурора П. Г. Алимова членом президиума Сибкрайисполкома также должно было заставить работников советских органов более уважительно относиться к деятельности прокуратуры по укреплению законности [14].

Постановления высших органов РКП(б), решения региональных инстанций позволили активизировать борьбу прокуратуры Сибири за соблюдение законов. В 1925 г. было возбуждено против сотрудников райисполкомов 41 уголовное дело, против председателей и секретарей сельских советов – 125, работников кооперации – 35, сотрудников милиции – 105. Обследование прокуратурой шести районов Барабинского округа в первые три месяца 1926 г. выявило около двухсот нарушений законности. В первой половине 1926 г. Бийская окружная прокуратура возбудила 110 уголовных дел по рабселькоровским заметкам.

Краевой прокурор П. Г. Алимов в статье в газете «Советская Сибирь» сделал вывод о том, что «прошедший 1925 год дал определенный сдвиг в проведении революционной законности и отношении к этому вопросу… Возрастающее количество подаваемых прокурорскому надзору жалоб также говорит за это». Действительно, количество жалоб от граждан выросло с 12,4 тыс. в 1924 г. до 27,1 тыс. в 1925 г. Но Алимов также отметил, что положение в деревне с соблюдением законности далеко еще от благополучного (Советская Сибирь. 1926. 9 марта. С. 2).

В целом в период НЭП происходило постепенное отступление от революционного «беспредела» времен Гражданской войны. Наблюдалось стремление к нормализации жизни, в том числе, и к соблюдению законов. В решениях Сибкрайкома ВКП(б), принятых в 1925–1927 гг., постоянно присутствуют требования к низовым партийным комитетам принять все возможные меры для укрепления законности (Известия Сибкрайкома РКП(б). 1925. № 1. С. 30; № 4/5. С. 27, 30, 31; № 6/7. С. 44; 1926. № 1. С. 35; № 2. С. 36; № 3. С. 51; № 4. С. 33, 55; № 5. С. 34; № 7. С. 36; № 8. С. 58–59; 1927. № 6/7. С. 85, 89).

Создание благоприятной атмосферы для работы прокуратуры позволило усилить борьбу за законность в регионе. Население Сибири стало относиться к прокуратуре с большим до-

[11] Там же. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 58 Л. 5, 6, 11, 13.
[12] Там же. Л. 35.
[13] Там же. Оп. 1. Д. 727. Л. 165; Оп. 2. Д. 23. Л. 17.
[14] Там же. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 105. Л. 102–103.

верием, как к своему защитнику. Проходившие в рамках избирательных кампаний собрания крестьян принимали резолюции о повышении внимания к прокуратуре, поддержке ее усилий по обеспечению законности (Советская Сибирь. 1925. 13 авг.; 1926. 3 авг., 20 нояб.).

Численность работников прокуратуры Сибири постепенно увеличивалась, в том числе, и благодаря административно-территориальным преобразованиям по созданию и районированию Сибирского края; с разделением территории края на округа в каждом из них организовывалась прокуратура. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 23 ноября 1925 г. было введено в действие Положение о судоустройстве в Сибирском крае, в котором определялась и структура прокуратуры, а также уточнялись полномочия краевого прокурора (СУ РСФСР. 1925. № 82. Ст. 619). Число прокурорских работников в сибирском регионе выросло с 80 в 1925 г. до 161 в 1926 г. и до 173 в 1929 г. [Два года работы…, 1929. С. 145].

Приведенные материалы позволяют сделать вывод о том, что прокуратура Сибири к середине 1920-х гг. окрепла и приобрела заметное влияние на состояние дел в регионе. Об этом, в частности, свидетельствуют впечатляющие результаты деятельности органов прокуратуры в сибирской деревне за три года, представленные в табл.

Работа органов прокуратуры Сибири в деревне в 1925–1927 гг. *
Siberian Prosecutors Office's Works in Rural Areas in 1925–1927

Годы	1925	1926	1927
Кол-во выездов прокуроров в села	299	597	822
Кол-во дней в командировках	1 694	3 369	5 832
Произведено обследований работы советских органов	1 091	1 419	2 186
В том числе: райисполкомов	235	248	339
сельских советов	401	486	788
райземкомиссий	71	233	336
других организаций	384	452	726
В том числе: районных отделов милиции	св. нет	288	449
народных следователей	св. нет	164	277
Возбуждено преследований против работников низовых органов власти	326	1 613	1 635
В том числе: уголовных	308	1 458	1 306
дисциплинарных	18	155	329
Прочитано докладов на правовые темы	928	1 258	1 652

* Табл. составлена по: [Отчет прокуратуры…, 1926. С. 60, 64, 66, 78]; (Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1926. № 2. С. 14–15); ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 11. Д. 1238. Л. 32; ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 219. Л. 151–154; Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 155. Л. 4.

В то же время следует отметить, что наметившиеся тенденции к укреплению советской законности были еще довольно хрупкими, слабо укорененными в среде партийного и советского чиновничества. Далеко не все коммунисты были готовы руководствоваться в своих действиях нормами права. У многих сохранялись настроения и взгляды времен «военного коммунизма», обусловившие скрытое сопротивление отмеченным тенденциям.

Подтверждение сказанному можно наблюдать, например, в позиции избранного в 1926 г. на пост секретаря Сибкрайкома ВКП(б) С. И. Сырцова. 19 апреля 1927 г. крайком заслушал и обсудил доклад краевой контрольной комиссии «О состоянии прокуратуры». В нем на прокуратуру обрушился поток критики, обвинявшей ее во всех грехах: в бюрократизме, в волоките, тормозившей работу милиции, следствия и судов. Как свидетельствует стенограмма заседания, практически все его участники дружно ругали прокуратуру за отсутствие у ее работников политического чутья, за то, что она якобы борется не с теми преступлениями.

В ходе обсуждения многое зависело от позиции первого секретаря крайкома. Но Сырцов неожиданно поддержал резкую критику работы органов прокуратуры. В его выступлении прозвучало несколько тезисов, явно напоминавших о временах «военного коммунизма». Во-первых, Сырцов вообще отрицательно оценил усиление борьбы прокуратуры за законность: «Сейчас у всех учреждений: и у судебных органов, и у прокуратуры особенно, какая-то сплошная мания: все должны быть под судом, все друг друга отдают под суд». А стремление сельского населения с помощью прокуратуры отстаивать свои права секретарь крайкома охарактеризовал как «полосу кляуз, которая охватила крестьян, особенно его зажиточные слои».

Во-вторых, Сырцов обвинил прокуратуру в формализме, стремлении контролировать всех и вся, взвалить на себя непомерно большой груз вместо того, чтобы «брать только наиболее существенное…, т. е. брать наше главное звено, а они (работники прокуратуры. *– В. И., Д. М.*) ставят задачу привлекать всех» [15].

Примечательно, что в выступлении Сырцова не были даже поставлены проблемы, которые были особо важны для улучшения работы прокуратуры: увеличение финансирования, расширение сети прокурорских участков, численности сотрудников, их профессиональной подготовки. Не было сказано и о необходимости заботы партийных комитетов об авторитете прокуратуры, поддержке ее в конфликтных ситуациях.

Позиция партийного руководства края по отношению к прокуратуре сказывалась и на ее положении на местах. Вновь наметилось отчуждение прокуратуры от партийных комитетов, снижение уровня ее авторитета среди работников аппарата. Стали возрождаться взгляды на прокурорский надзор и процесс укрепления законности как на препятствие в деле выполнения директив руководства партии и государства.

Подобные тенденции в 1926–1928 гг. были характерны не только для Сибири, они проявлялись и на общегосударственном уровне. В политике партии в деревне усиливался классовый подход. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) (июль 1926 г.) в резолюции «Об итогах перевыборов советов» указал на необходимость усиления борьбы с кулачеством, которое якобы пытается прикрыться «революционной законностью» [КПСС в резолюциях..., 1984. Т. 4. С. 37–46]. Такие же тенденции просматриваются и в решениях XV конференции ВКП(б) (октябрь-ноябрь 1926 г.) [Там же. С. 77].

Окончательный поворот к отказу от «нэповской» законности ознаменовали решения XV съезда большевистской партии (декабрь 1927 г.). В них были ясно указаны новые ориентиры в политике партии в деревне, обозначавшие переход к наступлению на зажиточное крестьянство [Там же. С. 285, 288, 305, 307–309]. Эта политическая установка, направленная на противо-

[15] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 203. Л. 362, 365, 374, 391.

поставление основной массы крестьянства и ее зажиточной части, отрицала принцип защиты интересов всех граждан.

Не мог не сказаться такой поворот и на деятельности органов прокуратуры. Наиболее радикальным переменам подверглось положение прокуратуры в период хлебозаготовительного кризиса, возникшего зимой 1927/1928 г. В стране в целом и в Сибири для преодоления трудностей в хлебозаготовках стали осуществляться мероприятия, серьезно нарушавшие принципы и нормы советского законодательства. В частности, в Сибирском крае был организован неконституционный орган власти – «хлебная тройка» (Р. И. Эйхе – председатель крайисполкома, С. И. Сырцов – первый секретарь крайкома партии, А. М. Злобин – заведующий торговым отделом крайисполкома) [16]. В каждый округ краевая «тройка» направила своего уполномоченного. Аналогичные структуры были созданы в округах и районах (окружные и районные «тройки»). Уполномоченные «хлебных троек», по существу, подчинили себе все местные органы власти, в том числе, прокуратуру и суд.

Краевая «тройка» приняла сомнительное с правовой точки зрения решение привлекать к уголовной ответственности держателей крупных запасов хлеба по ст. 107 УК РСФСР, предусматривающей наказание в виде лишения свободы и конфискации имущества за спекуляцию дефицитными товарами. 13 января 1928 г. соответствующий циркуляр был направлен в округа. Для устрашения крестьянства 15 января 1928 г. краевая «тройка» приняла также постановление о привлечении в каждом округе к уголовной ответственности по ст. 107 УК от четырех до десяти кулацких хозяйств, располагавших большими запасами хлеба. (Проблемы нарушения законности в хлебозаготовительных кампаниях в конце 1920-х гг. подробно рассмотрены в работах сибирских историков [Исаев и др., 2014. С. 112–156]).

Для выполнения этих решений были распределены роли и функции всех властных структур Сибирского края. Органы ОГПУ должны были выявлять держателей хлеба, которые привлекались к уголовной ответственности; их дела рассматривались судами, а также «тройками», действовавшими от имени Особого совещания ОГПУ. Особое значение придавалось проведению судами показательных процессов по ст. 107.

На милицию возлагалась задача оказывать помощь в изъятии хлеба, в исполнении судебных решений. Прокуратуре надлежало обеспечить общий надзор за соблюдением законности во время проведения хлебозаготовительной кампании, в том числе, за оперативным выполнением всех решений, принятых краевой хлебной «тройкой».

17 января 1928 г. в Новосибирск прибыл И. В. Сталин. Судьба советской законности, а также ее защитника – прокуратуры, в большой степени зависела от позиции генерального секретаря ЦК ВКП(б). На совещании в Новосибирске 18 января Сталин потребовал изменить разработанный порядок проведения чрезвычайных мероприятий. Согласившись в принципе с расширительным использованием ст. 107 УК, Сталин предложил осуществлять ее применение не от имени ОГПУ, а от имени прокуратуры. По его мнению, крестьянство больше доверяет прокуратуре и поддержит ее карательные меры против держателей хлеба. Таким образом, прокуратура, по сути, превращалась из надзорного органа в исполнительный. Более того, работу прокуратуры теперь должны были контролировать уполномоченные «троек».

Чтобы сделать прокуроров и судей Сибири послушными исполнителями чрезвычайных директив, Сталин обвинил их в тесных связях с антисоветскими, кулацкими элементами, потребовал очистить органы юстиции от негодных работников [Сталин, 1949. Т. 11. С. 3–4]. В руководстве Сибирского края отважиться на защиту местных органов прокуратуры и суда никто не решился. Вся эта ситуация показывала, что, как и большинство коммунистов, в вопросах регулирования социально-политических и экономических отношений в стране И. В. Ста-

[16] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1155. Л. 299.

лин в меньшей степени ориентировался на нормы закона, полагаясь на революционную целесообразность.

Работники прокуратуры Сибири в этих условиях столкнулись с серьезными нарушениями законности, которым они, по существу, не могли противостоять. В деревню нагрянули многочисленные уполномоченные, которые производили обыски в хозяйствах крестьян, возбуждали уголовные дела, проводили следствие, причем зачастую все это осуществлялось самыми незаконными способами. Выехавшие в сельскую местность работники краевой и окружных прокуратур также работали очень интенсивно: например, сотрудники омской прокуратуры отработали в общей сложности 113 дней, сотрудники канской прокуратуры – 380 дней [17].

Но редкие попытки прокуроров защитить правопорядок встречались в штыки. Дискредитация прокурорских работников Сталиным была воспринята работниками на местах как сигнал сверху, что можно не обращать внимания на представления прокуратуры. Так, прокурор третьего участка Канского округа поставил перед райкомом партии вопрос о недопустимости перегибов в проведении самообложения крестьянских хозяйств. Реакция райкома была своеобразной: прокурора исключили из партии. Прокурору третьего участка Новосибирского округа за возбуждение уголовного дела против уполномоченного, допустившего преступные действия в дер. Васино Гутовского района, объявили выговор по партийной линии. За отказ выполнять незаконные директивы местных властей были сняты с работы по два участковых прокурора в Омском и Барнаульском округах [18].

Чрезвычайные формы проведения хлебозаготовок противоречили интересам всех слоев крестьянства, а не только кулачества; крестьяне стали отвечать на беззаконие и произвол актами сопротивления [19]. Под давлением такой ситуации Сибкрайком ВКП(б) вынужден был в большей степени обращать внимание на представления прокуратуры, в которых сообщалось о наиболее грубых случаях нарушения законности. Так, 27 января 1928 г. краевой прокурор И. Д. Кунов направил в Сибкрайком ВКП(б) большую докладную записку, в которой были показаны перегибы при проведении решений «хлебной тройки», подчеркнув при этом, что подобная практика означает возвращение к «продразверсточным» методам работы. 16 февраля 1928 г. в крайком партии было направлено предложение краевой прокуратуры о сокращении практики применения ст. 107 УК, а также о подготовке директивы о возвращении крестьянам незаконно конфискованного имущества [20]. Кроме того, 28 января, 17, 18, 20 февраля 1928 г. краевая прокуратура направляла в Сибкрайком ВКП(б) еще ряд документов (доклады, представления) о различных фактах нарушения законности на местах.

Решения крайкома партии и «хлебной тройки», подготовленные на основе документов прокуратуры, помогли ликвидировать некоторые наиболее очевидные перегибы и злоупотребления властью. Так, краевая «тройка» отменила постановления Кузнецкого окружкома партии и окрисполкома о возможности привлечения середняков к уголовной ответственности по ст. 107 УК [21]. Такие примеры показывают, что прокуратура пыталась все же в определенной мере отстоять законность. Однако в большинстве случаев это было уже невозможно.

Падение авторитета прокуратуры, грубые нарушения законности вызвали у многих ее работников состояние растерянности и безнадежности. В органах прокурорского надзора стали частыми явления пьянства и аморального поведения. Примерно в половине окружных прокуратур Сибирского края были выявлены случаи пьянства и других нарушений морали [22]. Правда,

[17] ЦХИДНИ КК. Ф. 96. Оп. 1. Д. 44. Л. 18.
[18] ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 176. Л. 175; Д. 192. Л. 31.
[19] Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1783. Л. 42, 43; Оп. 2. Д. 217. Л. 257–259.
[20] Там же. Оп. 2. Д. 217. Л. 220.
[21] Там же. Л. 354–355.
[22] Там же. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 183. Л. 18.

можно предположить, что в некоторых случаях обнаруженный якобы компромат на прокурорских работников мог быть предлогом для устранения принципиальных защитников законности.

Таким образом, можно сделать вывод, что чрезвычайщина в проведении хлебозаготовок внесла серьезные коррективы в работу органов прокуратуры Сибири. Если раньше сотрудники прокуратуры в большей степени ориентировались в своей деятельности на выполнение законов, то в новой ситуации главными ориентирами стали указания партийных органов, нацеленные на решение политических задач.

Грубое нарушение законности происходило и в других регионах страны, что отмечал Наркомат юстиции РСФСР в информационном бюллетене за май 1928 г.: «Некоторые отчеты определенно констатируют, что 1928 г. отбросил прокуратуру от ранее завоеванных позиций по линии революционной законности. Извращения и перегибы, безобразия имели место не потому, что не знают и делают ошибки, а потому, что вообще весь советский аппарат не совсем строго считается с вопросами законности». Но далее в бюллетене фактически признавалась неспособность прокуратуры отстоять законность: «Нужны силы другого порядка для того, чтобы вопросам революционной законности уделялось должное внимание» [23]. В такой форме руководство НКЮ, по существу, подтверждало, что не прокуратура и суды, а партийные органы определяют состояние дел в сфере права.

Происходивший поворот в сторону применения чрезвычайных мер вызвал дезорганизацию и пассивность в действиях сотрудников сибирских органов прокуратуры, что в полной мере проявилось в ходе хлебозаготовительной кампании 1928/29 г. Прокуратура в тех случаях, когда в попрании законности были замешаны партийные органы на местах, предпочитала просто не вмешиваться.

2 июня 1929 г. Сибкрайком ВКП(б) утвердил назначение краевым прокурором В. М. Бурмистрова, работавшего до этого прокурором Северо-Кавказского края и показавшего себя жестким и принципиальным работником. При проверке отчетности органов прокуратуры о работе в хлебозаготовительной кампании первой половины 1929 г. новый краевой прокурор к своему удивлению не обнаружил документов, которые показывали бы борьбу с нарушениями законности. Бурмистров отправился с проверкой в Славгородский округ, а также направил комиссию для ревизии прокуратуры Рубцовского округа. По заключению краевого прокурора в обоих округах было обнаружено «громадное количество грубейших нарушений революционной законности… о которых окружные прокуроры молчали» [24].

В. М. Бурмистров обратился к партийному руководству края с просьбой об активизации усилий партийных органов по укреплению авторитета прокуратуры. 29 августа 1929 г. Сибкрайком партии направил окружкомам циркулярное письмо, в котором ставились задачи по взаимодействию с органами прокуратуры. В частности, крайком обращал внимание на недопустимо частую смену прокурорских работников и мелочную опеку над ними со стороны партийных органов. Аналогичное письмо в адрес окружных контрольных комиссий ВКП(б) направила Сибирская краевая контрольная комиссия [25].

Предпринятые усилия по оживлению работы прокуратуры постепенно улучшали ситуацию. Об активизации прокуратуры свидетельствуют результаты ее работы в хлебозаготовительной кампании 1929/1930 г. На каждого работника окружных прокуратур приходилось в среднем 26 командировочных дней. Всего в командировках сотрудники органов прокуратуры Сибирского края проработали 2 269 дней, провели 1 895 обследований, в том числе, 528 обследований

[23] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 11. Д. 1297. Л. 8.
[24] ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 195. Л. 22.
[25] Там же. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 3560. Л. 29; Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 177. Л. 90.

сельских советов, 398 обследований работы комиссий по хлебозаготовкам. На каждого сотрудника прокуратуры приходилось около 20 объектов обследования. Больше всех обследований провели работники рубцовской окружной прокуратуры, а также новосибирской, кузнецкой и барнаульской.

Показателем возросшей активности прокуратуры стало также большое количество возбужденных уголовных дел, особенно против работников районного и сельского звена. Только с сентября по ноябрь 1929 г. было возбуждено 26 уголовных дел против работников окружного уровня, 192 – против районных работников, 681 – против работников сельсоветов, 188 – против членов сельских комиссий, 153 – против руководителей колхозов, 380 – против работников заготовительных организаций, против других должностных лиц – 170 дел. Общее число уголовных дел составило 1 844, к середине декабря 1929 г. были осуждены 1 480 чел. [26]

Но, с другой стороны, усилилось и давление на органы прокуратуры со стороны партийных органов. Осенью 1929 г. только по данным десяти округов Сибирского края были сняты с работы шесть прокуроров за так называемое искривление классовой линии [Работа органов юстиции..., 1930. С. 6].

Деятельность сибирской прокуратуры во второй половине 1929 г. показала, что ей в известной степени удалось оправиться от шока чрезвычайщины и продолжить работу по соблюдению законности. Но в новых условиях в позициях прокуратуры произошли серьезные перемены, выразившиеся, в частности, в отступлении от принципиальной защиты законности, выдвижении классового подхода на первое место в ущерб защите прав всех граждан.

30 мая 1930 г. на заседании коллегии НКЮ РСФСР было отмечено, что прокуратура Сибирского края решительно боролась за революционную законность в ходе прошедшей хлебозаготовительной кампании [27]. Одновременно коллегия НКЮ констатировала «отсутствие необходимой для судебно-прокурорских работников устойчивости в противодействии окружным и, в особенности, районным влияниям и давлениям при допускаемых местными органами искажениях и извращениях линии партии и правительства, вплоть до вынесения приговоров, не отвечающих ни политическим, ни фактическим обстоятельствам дела, по прямым предложениям отдельных ответственных руководителей» [28]. Приведенные формулировки из резолюции Коллегии НКЮ как нельзя лучше отражают реальное положение прокуратуры Сибири в конце исследуемого периода.

Подводя итоги рассмотрения темы, можно сказать, что в 1920-е гг. органы сибирской прокуратуры прошли сложный путь. После трудного периода становления прокуратура Сибири добилась определенных успехов в борьбе за укрепление советской законности, обеспечивая сравнительно стабильное функционирование правопорядка на принципах НЭП. Однако с 1928 г. в стране начался постепенный отход от НЭП и возвращение к методам управления, напоминающим времена «военного коммунизма». Этот поворот привел к резкой деформации законности и негативно отразился на всей работе прокуратуры. Прокурорский надзор все более приспосабливался к проведению сталинского курса, нацеленного на отказ от НЭПа и формирование командно-административной системы, в которой закон отодвигался на задний план, а приоритет отдавался волевым политическим решениям. К концу исследуемого периода прокуратура стала, прежде всего, органом, используемым партийным аппаратом для решения политических задач. Функции защиты законности в ее деятельности могли выполняться только в ограниченных рамках, определяемых партийными органами.

[26] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 448. Л. 21.
[27] ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 10. Д. 22. Л. 47–48.
[28] Там же.

Список литературы / References

Булгаков Г. Н. Прокуратура Новосибирской области: взгляд сквозь годы. Новосибирск: [Б. и.], 2002. 113 с.
Bulgakov G. N. Prokuratura Novosibirskoi oblasti: vzglyad skvoz' gody. [The Prosecutor's Office of the Novosibirsk Region: a Look through the Years]. Novosibirsk, 2002, 113 p. (in Russ.)

Гридунова И. А. Алтайская прокуратура в годы новой экономической политики: Дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 239 с.
Gridunova I. A. Altaiskaya prokuratura v gody novoi ekonomicheskoi politiki [Altai Prosecutor's Office during the Years of the New Economic Policy]. Ph. D. Thesis. Barnaul, 2010, 239 p. (in Russ.)

Два года работы Сибирского исполнительного комитета советов. 1927–1928. Новосибирск, 1929. 201 с.
Dva goda raboty Sibirskogo ispolnitel'nogo komiteta sovetov. 1927–1928 [Two Years of Work of the Siberian Executive Committee of the Councils 1927–1928]. Novosibirsk, 1929, 201 p. (in Russ.)

Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Распятые революцией. Российские и советские прокуроры. XX век. 1922–1936. М.: РОССПЭН, 1998. 511 с.
Zvyagintsev A. G., Orlov Yu. G. Raspyatye revolyutsiei. Rossiiskie i sovetskie prokurory. XX vek. 1922–1936 [Crucified by the Revolution. Russian and Soviet Prosecutors. 20th Century. 1922–1936]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998, 511 p. (in Russ.)

Из истории прокуратуры Российской Федерации. 1917–1932. М.: Политиздат, 1967.
Iz istorii prokuratury Rossiiskoi Federatsii. 1917–1932 [History of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 1917–1932]. Moscow, Politizdat, 1967. (in Russ.)

Исаев В. И., Михеев Д. Ю., Угроватов А. П. Между политикой и правом: суды Сибири в 1920-е – 1930-е гг. Новосибирск: Параллель, 2014. 280 с.
Isaev V. I., Mikheev D. Yu., Ugrovatov A. P. Mezhdu politikoi i pravom: sudy Sibiri v 1920-e – 1930-e gg. [Between Politics and Law: the Courts of Siberia in the 1920s – 1930s], Novosibirsk, Parallel' Publ., 2014, 280 p. (in Russ.)

Кокоурова Н. А. История органов суда и прокуратуры Иркутской области в 1920–1930 гг.: Дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2006. 238 с.
Kokourova N. A. Istoriya organov suda i prokuratury Irkutskoi oblasti v 1920–1930 gg. [History of the Court and Prosecutor's Office of the Irkutsk Region in 1920–1930]. Ph. D. Thesis. Irkutsk, 2006, 238 p. (in Russ.)

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1984. Т. 3. 494 с.; Т. 4. 575 с.
KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK [CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee]. Moscow, Politizdat, 1984, vol. 3, 494 p.; vol. 4, 575 p. (in Russ.)

Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М.: Наука, 2000. 365 с.
Kudryavtsev V., Trusov A. Politicheskaya yustitsiya v SSSR [Political Justice in the USSR]. Moscow, Nauka, 2000, 365 p. (in Russ.)

Курицын В. М. Становление социалистической законности. М.: Наука, 1983. 193 с.
Kuritsyn V. M. Stanovlenie sotsialisticheskoi zakonnosti [The Formation of the Socialist Authority]. Moscow, Nauka, 1983, 193 p. (in Russ.)

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1970. Т. 45. 729 с.
Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii [Collected Works]. Moscow, Politizdat, 1970, vol. 45, 729 p. (in Russ.)

Марина И. Х. Прокуратура Сибири в период восстановления народного хозяйства (1922–1925 гг.): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1973. 37 с.
Marina I. Kh. Prokuratura Sibiri v period vosstanovleniya narodnogo khozyaistva (1922–1925 gg.) [The Prosecutor's Office of Siberia in the Period of Restoration of the National Economy (1922–1925)]. Abstract of Ph. D. Thesis. Moscow, 1973, 37 p. (in Russ.)

Мокеев В., Лаговиер Н. На страже революционной законности: очерки работы прокуратуры РСФСР за 1922–1925 гг. М.: Изд-во НКЮ РСФСР, 1926. 121 с.

Mokeev V., Lagovier N. Na strazhe revolyutsionnoi zakonnosti: ocherki raboty prokuratury RSFSR za 1922–1925 gg. [Guarding Revolutionary Legality: Essays about the Work of the Prosecutor's Office of RSFSR 1922–1925]. Moscow, Izdatel'stvo NKYU RSFSR, 1926, 121 p. (in Russ.)

Око государево: прокуратура Алтайского края: история, события, люди. Барнаул: ГИПП «Алтай», 2001. 221 с.
Oko gosudarevo: prokuratura Altaiskogo kraya: istoriya, sobytiya, lyudi [Eye of the Sovereign: the Prosecutor's Office of the Altai Region: History, Events, People]. Barnaul, GIPP "Altai", 2001, 221 p. (in Russ.)

Отчет прокуратуры Президиуму ВЦИК за 1925 год. М.: Изд-во НКЮ РСФСР, 1926. 111 с.
Otchet prokuratury Prezidiumu VTsIK za 1925 god [The 1925 Report of the Prosecutor to the Presidium of the Central Executive Committee]. Moscow, Izdatel'stvo NKYU RSFSR, 1926, 111 p. (in Russ.)

Отчет 4-го губернского съезда советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Томской губернии. 1–5 декабря 1923 г. Томск: [Б. и.], 1924. 80 с.
Otchet 4-go gubernskogo s'ezda sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeiskikh deputatov Tomskoi gubernii. 1–5 dekabrya 1924 g. [Report of the 4th Provincial Congress of the Workers Council, Peasants and Red Army Deputies of the Tomsk Province. 1–5 December 1924]. Tomsk, 1924, 80 p. (in Russ.)

Работа органов юстиции Сибкрая. Краткий отчет крайсуда и крайпрокуратуры за время: сентябрь 1929 – май 1930. Новосибирск: [Б. и.], 1930. 121 с.
Rabota organov yustitsii Sibkraya. Kratkij otchet kraisuda i kraiprokuratury za vremya: sentyabr' 1929 – mai 1930 [The Work of Justice in Siberia. A Brief Report of the Regional Court and Prosecuting Authority between September 1929 – May 1930]. Novosibirsk, 1930, 121 p. (in Russ.)

Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917–1941 гг.). Уфа, 1994. 465 с.
Rasskazov L. P. Karatel'nye organy v protsesse formirovaniya i funktsionirovaniya administrativno-komandnoi sistemy v Sovetskom gosudarstve (1917–1941 gg.) [Retributory Institutes during the Process of Formation and Functioning of the Administrative-Command System in the Soviet State 1917–1941]. Ufa, 1994, 465 p. (in Russ.)

Советская прокуратура: очерки истории. М.: Изд-во НИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1993. 136 с.
Sovetskaya prokuratura: ocherki istorii [Soviet Prosecutor's Office: Essays about its History]. Moscow, Izdatel'stvo NII problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka, 1993, 136 p. (in Russ.)

Советская прокуратура: страницы истории. М.: Юрид. лит., 1982. 348 с.
Sovetskaya prokuratura: stranitsy istorii [Soviet Prosecutor's Office: Pages of History]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1982, 348 p. (in Russ.)

Сталин И. В. Сочинения. М.: Политиздат, 1949. Т. 11. 400 с.
Stalin I. V. Sochineniya [Works]. Moscow, Politizdat, 1949, vol. 11, 400 p. (in Russ.)

Теребилов В. И. Законность и правосудие в СССР. М.: Политиздат, 1987. 224 с.
Terebilov V. I. Zakonnost' i pravosudie v SSSR [Law and justice in the USSR]. Moscow, Politizdat, 1987, 224 p. (in Russ.)

Угроватов А. П. НЭП и законность (1921–1929 гг.). Новосибирск: [Б. и.], 1997. 107 с.
Ugrovatov A. P. NEP i zakonnost' (1921–1929 gg.) [The NEP and Lawfulness (1921–1929)]. Novosibirsk, 1997, 107 p. (in Russ.)

Яковлев Я. А., Рассамахин Ю. К. Рассказы о томской прокуратуре. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. Т. 1. 496 с.; Т. 2. 310 с.
Yakovlev Ya. A., Rassamakhin Yu. K. Rasskazy o tomskoy prokurature [Stories about the Tomsk Prosecutor's Office]. Tomsk, Izdatel'stvo TGU, 2004, vol. 1, 496 p.; vol. 2, 310 p. (in Russ.)

Список источников / Sources

Известия Сибкрайкома РКП(б) / ВКП(б). 1925. № 1, 4/5, 6/7; 1926. № 1–5, 7, 8; 1927. № 6/7.
Izvestiya Sibkraikoma RKP(b) / VKP(b) [Proceedings of Regional Party Authority in Siberia of the RCP(b) / VKP(b)], 1925, no. 1, 4/5, 6/7; 1926, no. 1–5, 7, 8; 1927, no. 6/7. (in Russ.)

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР за 1922. М.: Управ. делами СНК РСФСР, 1922. № 36. Ст. 424.
Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR za 1922 [Collection of Laws and Orders of the Workers and Peasants Government of the RSFSR in 1922]. Moscow, Upravlenie delami SNK RSFSR, 1922, no. 36, 424 p. (in Russ.)

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР за 1925. М.: Управ. делами СНК РСФСР, 1925. № 82. Ст. 619.
Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR za 1925 [Collection of Laws and Orders of the Workers and Peasants Government of the RSFSR in 1925]. Moscow, Upravlenie delami SNK RSFSR, 1925, no. 82, 619 p. (in Russ.)

Советская Сибирь. 1923. 7 сент.; 1925. 12 июля, 13 авг.; 1926. 9 марта, 3 авг., 20 нояб.
Sovetskaya Sibir' [Soviet Siberia], 1923. Sept. 7; 1925. July 12, Aug. 13; 1926, March 9, Aug. 3, Nov. 20. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
23.09.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Исаев Виктор Иванович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора истории социально-экономического развития Института истории СО РАН (Новосибирск), профессор Новосибирского военного института войск национальной гвардии РФ (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2, Новосибирск, 630114, Россия, history49@mail.ru)

Viktor I. Isaev, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Sector of History of Social-Economic Development, Institute of History of the SB RAS (Novosibirsk); Professor, Novosibirsk Military Institute of National Guard Troops of the Russian Federation (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; 6/2 Klyuch-Kamyshenskoe Plateau Str., Novosibirsk, 630114, Russian Federation, history49@mail.ru)

Михеев Дмитрий Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент Новосибирского военного института войск национальной гвардии РФ (ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2, Новосибирск, 630114, Россия, dimamix@list.ru)

Dmitry Yu. Mikheev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk Military Institute of National Guard Troops of the Russian Federation (6/2 Klyuch-Kamyshenskoe Plateau Str., Novosibirsk, 630114, Russian Federation, dimamix@list.ru)

УДК 94 (439).08+325.254.6 «1956/1957»
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-105-115

Депортация венгерских граждан в СССР в 1956–1957 годах: современные аспекты изучения проблемы

А. Шереш

Институт истории Центра гуманитарных наук Венгерской академии наук
Будапешт, Венгрия

Аннотация

Статья посвящена изучению на современном этапе проблематики событий Венгерской революции 1956 г., когда в рамках операции «Вихрь» с 4 ноября 1956 г. на территории Венгрии были проведены интернирование венгерских гражданских и военных лиц и их депортация на территорию Советского Союза органами безопасности СССР. Первый эшелон венгерских граждан был вывезен с территории Венгрии непосредственно после подавления венгерской революции, а последний 15 ноября того же самого месяца. По данным списков интернированных с территории Венгрии было вывезено 860 лиц из числа венгерских граждан. Депортированные были допрошены в Ужгородской и Стрыйской тюрьмах КГБ, а потом отправлены на родину несколькими эшелонами в период до 7 января 1957 г. Советское руководство стремилось замалчивать факты о депортациях перед своим населением и мировым сообществом, используя для этого различные каналы, в том числе выступления общественных деятелей и иерархов церкви.

Ключевые слова

Венгерская революция 1956 г., интернирование, депортация иностранных граждан в СССР, конфессии в Закарпатской и Львовской областях УССР, 1956–1957 гг.

Для цитирования

Шереш А. Депортация венгерских граждан в СССР в 1956–1957 годах: современные аспекты изучения проблемы // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 1: История. С. 105–115. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-105-115

Deportation of Hugarian Citizens to the USSR in 1956–1957: Modern Aspects of Studying the Problem

A. Seres

Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences
Budapest, Hungary

Abstract

Large-scale deportations of foreign citizens to the USSR territory, arrested and deported for political reasons, seems to be a unique case in the history of foreign affairs, especially between the USSR and its socialist regime allies. The deportation of Hungarian citizens, which took place after the Hungarian Revolution in 1956, seems to be the last of such events. Since November 4th, 1956 as part of the Soviet Army operation "Vihr" a large number of Hungarian citizens were deported from the territory of Hungary to the USSR by Soviet military and security agencies. The first party of Hungarian citizens taken across the border to the Soviet Union was transferred at night on November 4th, and the last on November 15th. According to KGB statistics, the total amount of relocations was 860 people. All Hungarians were

© А. Шереш, 2019

interrogated by the Soviet security agencies in KGB's prisons in Uzhgorod and Striy and gradually sent back to Hungary up until January 7th, 1957. The aim of this study is to summarize the actual results of Hungarian historiography research on this topic. Special attention is paid to propaganda mechanisms of concealing facts of Hungarian deportations by the Soviet authorities from their own citizens, especially with the help of religious leaders from Soviet-Hungarian boundary territories. These facts were pretty well-known among locals, and the situation came to a serious conflict between church authorities and parishioners in these regions. As a result, it could be mentioned that Hungarian citizens (local revolutionary committees and student group members, military and security agency officials and so on) were selected to be deported by criteria such as their possibility of being participants of "counter-revolutionary events". However, the principles of this selection still require a more detailed investigation.

Keywords

The Hungarian Revolution in 1956, Internment, Deportation of foreign citizens to the USSR, Confessions in Zakarpattia and Lviv regions of Ukraine, 1956–1957

For citation

Seres A. Deportation of Hungarian Citizens to the USSR in 1956–1957: Modern Aspects of Studying the Problem. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 1: History, p. 105–115. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-105-115

Развернутая после заключения Парижского мирного договора 1947 г. массовая депортация *иностранных граждан* на территорию СССР по политическим и военно-политическим причинам является беспрецедентной в истории международных отношений СССР, и особенно в истории взаимоотношений между Советским Союзом и сопредельными с ним «союзными» европейскими социалистическими странами. В более поздний период мы можем обратить внимание лишь на одно подобное явление: вывоз венгерских гражданских лиц советскими военными органами с их родины в западную полосу СССР, граничащую с Венгрией, после кровавых событий в Венгрии, потрясших не только лагерь «народной демократии», но и весь мир в 1956 г.

Этот исторический феномен обращает на себя внимание и с той точки зрения, что, как известно, вторая половина 1950-х гг. стала завершающим этапом в истории репатриации иностранных граждан, в том числе немецких военнопленных, самой многочисленной группы иностранных граждан в лагерях для военнопленных в СССР [Конасов, 1996; Всеволодов, 2010], а также польских граждан, интернированных и частично вывезенных с польской территории в Советский Союз во время Второй мировой войны [Kopka, 2013]. Мы можем считать этот исторический феномен заслуживающим внимания и потому, что хрущевская «оттепель», выраженная в самых ярких формах после XX съезда КПСС в 1956 г., «славилась» и тем, что ставила точку в истории «внутреннего» переселения отдельных гражданских групп, особенно представителей самых разных национальностей СССР: татар, чеченцев, ингушей, эстонцев, закарпатских венгров и т. д.

Основная источниковая база для изучения данной проблематики находится в Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины в Киеве (по-украински: Галузевий державний архів СБ України, далее – ГДА СБУ), в фонде № 62, который содержит отсканированные копии отдельных архивных коллекций, собранных из областных подведомственных архивных центров спецслужб Украины. Оригиналы документов, относящихся к депортации венгерских граждан, хранятся в Областном отделении Архива СБУ Закарпатской области. Хотя научная обработка этого материала венгерскими и украинскими исследователями началась только во второй половине 2000-х гг., благодаря в первую очередь историкам Дьёрдю Луп-

ковичу, Наталии Варади, Александру Пагире и Миклошу Хорвату [Lupkovics, 2008a; 2008b; 2009a; 2009b; Váradi, 2012a; 2012b; 2013; 2014; 2015; Horváth, Pahirya, 2012] мы уже располагаем достаточными сведениями о самых существенных фактах процесса депортации венгерских граждан в СССР в 1956–1957 гг. Эти научные труды позволяют судить о данной проблематике не только в общих чертах, но и в деталях. Например, мы можем определить период проведения депортации и возврата на родину отдельных лиц, численность, также социальный, возрастной, половой и т. д. состав депортированных контингентов, возможные мотивации и причины арестов, интернирования и депортации венгерских гражданских и военных лиц советскими органами безопасности.

До начала трансформации политической и общественной системы в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. факты депортации венгерских граждан советское руководство пыталось замалчивать не только в самом СССР, но и перед мировым сообществом. Хотя несомненно, что в российской историографии пока не хватает основательного научного труда, который мог бы подытожить специально для российского читателя последние научные достижения венгерской историографии по данной тематике. В связи с этим цель написания настоящей статьи – ознакомить читателя с некоторыми данными об отношении советского руководства к вопросу об «обнародовании» фактов депортации и дать краткий очерк о «судьбе» этого исторического феномена в современной историографии. Хотя недавно нам удалось провести исследовательскую работу в Архиве СБУ, обработка найденных документов и их анализ по отдельным аспектам изучаемой проблемы послужат основой для других дальнейших публикаций.

Депортации венгерских граждан начались 4 ноября 1956 г., т. е. в день проведения на территории Венгрии операции советских войск под названием «Вихрь». Первый эшелон депортированных лиц, который включал полный состав коллектива железнодорожной станции пограничного г. Захоня, был вывезен в эту ночь. Судьба этого первого эшелона, состоявшего из 58 лиц, подробно описана в биографии начальника Захоньской железнодорожной станции, Шандора Сюча [Filep, 1995. O. 52, 53]. О темпах депортации данные отдельных авторов разнятся. Согласно данным Наталии Варади, до 7 ноября вывозили по 1–2 чел. каждый день, а с 8 ноября депортации приобрели массовый характер: в тот день увезли 8 чел., 9-го числа – 58, 10-го – наибольшее число, 319 лиц, 11-го числа – 230, 12-го – 42, 13-го – 13 лиц, 14-го – 136, а в последний день, 15-го числа всего 6 чел. [Váradi, 2012b. O. 12] [1]. Статистические своды, составленные Миклошем Хорватом и Александром Пагирей, свидетельствуют о том, что депортации начались только 7 ноября и проводились на протяжении 8-го, 9-го, 10-го, 12-го и 14-го чисел, согласно данным названных исследователей последний эшелон был отправлен в СССР не 15, а 17 ноября [Horváth, Pahirya, 2012. O. 65, 66].

В вопросе об общей численности депортированных мнения исследователей почти совпадают: советские обобщающие списки о депортированных устанавливают их численность в 846 чел., подробный анализ отдельных протоколов допросов вывезенных граждан позволяет определить их общее число в 860 чел. [Váradi, 2012b. O. 11; Horváth, Pahirya, 2012. O. 65, 66]. Однако, как предполагает Наталия Варади, с вовлечением в научный оборот новых источников эта цифра может превысить тысячу чел. [Váradi, 2012a. O. 40]. Такое предположение могут подтвердить и воспоминания генерал-лейтенанта Е. И. Малашенко, возглавившего оперативную группу штаба Особого корпуса в Будапеште в ноябре 1956 г., в которых советский офицер заявлял, что из Венгрии были депортированы свыше тысячи чел. [Malasenko, 1996. O. 235].

[1] На основе обработки этой документации автор не мог определить дату вывоза 15 лиц.

Согласно исследованиям Н. Варади, возврат на родину венгерских граждан проводился в период с 5 декабря 1956 г. по 5 января 1957 г., но вместе с тем она отмечает, что сведениями о точных датах возврата 115 чел. мы не располагаем [Váradi, 2012b. O. 14]. По мнению М. Хорвата и А. Пагири, первый контингент депортированных, в состав которого вошли в основном женщины и несовершеннолетние, возвратился на родину уже в период с 17 по 19 ноября 1956 г. Они утверждают, что последние венгерские граждане были отправлены из СССР на родину 7 января 1957 г. [Horváth, Pahirya, 2012. O. 78–80].

Все депортированные с территории Венгрии, за исключением трех лиц, были гражданами Венгрии. Трое были гражданами ФРГ, сотрудниками Красного Креста. Протоколы их допросов были опубликованы на венгерском языке, о возможных причинах их арестов и интернирования мнения специалистов совпадают: советские органы безопасности подозревали, что они занимались шпионажем в Будапеште [Lupkovics, 2009a; Váradi, 2014]. Упомянутый выше начальник Захоньской железнодорожной станции Шандор Сюч рассказал своему биографу Тамашу Филепу, что в Ужгородскую тьюрму КГБ был вывезен с территории Венгрии один дипломат, сотрудник посольства Израиля [Filep, 1995. O. 59]. Надо, однако, подчеркнуть, что эта информация о якобы насильственной перевозке иностранных дипломатов на территорию СССР не подтверждается ни одним научным трудом.

Интересно отметить, что среди депортированных по национальному происхождению были не только венгры, но и лица других национальностей, которые при допросе называли себя, например, цыганами [2], евреями [3] или хорватами [4]. Среди депортированных были двое греческих политэмигрантов [5], живших с 1949–1950 гг. в Венгерской Народной Республике.

Обработка данных списков депортированных по половому составу дает основания констатировать, что подавляющее большинство из них, 835 чел., были мужчинами, а женщин – всего 25 чел. Однако читателя может поразить большое число несовершеннолетних: 75 чел., т. е. примерно 9 % от всего числа депортированных, родились в период с 1939 до 1943 г. Если принять во внимание, что еще 80 чел. из числа депортированных родились в 1937–1938 гг., то общая доля тех, которым в 1956 г. еще не исполнилось 20 лет, была 18 %. Небезынтересно выделить и факт того, что среди 25 женщин были 9 несовершеннолетних девушек. Самая большая доля перевезенных через границу, 559 чел., принадлежала к поколению двадцатилетних, т. е. 65 % депортированных лиц в 1956 г. еще не исполнилось 30 лет [Horváth, Pahirya, 2012. O. 66, 67; Váradi, 2012b. O. 11, 12].

Подавляющее большинство депортированных были перевезены в СССР по железной дороге, в составах с закрытыми вагонами, через железнодорожные станции Захонь и Чоп. Исключение составили члены штаба и сопровождения венгерской военной делегации на переговорах с советскими военными органами в Тёкёле во главе с министром обороны Венгрии Палом Малетерем. Члены этого штаба, всего 22 чел., были транспортированы непосредственно с воздушной базы в Тёкёле военным самолетом на Ужгородский военный аэродром 9 ноября [Váradi, 2015. O. 256–258].

В ходе начального этапа процесса депортации все 860 лиц были доставлены в тюрьму № 1 МВД УССР в Ужгороде. Но, насколько можно судить по докладной записке заместителя министра внутренних дел СССР М. Н. Холодкова из Ужгорода министру внутренних дел

[2] Как, например, Карой Хорват. См.: Протокол допроса Кароя Хорвата. Ужгород, без даты. ГДА СБУ. Ф. 62. Оп. 2. Спр. 5. Арк. 130–132.

[3] Справка на Абри Бениамин-Дьёрдя. Ужгород, без даты. ГДА СБУ. Ф. 62. Оп. 2. Спр. 6. Арк. 44–45.

[4] См.: Справка на Мартина Новосела. Ужгород, 28 ноября 1956 г. ГДА СБУ. Ф. 62. Оп. 2. Спр. 10. Арк. 84.

[5] См.: Протокол допроса Царухидиса Георгиоса. Ужгород, 21 ноября 1956 г. ГДА СБУ. Ф. 62. Оп. 2. Спр. 6. Арк. 238–238 об.; Протокол допроса Лазаридиса Дамяноса. Ужгород, 29 ноября 1956 г. Там же. Спр. 8. Арк. 95–97.

Н. П. Дудорову от 15 ноября 1956 г. об организации приема и содержания депортированных венгров, из-за перегруженности этой тюрьмы советские органы безопасности решили распределить всех депортированных по тюрьмам, находившимся в Львовской, Станиславской и Черновицкой областях, в городах Стрые, Дрогобыче, Черновцах и Станиславе [Советский Союз и венгерский кризис…, 1998. С. 652–656]. Согласно этому плану, первый контингент депортированных, в числе 463 чел., был перевезен в Стрый, но потом советские органы безопасности решили приостановить процесс распределения, поскольку считали целесообразным все-таки оставить в одном месте арестованных венгерских граждан [Horváth, Pahirya, 2012. O. 64].

Мотивы арестов и осуществление их советскими органами безопасности хорошо изучены современной венгерской историографией. Приведем лишь тот факт, что согласно анализу данных о депортированных 37 % всех вывезенных лиц состояли на службе в разных государственных, в том числе правоохранительных органах, милиции, армии и т. д., или работали государственными служащими, как, например, железнодорожники. Если учитывать долю этой категории лиц среди совершеннолетних мужчин, то приходим к выводу, что она составляет более 40 % [Ibid. O. 67]. Задачей советских органов безопасности и военных властей было выявление лиц, которых можно обвинить в участии – по советской терминологии – в «путче». Не случайно поэтому, что помимо лиц, служивших в силовых структурах, они попытались привлекать к ответственности членов созданной во время революции так называемой «национальной стражи».

Однако по данным российских источников можно констатировать, что советские органы сами предполагали, что выполнить эту задачу полностью не удалось. Напомним лишь тот факт, что число депортированных не совпало с общим числом всех арестованных. Согласно докладной записке начальника Особого отдела КГБ по 38-й армии полковника Я. И. Яковлева, по состоянию на 11-е января 1957 г. по результатам оперативной работы советских органов в Венгрии было арестовано 12 412 чел. [Венгерские события…, 2009. С. 364]. По данным М. Хорвата и А. Пагири, было арестовано 14 865 чел. [Horváth, Pahirya, 2012. O. 64]. Целесообразно здесь привести цитату из упомянутой докладной записки М. Н. Холодкова: «Наличие среди арестованных несовершеннолетних в возрасте от 14 до 17 лет, в том числе девочек, дает основание предполагать, что могли быть необоснованные аресты» [Советский Союз и венгерский кризис…, 1998. С. 654]. И. А. Серов, председатель КГБ, в телефонограмме Н. С. Хрущеву от 19 ноября подверг критике слишком «гибкую» позицию заместителя министра внутренних дел. Но все-таки и он был вынужден признать, что «при отправке задержанных и арестованных в первые дни имели место случаи, когда командиры воинских частей помимо особых отделов и представителей органов госбезопасности самостоятельно направляли на станцию Чоп задержанных, а лагеря МВД без согласованности с нами при отсутствии каких-либо следственных материалов на этих лиц принимали их на содержание». В пример он приводил 68 учащихся Будапештского ремесленного училища, направленных командиром одной из дивизий, которых по указанию И. С. Конева освободили и доставили в венгерскую столицу [Там же. С. 662].

Как мы уже упоминали выше, факты депортации венгерских граждан на территорию СССР в 1956–1957 гг. в последующие десятилетия замалчивались как советской, так и венгерской политической верхушкой перед своей общественностью и мировым сообществом. Первые публичные сведения об этом вышли в свет на венгерском языке, благодаря двум сборникам документов, опубликованных в начале 1990-х гг. Первый из них, получивший название «Досье Ельцина», содержит коллекцию документов об истории венгерской революции 1956 г. из фондов Архива Президента РФ [A "Jelcin-dosszié"…, 1993]. Эта коллекция была вручена

самим Б. Н. Ельциным, президентом Российской Федерации, своему партнеру, президенту Венгерской Республики Арпаду Генцу во время официального визита в Венгрию 11 ноября 1992 г. Второй сборник на венгерском языке с названием «Пропавшие листы из книги истории 1956 г.» был составлен и отредактирован российскими специалистами А. С. Стыкалиным и В. Т. Середой [Hiányzó lapok…, 1993], которые сами играли ведущую роль в отборе документов к материалу сборника из дел бывшего Архива ЦК КПСС (в настоящее время: Российский государственный архив новейшей истории, далее – РГАНИ).

В обоих сборниках была опубликована справка Ю. В. Андропова, посла СССР в ВНР, и И. А. Серова, председателя КГБ СССР Центральному комитету КПСС от 14 ноября 1956 г. об отправке арестованных венгров на территорию СССР и о дебатах насчет этого с венгерскими партийными лидерами, в том числе с главой вновь созданного венгерского правительства Яношем Кадаром [A "Jelcin-dosszié"…, 1993. O. 132, 133; Hiányzó lapok…, 1993. O. 152, 153]. Венгерские редакторы первого сборника в комментариях отметили, что они не располагают дополнительными сведениями об этом вопросе, а российские историки, кроме упомянутого документа, уже имели возможность ознакомить венгерскую общественность и с другими первоисточниками по этому вопросу, в том числе телефонограммами И. А. Серова от 11, 13 и 19 ноября об оперативной работе советских органов безопасности на территории Венгрии, которые содержат точные данные о числе задержанных и отправленных на советскую границу эшелонами венгерских граждан. В этом сборнике, помимо вышеупомянутых документов, можно обнаружить и докладную записку заместителя министра внутренних дел СССР М. Н. Холодкова из Ужгорода министру внутренних дел Н. П. Дудорову об организации приема и содержания депортированных венгров в выделенных для проведения следствия и допросов арестованных тюрьмах Закарпатской и Львовской областей [Hiányzó lapok…, 1993. O. 145–151, 154–164]. В 1998 г. вышел самый полный сборник документов об истории «венгерского 1956 г.» на русском языке, который включает максимальное количество российских документов о событиях венгерской революции. Благодаря этому сборнику, российская общественность тоже была поставлена в известность о депортациях венгров [Советский Союз и венгерский кризис…, 1998. С. 638–641, 647–656, 661–665].

Естественно, факты о депортациях скрывать полностью перед венгерским населением и мировым сообществом было невозможно, и не только из-за многочисленных выброшенных из окон закрытых вагонов клочков бумаги с весточками о вывозе граждан и обращениями к помощи, но также из-за угрожающе конфликтной ситуации между правительством Кадара и советскими политическими лидерами. Вывоз «рабочих рук» за пределы страны был совсем не в интересах вновь созданного 4 ноября правительства Кадара. С одной стороны, в это время, т. е. начиная с 4 ноября, уже наблюдался процесс массового бегства венгров за рубеж, в основном на Запад, через Австрию и Югославию. С другой стороны, после того, как Кадар пришел к власти, рабочие советы объявили всеобщую забастовку по всей стране. Для восстановления общественного порядка и народного хозяйства самому венгерскому правительству не хватало рабочей силы, и в первые дни после прихода к власти Кадара цифры лиц, вывезенных советскими органами за пределы страны, оказались для него непредвиденными.

Возникновение конфликтной ситуации было связано с забастовкой, объявленной рабочими лесообрабатывающего государственного предприятия [6] в г. Ньиредьхазе 15 ноября. Рабочие этой фабрики объявили забастовку именно из-за того, что днем ранее состав с закрытыми вагонами, в которых перевозили граждан Венгрии, проходил через станцию города. Когда поезд проходил через станцию, люди в вагонах начали демонстративно петь венгерский гимн, а так-

[6] По-венгерски: Kelet-Magyarországi Faipari Vállalat.

же выбрасывали листы бумаги со своими именами и адресами. Именно эти весточки попали в руки представителей рабочих советов, и не только их. Хотя сначала местный обком ВСРП опровергал известия, связанные с депортированными гражданскими лицами, но под воздействием объявленной забастовки был вынужден признаваться в этих фактах. Благодаря такому общественному нажиму, Сабольч-Сатмарский обком ВСРП даже создал специальную комиссию в составе троих партийных деятелей для обследования вопроса о вывозе венгров в СССР. Комиссия еще 16 ноября на специально отведенной машине обкома заехала в Захонь, пограничный пункт Венгрии с СССР, во всех населенных пунктах вдоль железной дороги опрашивала жителей и собрала свыше 100 выброшенных из окон вагонов листов бумаги [Fazekas, 1994. O. 56, 57]. Факты о деятельности специальной комиссии обкома были опубликованы и в местном партийном печатном органе [1956 októbere…, 1989. O. 216–217].

Официальное коммюнике обкома трактовало результаты обследования своей специальной комиссии таким образом, как будто между советским и венгерским правительствами существовала договоренность, согласно которой запрещалось вывозить за пределы Венгрии граждан страны, даже и тех, которые с оружием в руках сражались против «народной власти» [Ibid. O. 217]. Хотя наличие такой договоренности подтвердить нельзя, и о вывозе венгров было известно венгерскому правительству, по всей видимости, его массовый характер и объявленные забастовки в восточной части страны в знак протеста против депортации вынудили венгерских лидеров воспрепятствовать этому процессу. Как об этом потом вспоминал Пал Балинт, глава специальной комиссии Сабольч-Сатмарского обкома ВСРП, они, после обследования, через своего доверенного информировали об этом Ференца Мюнниха, министра внутренних дел Венгрии, который в тот же день предпринял шаги к приостановлению вывоза венгров в СССР [Fazekas, 1994. O. 60–62]. Мы предполагаем, что такое изложение событий может соответствовать действительности, поскольку, как показывают исследовательские данные Наталии Варади, последний многочисленный эшелон венгерских депортированных, который содержал 136 чел., выехал из страны 15 ноября, а днем позже, т. е. 16-го числа, последним транспортом советские органы вывозили «лишь» 6 чел. [Váradi, 2012b. O. 12].

Международному сообществу стало известно о фактах депортации венгерских граждан в СССР. Об этом свидетельствует, например, письмо колумбийского писателя Хорхе Заламеа, члена Секретариата Всемирного совета защиты мира, И. Г. Эренбургу, в котором говорится о настроениях в ведущих кругах этой международной организации в связи с расправой с венгерскими повстанцами. В этом письме колумбийский писатель открыто писал о том, что вопрос, который больше всего волнует западных интеллигентов, это известия о депортации венгров в СССР [7]. Перевод на русский язык этого письма был отправлен Центральному комитету КПСС ответственным секретарем Советского комитета защиты мира М. И. Котовым [8]. Как известно, Эренбург в это время был членом Бюро Всемирного совета защиты мира и незадолго до получения этого письма, 18 ноября сам принимал участие в заседании Бюро в Хельсинки, которое занималось обсуждением вопроса о создавшейся ситуации в Венгрии. Известно также, что вопреки предложенному Эренбургом «уравновешенному» проекту официального заявления Всемирного совета защиты мира, Президиум ЦК КПСС принял постановление о позиции советских членов на форумах Всемирного совета защиты мира, которое подтвердило вмешательство СССР во внутренние дела Венгрии [A “Jelcin-dosszié”…, 1993. O. 116–120].

Личное отношение И. Г. Эренбурга к событиям в Венгрии осенью 1956 г. хорошо изучено в статье российского историка А. С. Стыкалина [2016]. Нам бы хотелось лишь подчеркнуть,

[7] Письмо Х. Заламеа И. Г. Эренбургу. Вена, 23 ноября 1956 г. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 448. Л. 209–213.

[8] См.: Письмо Х. Заламеа И. Г. Эренбургу. Вена, 23 ноября 1956 г. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 448. Л. 209.

что слухи о депортациях венгерских граждан в СССР не могли не дойти до представительных кругов международного сообщества. Более того, как об этом свидетельствует Шандор Сюч, бывший начальник пограничной железнодорожной станции в Захоне, такими непосредственными сведениями мог располагать и секретарь Специальной комиссии по обследованию советского вмешательства в Венгрии ООН, датский дипломат Пауль Банг-Енсен. Сюч уже в первый день операции «Вихрь», т. е. 4 ноября, вместе с коллективом станции был перевезен на территорию СССР. В конце декабря органы МВД СССР отпустили его с группой венгерских граждан из Ужгорода, он успел вернуться в Венгрию, откуда в январе 1957 г. сбежал в Югославию. Скоро, уже весной того же года, из лагеря беженцев он был отправлен в Норвегию, где стал свидетелем упомянутой комиссии ООН, и как это явствует из его воспоминаний, протокол о его свидетельстве о депортациях был составлен лично Банг-Енсеном [Filep, 1995. O. 70].

Мы считаем небезынтересным обратить внимание российского читателя и на то, каким образом советские лидеры попытались опровергать слухи о депортациях венгров перед собственным населением в СССР. Для этой цели использовались церковные иерархи разных вероисповеданий, епархии которых находились в пограничных с Венгрией областях СССР. Так, в официальном ежедневном органе Верховного Совета СССР, в «Известиях», 27 ноября было опубликовано заявление Мукачевского и Ужгородского православного епископа Ваарлама (Известия. 1956. 27 нояб. С. 4), а днем позже заявление православного архиепископа Львовского и Тернопольского Палладия (Там же. 28 нояб. С. 4), в которых названные иерархи опровергали «ложные» слухи о депортацях венгерских граждан на территорию СССР. Мы можем обоснованно предположить на основе найденного нами документа в Российском государственном архиве новейшей истории, докладной записке Г. Г. Карпова, председателя Совета по делам Русской православной церкви (РПЦ) Совету министров от 29 ноября 1956 г. о позиции Московского патриархата по событиям в Венгрии [9], что оба этих церковных иерарха были побуждены к тому, чтобы сделать такое заявление, государственными органами, контролирующими деятельность Московского патриархата. Для того чтобы опровергать факты о депортациях, именно эти иерархи были предназначены не случайно, так как поезда с венгерскими гражданами проходили через территорию подведомственных им епархий. На основе документов советских государственных и церковных органов можно предполагать, что жители Закарпатской и Львовской областей, особенно верующие люди, распространяли сведения о проходивших составах с венгерскими гражданами в своих приходах. Именно этим объясняется и то, что неправославные церковные иерархи Закарпатской области, как, например, Бела Генчи, епископ Венгерской реформатской церкви в Закарпатье, и Михаил Мочарко, старший пресвитер Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов Закарпатской области тоже были побуждены сделать аналогичное заявление в форме открытого письма Ассамблее ООН. Эти письма, датированные 23 ноября 1956 г., уверяли, что верующие венгерской национальности, живущие в пограничной с Венгрией полосе СССР, с 23 октября, т. е. с начала событий в Венгрии, не замечали никаких фактов о перевозке через территорию области венгерских граждан [10]. Понятно, что заявление этих иерархов мировому сообществу имело огромное значение с точки зрения курса на опровержение фактов о депортациях: в приходах реформатской и баптистской церквей Закарпатья сосредоточилось самое большое число граждан СССР венгерской нацио-

[9] См.: Докладная записка Г. Г. Карпова Совету министров СССР о позиции Московского патриархата по событиям в Венгрии. Москва, 29 ноября 1956 г. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 146. Л. 56–57.

[10] Докладная записка М. Ф. Распутько, уполномоченного Совета по делам религиозных культов в Закарпатской области, В. И. Гостьеву, председателю Совета по делам религиозных культов, об открытых письмах Б. Генчи и М. А. Мочарко. Ужгород, 26 ноября 1956 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 1117. Л. 188–190.

нальности. Небезынтересно отметить, что оба упомянутых иерарха потом вошли в конфликт со своими прихожанами, которые, зная правду о депортации, осуждали подчинение своих церковных руководителей государственным органам по этому вопросу и их открытое выступление на стороне советской власти. Обоим иерархам пришлось провести настоящую «чистку» в отдельных приходах епархий [11].

В качестве заключения нам бы хотелось подчеркнуть, что, как уже упоминалось выше, анализ профессионального состава и социального статуса депортированных позволяет сделать выводы в отношении логики и методов отбора венгерских граждан для отправки на территорию СССР. Советскими военными органами и органами безопасности отбирались в первую очередь лица, которых можно было обвинять в причастности к «контрреволюционным» событиям, как, например, члены местных революционных комитетов и так называемой «национальной стражи», члены вузовских революционных союзов, государственные служащие и лица, состоявшие в венгерских силовых структурах, полиции и армии. В дальнейшем необходимо глубже проанализировать причины и мотивы вывоза венгерских граждан за пределы своей страны и допросов их на советской территории, а также времени их недолгого заключения на территории СССР. С 4 ноября 1956 г. по 7 января 1957 г., т. е. до возвращения последнего эшелона, прошло чуть более двух месяцев, что является весьма кратким периодом времени. Но краткость времени может сама по себе объяснить и причины возврата: допросы венгерских граждан в СССР нарушали не только суверенитет венгерского правительства, но и его интересы по скорейшей консолидации общественной жизни страны.

Список литературы / References

Всеволодов В. А. Ступайте с миром. К истории репатриации немецких военнопленных в СССР (1945–1958 гг.). М.: Konrad Adenauer Stiftung, 2010. 386 с.

Vsevolodov V. A. Stupaite s mirom. K istorii repatriatsii nemetskikh voennoplennykh v SSSR (1945–1958 gg.) [Go in Peace. Regarding the History of Repatriations of German Prisoners in the USSR (1945–1958)]. Moscow, Konrad Adenauer Stiftung, 2010, 386 p. (in Russ.)

Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР. Дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда: ВИПКПК, 1996. 320 с.

Konasov V. B. Sud'by nemetskikh voennoplennykh v SSSR. Diplomaticheskie, pravovye i politicheskie aspekty problemy. Ocherki i dokumenty [Fate of German Prisoners in the USSR. Diplomatic, Legal and Political Aspects of the Problem. Essays and Documents]. Vologda, VIPKPK, 1996, 320 p. (in Russ.)

Стыкалин А. С. Илья Эренбург и осень 1956 года. К истории взаимоотношений писателя с хрущевской партийной элитой и левой интеллигенцией Запада // Стыкалин А. С. Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М., 2016. С. 88–99.

Stykalin A. S. Il'ya Erenburg i osen' 1956 goda. K istorii vzaimootnoshenii pisatelya s khrushchevskoi partiinoi elitoi i levoi intelligentsiei Zapada [Ilya Ehrenburg and the 1956's Fall. To the History of the Writer's Relationships with Khrushchev's Party Elite and Western Left Intelligentsia]. In: Stykalin A. S. Vengerskii krizis 1956 goda v istoricheskoi retrospective [A Historical Perspective of the 1956 Hungarian Crisis]. Moscow, 2016, p. 88–99. (in Russ.)

Fazekas Á. 1956 Szabolcs-Szatmárban, a valóságban. Nyíregyháza, Béke Tsz. Nyomda, 1994, 148 o.

[11] См., например: Докладная записка М. Ф. Распутько, уполномоченного Совета по делам религиозных культов в Закарпатской области, В. И. Гостьеву, председателю Совета по делам религиозных культов, о конфликтах внутри Реформатской и Баптистской церквей. Ужгород, 13 декабря 1956 г. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 1117. Л. 208–211; Д. 1118. Л. 1–3.

Horváth M., Pahirya O. Kényszerkirándulás a Szovjetunióba. Magyar deportáltak a KGB fogságában – 1956. Budapest, Argumentum Kiadó, 2012, 407 o.

Kopka B. "Polski GUŁag" 1944–1956. Perspektywa statistyczna. In: Sowiecki system obozów i więzień. Łódź, 2013, s. 133–147.

Lupkovics G. A Nemzetközi Vöröskereszt aktivistái a magyar forradalomban és a KGB fogságában. In: Betekintő. Budapest, 2009a, sz. 3, o. 42–48.

Lupkovics G. A tököli tárgyalóküldöttség kísérete. KGB-s dokumentumok az 1956. november 3-án Maléter Pál vezette küldöttség kíséretének kihallgatásáról. In: Betekintő. Budapest, 2009b, sz. 4. URL: http://www.betekinto.hu/sites/default/files/betekinto-szamok/2009_4_lupkovics.pdf.

Lupkovics G. Az 56-os deportáltak iratai a KGB irattárában. In: Betekintő. Budapest, 2008a, sz. 3, o. 48–59.

Lupkovics G. Szabolcs-Szatmár megye 1956-os deportáltjai. In: Szabolcs-Szatmár-Beregi Szemle. Nyíregyháza, 2008b, sz. 4, o. 497–509.

Váradi N. 1956-os deportálások a Szovjetunióba. A KGB dokumentumai alapján. In: Acta Beregsasiensis. Beregszász, 2012a, sz. 2, o. 39–55.

Váradi N. A tököli kormánydelegáció kíséretére vonatkozó KGB-dokumentumok Ukrajna Állambiztonsági Hivatalának Ungvári Levéltárában. In: Mercurius Veridicus Novus. I. A II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola Történelemés Társadalomtudományi Tanszékének tanulmánygyűjteménye. Beregszász, 2015, o. 254–298.

Váradi N. Az 1956-os forradalom kárpátaljai dokumentumai (Forrásválogatás). In: A Szabolcs-Szatmár-Bereg Megyei Levéltár Kiadványai. II. Közlemények. Nyíregyháza, Nemzeti Kulturális Alap, 2012b, sz. 43, 191 o.

Váradi N. Dokumentumok a Nemzetközi Vöröskereszt munkatársairól Ukrajna Állambiztonsági Hivatalának ungvári archívumában.. In: Acta Beregsasiensis. Beregszász, 2014, sz. 1, o. 13–32.

Váradi N. Dokumentumok az 1956-ban Veszprémből a Szovjetunióba hurcolt egyetemistákról Ukrajna Állambiztonsági Hivatalának ungvári levéltárából. In: Veszprémi Szemle. Veszprém, 2013, sz. 4, o. 3–41.

Список источников / Sources

Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. М.: Объед. ред. МВД РФ, 2009. 520 с.
Vengerskie sobytiya 1956 goda glazami KGB i MVD SSSR. Sbornik dokumentov [Hungarian Events of 1956 from the Point of View of the USSR KGB and Ministry of Internal Affairs]. Moscow, Ob'edinennaya redaktsiya MVD RF, 2009, 520 p. (in Russ.)

Известия. 1956. 27, 28 нояб.
Izvestiya [*News*], 1956, Nov. 27, 28. (in Russ.)

Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы. М.: РОССПЭН, 1998. 863 с.
Sovetskii Soyuz i vengerskii krizis 1956 g. Dokumenty [Soviet Union and the Hungarian Crisis of 1956. Documents]. Moscow, ROSSPEN, 1998, 863 p. (in Russ.)

1956 októbere Szabolcs-Szatmár megyében. Dokumentumok. Nyíregyháza: MSZP Szabolcs-Szatmár Megyei és Nyíregyháza Városi Szervezete, 1989, 372 o.

A "Jelcin-dosszié". Szovjet dokumentumok 1956-ról. Budapest: Századvég Kiadó; 56-os Intézet, 1993, 242 o.

Filep T. A vasútért mindhalálig. Debrecen, 1995. 95 o.

Hiányzó lapok 1956 történetéből. Dokumentumok a volt SZKP KB Levéltárából. Budapest, Móra Ferenc Könyvkiadó, 1993, 327 o.

Malasenko J. I. A Különleges Hadtest Budapest tüzében. Egy szemtanú visszaemlékezései. In: Szovjet katonai intervenció 1956. Budapest, Argumentum Kiadó, 1996, o. 205–286.

Материал поступил в редколлегию
Received
23.10.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Шереш Аттила, PhD, научный сотрудник Института истории Центра гуманитарных наук Венгерской академии наук (ул. Калмана Тота, 4, Будапешт, 1097, Венгрия, seres.attila75@gmail.com)

Seres Attila, PhD, Research Worker, Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences (4 Tóth Kálmán Str., Budapest, 1097, Hungary, seres.attila75@gmail.com)

УДК 94 (47).084.9
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-116-129

Деятельность научно-технических обществ Татарской АССР по активизации изобретательства и рационализаторства в конце 1950-х – начале 1960-х годов

Д. А. Пинаева

Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева
Казань, Россия

Аннотация

Рассматривается деятельность общественных научно-технических объединений Татарской АССР в системе государственной политики, направленной на активизацию изобретательства и рационализаторства во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг., проводится оценка эффективности различных форм мобилизационного воздействия на инженерно-техническую общественность, рабочих-новаторов. Обосновы-вается положение о том, что дифференцированный характер структурных трансформаций научно-технических обществ, а также критерии оценки эффективности их деятельности отражали мобилизационный характер советской экономики. Административное давление на общественные объединения приводило к выхолащиванию инициативы, а реальные показатели эффективности заменялись количественными характеристиками. В существующей в СССР структуре управления научно-техническим прогрессом общественные организации не могли эффективно действовать и выполняли несвойственные их природе мобилизационные функции.

Ключевые слова

научно-технические общества, мобилизационная экономика, изобретательство, научно-технический прогресс, НТО, ВОИР, Татарская АССР

Благодарности

Публикация осуществлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 17-11-16007

Для цитирования

Пинаева Д. А. Деятельность научно-технических обществ Татарской АССР по активизации изобретательства и рационализаторства в конце 1950-х – начале 1960-х годов // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 1: История. С. 116–129. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-116-129

Overview of Activities Aimed at Encouraging Innovation and Improvement by the Scientific-Technical Societies of the Tatar ASSR in the Late 1950s – Early 1960s

D. A. Pinaeva

A. N. Tupolev Kazan National Research Technical University
Kazan, Russian Federation

Abstract

The article focuses on the activities of the scientific-technical societies of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic (ASSR) in the second half of the 1950s – early 1960s in their efforts to enhance invention and innovation, and

© Д. А. Пинаева, 2019

effectiveness of various forms of mobilization in the engineering and technical communities of factory workers. The author provides arguments in favor of the idea that the differentiated character of the structural transformations of scientific-technical societies, as well as the criteria for assessing the effectiveness of their activities, reflected the mobilization model of the Soviet economy. Realizing the mobilization functions that are not inherent in their nature and implementing speculative ideas (democratization of production), scientific-technical societies created far-fetched associations, such as worker-research institutes, public construction bureaus, public bureaus of economic analysis, and others. A key focal point is the analysis of the difficulties faced by scientific-technical associations. The most significant of which were the lack of: independence in planning the trajectory of its development, scientific personnel and effective connections with other scientific and engineering organizations. A large number of mobilization events generated the pursuit of quantity at the expense of quality. The article also discusses how the peculiarities of the command system, which was weakly susceptible to innovation and the growing discrepancy between political slogans and the realities of Soviet life, led to the profanation of the government's initiatives to develop creative activity of the working masses. In the USSR system of management of scientific and technical progress, immune to managerial influences coming from below, public organizations could not play a serious role, as a result implementing mobilization functions unusual for their nature.

Keywords

scientific-technical societies, mobilization practices, invention, scientific and technical progress, Tatar ASSR

Acknowledgements

This publication was carried out with the financial support of the Russian Federal Property Fund and the Government of the Republic of Tatarstan within the framework of research project № 17-11-16007

For citation

Pinaeva D. A. Overview of Activities Aimed at Encouraging Innovation and Improvement by the Scientific-Technical Societies of the Tatar ASSR in the Late 1950s – Early 1960s. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 1: History, p. 116–129. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-116-129

В 1950–1960-е гг. ведущие страны мира вступили в первый этап научно-технической революции. В развитых капиталистических странах начала формироваться так называемая «экономика знаний», основа современных национальных инновационных систем [Freeman, 1987]. В СССР это время пришлось на «хрущевское десятилетие», которое традиционно связывается с крупномасштабными реформами. Данный период истории СССР привлекает исследователей, поскольку во второй половине 1950-х гг. СССР по ряду макроэкономических показателей не уступал ведущим странам Запада [Кудров, 1997. С. 117–173; Ханин, 1991. С. 145–166], бесспорными были достижения советской науки, что заставляет задуматься о причинах стремительного взлета и дальнейшей стагнации экономического развития СССР [Кудров, 2007. С. 391–403]. Одним из дискуссионных является вопрос об особенностях советской модели модернизации и возможности использования практик стимулирования научно-технического прогресса, характерных для СССР, в современной России [Балакин, 2017. С. 97]. Была ли жизнеспособной советская модель инновационного развития? На этот вопрос на сегодняшний день нет однозначного ответа. Как отмечает американский исследователь Л. Грэхэм, в процессе практической реализации новые идеи взаимодействуют с обществом в целом, сама по себе научная или техническая разработка – это лишь начальная стадия успеха технологического проекта [Грэхэм, 2014. С. 12–13]. Ключевым фактором является формирование особого, инновационного сознания. В этой связи изучение эффективности форм мобилизационного воздействия, ориентированных на производственные коллективы, является актуальным.

Прежде всего, необходимо отметить, что реформы научно-технической политики второй половины 1950-х гг. проводились в определенном контексте. Во-первых, необходимость стимулирования научно-технического прогресса диктовалась существующей установкой «догнать и перегнать» капиталистические страны в военно-экономическом отношении. Во-вторых, на-

сущной стала задача повышения благосостояния населения, что требовало повышения эффективности производства в «гражданских» отраслях [Артемов, 2011. С. 27, 28]. Необходимо также отметить и идеологические установки на десталинизацию, децентрализацию управления экономикой, стимулирование общественной инициативы. Широко пропагандировалась идея о коммунистическом характере труда, приоритете моральных стимулов над материальными [Алексеев, 1975. С. 102]. Как известно, предприятия и виды деятельности, связанные с развитием военно-промышленного комплекса, финансировались по преимущественному принципу, на развитие же «гражданских» отраслей (легкой, машиностроительной, нефтяной, химической, пищевой и пр.) у СССР, втянутого в гонку вооружений, не хватало средств. В этой связи ставка была сделана на совершенствование массовых форм изобретательства и рационализаторства в гражданских отраслях, что виделось способом решения проблемы интенсификации производства и стало одним из приоритетов государственной научно-технической политики.

Первые реформы начались еще в 1954 г., когда все общественные научно-технические общества были реорганизованы по отраслям и переданы под контроль профсоюзов [1]. Считалось, что под контролем ВЦСПС научно-технические общества станут по-настоящему массовыми организациями, объединяющими в своем составе практически всю научно-техническую общественность и новаторов производства [Пинаева, 2016. С. 104, 105]. Кроме того, реорганизация НТО хорошо вписывалась в идеи демократизации, совершенствования общественных механизмов управления, сближения науки и производства. Предполагалось, что советы НТО, занимаясь развитием изобретательства и рационализаторства непосредственно на предприятиях, станут связующим звеном между научно-технической общественностью предприятий, научными организациями и государственными органами, ответственными за развитие научно-технического прогресса.

Широкомасштабные реформы научно-технической политики начались с постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 мая 1955 г. «Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной науки и техники» [Об улучшении дела изучения..., 1971. С. 66–70], в котором критике подверглись министерства и ведомства, ответственные за развитие научно-технического прогресса. Недостатки управления связывались с недостатками в стиле и бюрократизацией правительственных учреждений [Пыжиков, 2002. С. 90, 91]. В постановлении признавалась необходимость централизации руководства системой стимулирования научно-технического прогресса в государственном масштабе.

В 1955 г. был создан (вернее, воссоздан) Государственный комитет по новой технике (Гостехника СССР), в структуре которого работал Комитет по делам изобретений и открытий [Положение о Комитете..., 1956. С. 2]. На деле Комитет по делам изобретений и открытий не оказывал существенного влияния на процесс разработки и реализации планов по новой технике, поскольку не имел подчиненных ему на местах подразделений. Кроме того, решения комитета о внедрении того или иного изобретения на различных производствах имели для министерств и ведомств лишь рекомендательный характер. Фактически руководство изобретательской деятельностью осуществлялось по отраслевому принципу. В структуре отраслевых министерств работали отделы изобретательства, которые оставляли сводные планы разработки и внедрения новой техники, руководствуясь рекомендациями главков. Создание комитета, который, по сути, только собирал заявки на изобретения и рационализаторские предложения,

[1] О научных инженерно-технических обществах. Постановление ЦК КПСС от 24 декабря 1954 г. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=122870159204591988767764743&cacheid=230B1FE8A27E640A88D7804404A7C4C9&mode=splus&base=ESU&n=18921&rnd=0.6824946448322324#044397488777933747 (дата обращения 17.07.2018).

не только не улучшило управляемость системы, но добавило еще один элемент в и без того сложную систему управления изобретательством. Производственники через советы НТО заявляли о необходимости серьезной реорганизации системы управления изобретательством, однако ввиду отсутствия реальных рычагов влияния на формирование научно-технической политики рекомендации НТО в большинстве случаев оставались бумаге. Так, на заседании Президиума Центрального правления НТО приборостроения в октябре 1956 г. было указано, что порядок рассмотрения авторских заявок на промышленную полезность, связанный с прохождением по ряду инстанций – Комитет по делам изобретений и открытий – министерство – главк – НИИ – эксперт – НИИ – главк – министерство – Комитет – является необоснованно громоздким. При этом в планы внедрения попадали только изобретения, принятые главками. Таким образом, более 50 % предложений, прошедших тернистый путь получения авторских свидетельств, так и не попадали в планы внедрения [2]. Было высказано предложение о сокращении промежуточных звеньев и передаче авторских предложений из Комитета непосредственно экспертам [3]. Была высказана также идея о необходимости организации при Всесоюзном совете НТО (ВСНТО) межотраслевого комитета содействия изобретательству [4]. Впрочем, эти рекомендации не нашли поддержки руководящих органов.

Попытка радикальным образом преодолеть «отраслевой эгоизм» была предпринята в 1957 г. В ходе проведения совнархозовской реформы отраслевые министерства были упразднены, а их место заняли советы народного хозяйства экономических административных районов. Государственный комитет по новой технике был преобразован в Государственный научно-технический комитет Совета Министров СССР (ГКНТ СССР), которому поручалось осуществлять контроль за развитием и внедрением новой техники в народное хозяйство [Директивы КПСС и Советского правительства..., 1958. С. 419]. Однако реальных рычагов воздействия на проводимую совнархозами техническую политику Совет не имел и в этом отношении мало отличался от своего предшественника. Общее руководство и контроль за работой управлений и предприятий по развитию изобретательства и рационализаторства были возложены на технические отделы совнархозов.

Противоречивый характер реформы выразился в том, что руководство страны, желая создать хорошо управляемую систему на местах, сблизить руководство и производство, наоборот, способствовало ее разобщению. Советы народного хозяйства (СНХ) в вопросах научно-технического прогресса не вырабатывали программу развития в регионе с учетом научно-технических интересов всей страны. Свои действия с другими регионами они не координировали и решали только местные проблемы. Такая ситуация продлилась до 1966 г., когда в полном объеме была восстановлена система министерств и ведомств.

Надежды на «сознательность» научно-технической общественности, которая в массовом порядке будет вступать в научно-технические общества под контролем со стороны профсоюзов и партийных органов, не оправдались. Так, в 1957 г. в Татарской АССР насчитывалось 613 предприятий, первичные организации НТО были созданы только в 318 из них со средней численностью чуть более 30 чел. [5]

Для усиления руководства массовой рационализаторской и изобретательской деятельностью на местах практически одновременно были воссозданы структуры, ликвидированные еще в 1930-е гг. [Солдатова, 1994. С. 17]. С 1958 г. повсеместно на предприятиях создаются бюро по рационализации и изобретательству (далее – БРИЗы), организационно находящи-

[2] ГАРФ. Ф. Р-5587. Оп. 1. Д. 594. Л. 91.

[3] Там же. Л. 86.

[4] Там же.

[5] НАРТ. Ф. Р-4312. Оп. 1. Д. 1. Л. 75.

еся в подчинении главного инженера предприятия, а функционально – инженера по рационализаторству и изобретательству отраслевого управления. В январе 1958 г. постановлением Президиума ВЦСПС воссоздается Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов (далее – ВОИР) [6]. Создание этой структуры в очередной раз показывает, что власть действовала стандартным способом под видом «инициативы снизу» создавать подконтрольные массовые организации. Даже в проекте первого Устава ВОИР первой задачей Общества ставилась «широкая популяризация и неуклонное проведение в жизнь директив КПСС, Советского Правительства и постановлений ВЦСПС по вопросам изобретательства и рационализации» [7]. Создание ВОИР как общего координирующего центра связывалось с необходимостью нивелирования последствий децентрализованного управления изобретательской и рационализаторской деятельностью. Обмен опытом между предприятиями был крайне слабым, в результате чего имелись случаи, когда на предприятии рационализаторы работали над той темой, которая уже была решена на другом, подчас соседнем предприятии [8]. Повсеместны были случаи, когда внедренное на одном предприятии изобретение на других предприятиях не внедрялось, поскольку это были предприятия другой отрасли [9].

Возрождение указанных БРИЗов и ВОИР в конце 1950-х гг. на предприятиях проходило в тяжелых условиях. На предприятиях, где число работающих превышало 2 тыс. чел., должны были иметься освобожденные работники, занимающиеся вопросами изобретательства и рационализаторства. А на предприятиях с численностью занятых менее 2 тыс. чел. такими же вопросами занимались по совместительству инженеры. Это приводило к крайностям, когда инженер, ответственный за БРИЗ, имел четыре должности и, естественно, вопросами рационализации практически не занимался. Следует отметить, что как освобожденные, так и не освобожденные работники в равной мере отличались слабой компетенцией в вопросах рационализаторства [Порохня, 1980. С. 119].

24 апреля 1959 г. Совет Министров СССР принял новое «Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях», предусматривавшее проведение всей работы по развитию массового технического творчества Комитетом по делам изобретений совместно с ВОИР [Положение об открытиях..., 1973. С. 10]. Таким образом, руководство массовым изобретательством формально сосредоточилось в одном общесоюзном органе.

В организации формально общественных научно-технических объединений выразилась противоречивость установок научно-технической политики. ВОИР должен был стать координирующим изобретательскую и рационализаторскую деятельность непосредственно на предприятиях органом. Однако на предприятиях уже имелись организации НТО, работающие по отраслевому принципу, а также БРИЗы. На практике это привело к многократному дублированию решений тех или иных вопросов. Такой параллелизм в работе приводил к тому, что многие инженеры и новаторы производства не стремились вступать в общественные организации и относились к ним с подозрением. Так, на заводе п/я 466 в г. Казань в члены ВОИР в 1958 г. было вовлечено всего 15 чел. Совсем не были созданы общества на предприятиях Казанской железной дороги, в совхозах, МТС, РТС и на многих предприятиях легкой и пищевой промышленности [10].

В созданной системе иерархической разноподчиненности оставалось мало возможностей для координации действий НТО и ВОИР. Существование двух сходных по целям и объек-

[6] ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 24. Д. 1697. Л. 137–141.
[7] НАРТ. Ф. Р-1677. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.
[8] Там же. Д. 11. Л. 6.
[9] Там же. Оп. 3. Д. 136. Л. 34.
[10] НАРТ. Ф. Р-1677. Оп. 2. Д. 3. Л. 42–44.

там приложения активности организаций вызывало соперничество и конкуренцию. И ВОИР, и НТО организовывались на местах при помощи административных методов, что приводило к исполнению обязанностей в структурах общественных организаций членами заводских администраций. Это в свою очередь приводило к напряженности ввиду необходимости отчитываться за деятельность каждого объединения [11]. Примером этому может служить такая проблема производства, как вопросы качества продукции. Перед советами ВОИР и НТО ставились идентичные задачи – организовать общественные формы управления качеством наряду с уже существующим штатным подразделением предприятий. Созданное многообразие форм контроля качества (постоянные цеховые и заводские комиссии, общественные инспекции качества, группы и посты народного контроля) привело к умножению источников информации об истинном положении дел, но саму проблему не решило. Так, на Казанском заводе мединструментов в начале 1960-х гг. была создана группа надежности. В отчетах зафиксировано, что на 15 октября 1962 г. перешли на работу без контролеров 8 рабочих [12]. Однако по данным бухгалтерского учета дела с повышением качества не только не улучшились, но имели явную тенденцию к ухудшению. В 1960 г. потери от брака составили 10,5 тыс. руб. (0,9 % себестоимости валовой продукции). В 1961 г. они возросли до 17 тыс. руб. и составили 1 % себестоимости. А за девять месяцев 1962 г. потери достигли уже 29,8 тыс. руб., или 1,64 % себестоимости продукции [13].

Необходимо отметить, что проблема дублирования функций общественных объединений на производстве осознавалась руководством общественных объединений. Уже на первой областной Выборной конференции рационализаторов и изобретателей Татарской АССР, состоявшейся 22 августа 1958 г., высказывалось предложение о необходимости разделения функций ВОИР и НТО. Предлагалось всю работу по изобретательству и рационализаторству проводить через ВОИР, а НТО должны были обеспечивать повышение технического уровня новаторов производства, заниматься распространением передового производственного опыта. Однако эти предложения, как и многие другие, не были учтены [14]. Проблема усугублялась тем, что научно-технические общества не имели самостоятельности в решении важнейших вопросов своей деятельности. Их кадровый состав, особенно советов НТО, оргбюро ВОИР формировался и утверждался партийными органами и профсоюзными комитетами. Партийные комитеты рассматривали и утверждали планы работы, заслушивали отчеты руководителей [15]. Идея партийно-государственных структур о том, что все показатели развития экономики, в том числе показатели изобретательской и рационализаторской деятельности, должны постоянно расти, приводила к тому, что научно-технические объединения были втянуты в реализацию несвойственных им мобилизационных функций.

Косвенным подтверждением данного тезиса могут служить критерии оценки работы научно-технических объединений, которые использовались в официальной статистике и литературе. В качестве таких критериев рассматривались количество первичных организаций, число членов НТО, количество конкурсов, смотров и других подобного рода мобилизационных мероприятий. И если опираться на подобные критерии, то масштабы мобилизационного воздействия действительно впечатляют. Так, в 1957 г. в Татарской АССР действовало 318 первичных организаций НТО с количеством членов 11 755 чел. [16], в 1965 г. количество первичных органи-

[11] Там же. Д. 112. Л. 86–87.
[12] Там же. Ф. Р-1677. Оп. 2. Д. 128. Л. 8.
[13] Там же. Л. 9.
[14] Там же. Ф. Р-4312. Оп. 1. Д. 1. Л. 52–53.
[15] ГАРФ. Ф. Р-5587. Оп. 1. Д. 525. Л. 2.
[16] Там же. Д. 721. Л. 128.

заций увеличилось до 515, а число действительных членов возросло почти втрое и достигло 32 921 чел. [17] Только с 1955 по 1958 г. научно-техническими обществами Татарской АССР было проведено более 2 000 научно-технических конференций и совещаний, 50 конкурсов, 14 600 лекций, 2 252 семинара, посвященных различным аспектам технической модернизации промышленности [18]. При подобных масштабах, естественно, наблюдался определенный кумулятивный эффект. Так, число изобретателей и рационализаторов, подавших предложения, с 1960 по 1965 г. увеличилось с 31,3 до 43 тыс. чел. (на 37 %), а количество внедренных рационализаторских предложений и изобретений возросло за тот же период с 33,6 до 44,5 тыс. (на 32 %). Однако за следующие пять лет, с 1965 по 1970 г. количество внедренных предложений увеличилось лишь на 11 % [Валеев, Пушкарев, 1975. С. 114].

Отмечая положительную роль конкурсов, смотров и соревнований, следует учесть, что их эффективность была невысокой, поскольку рекомендации, выработанные научно-техническими обществами, зачастую не реализовывались, а внедрение принятых предложений затягивалось. В 1964 г. на III Пленуме Татарского областного совета НТО указывалось, что свыше 30 % рекомендаций и предложений, сделанных инженерно-технической общественностью, остаются неиспользованными [19].

Созданная система дублирования управления рационализаторством порождала всеобщий формализм и безответственность. Выход из создавшегося положения пытались найти в создании большого количества общественных объединений новаторов, не имевших иерархической подчиненности, перед которыми ставились конкретные производственные задачи.

Так, в конце 1950-х гг. на предприятиях начинают создаваться комплексные творческие бригады. Повсеместное их создание было связано с установкой на распространение опыта предприятий Москвы и Новосибирска, где экономическая эффективность предложений комплексных бригад была в три-четыре раза выше, чем у предложений, разработанных индивидуально [Алексеев, 1983. С. 151]. Общее руководство всеми комплексными бригадами предприятия осуществлялось главным инженером через БРИЗ при участии советов ВОИР и НТО. Данная форма работы способствовала сотрудничеству для решения конкретной производственной задачи рабочих и инженерно-технических работников. Однако всю изыскательскую работу по разработке и внедрению предложений члены комплексных бригад должны были осуществлять во внерабочее время. И первое время этот организационный недостаток не проявлялся. Опыт работы комплексных бригад в Татарской АССР подтверждал тезис об эффективности данной формы организации изобретательской и рационализаторской деятельности [Валеев, Пушкарев, 1975. С. 118–119]. Например, уже в 1960 г. на Казанском меховом комбинате комплексной бригадой по усовершенствованию технологии раскроя воротников из 7 чел. дала комбинату более 4 млн руб. экономии [20]. Комплексная бригада треста «Татбурнефть» разработала и внедрила конструкцию электрокотла для обогрева буровых, что исключило необходимость строительства специальных котельных. Внедрение электрокотлов только в тресте «Татбурнефть» дало экономию за первое полугодие 1961 г. в 183 тыс. руб. Комплексная бригада Поволжского мебельного комбината в содружестве с учеными разработала и внедрила в производство первую в СССР поточную автоматическую линию на процессах лущения, сушки,

[17] НАРТ. Ф. Р-4312. Оп. 1. Д. 110. Л. 1.
[18] ГАРФ. Ф. Р-5587. Оп. 1. Д. 721. Л. 127.
[19] НАРТ. Ф. Р-4312. Оп. 1. Д. 81. Л. 19
[20] Там же. Д. 20. Л. 8.

рубки и сортировки шпона [21]. Однако очень скоро произошла формализация инициативы, и создание творческих комплексных бригад приобрело обязательный характер. Количество комплексных бригад постоянно увеличивалось, а степень их активности начала снижаться. Так, за 10 лет, с 1963 по 1973 г. количество таких бригад в Татарской АССР увеличилось с 1 000 до 3 700, число их участников – с 3 374 до 12 856 чел., количество выполненных работ – с 904 до 4 373 [22]. Тем не менее количественный рост не подкреплялся качественными изменениями в содержании работы: в среднем каждая бригада внедрила за 1973 г. только 1,1 предложения при средней численности состава три-четыре чел. Аналогичные показатели в других республиках Поволжья составили 1,8, а целом по стране – 2,6 предложения на бригаду с примерно той же средней численностью [Тимофеев, 1999. С. 52].

Необходимо отметить, что деятельность комплексных бригад не носила постоянный характер. После решения конкретной производственной проблемы бригада распадалась. Сделать комплексные бригады постоянно действующими коллективами могло бы включение в их состав ведущих специалистов предприятий, работников НИИ с целью разработки крупных и долгосрочных задач. Однако наладить эффективные коммуникации с учеными научно-техническим объединениям не удавалось.

Контроль со стороны партийно-государственных структур ограничивал сферу научно-технического творчества, заставляя новаторов действовать в русле партийных установок в рамках тех структур, которые предлагались «сверху» [Пинаева, 2017. С. 281–283]. Поэтому ведущие инженеры, ученые, работники конструкторских бюро и научных институтов избегали участия в работе научно-технических обществ. Так, среди делегатов I Межотраслевой конференции Татарского республиканского Совета НТО (1958 г.) из 111 чел. только пятеро имели ученую степень [23]. На начало 1960 г. в составе научно-технических обществ Татарской АССР всего 1 % составляли ученые [24].

Заявленные во второй половине 1950-х гг. принципы демократизации управления вылились в противоречивую и надуманную инициативу передачи функций производственно-технических советов предприятий первичным советам НТО. В 1965 г. такие функции выполняли в СССР 27 750 (49 %) советов НТО, в Татарской АССР – 253 совета, или около 60 % [25]. На практике вся деятельность советов НТО, наделенных функциями производственно-технических советов предприятий, контролировалась администрацией предприятий, поскольку именно администрация несла ответственность за работу промышленного объекта и не могла доверить важные функции управления производством общественным организациям.

Новой структурой, призванной выявлять резервы производства и разрабатывать рекомендации по улучшению экономических показателей, были общественные бюро экономического анализа (ОБЭА). К концу 1960 г. в республике насчитывалось 158 ОБЭА с охватом более двух тысяч человек, а в начале 1962 г. – уже 289 бюро с количеством участников около трех тысяч человек [26]. Определенный вклад подобной формы активизации трудовой деятельности на предприятиях отрицать нельзя. Так, за 1961 г. трудоемкость выпускаемой продукции была снижена на заводе «Сантехприбор» на 6,1 % (5 % по плану), на часовом заводе – на 11,5 % (7 %

[21] ГАРФ. Ф. Р-5587. Оп. 1. Д. 1066. Л. 144.
[22] НАРТ. Ф. Р-4312. Оп. 1. Д. 70. Л. 1 об.; Д. 110. Л. 1 об.
[23] ГАРФ. Ф. Р-5587. Оп. 1. Д. 721. Л. 126.
[24] НАРТ. Ф. Р-4312. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.
[25] Там же. Д. 112. Л. 1–2.
[26] Там же. Д. 44. Л. 5.

по плану) [27]. Однако развитию общественных начал бюро мешал низкий уровень экономических знаний рабочих. ОБЭА на 70–80 % состояли из работников экономических и технических служб и только на 20 % из мастеров, новаторов производства [28]. Таким образом, экономисты – члены ОБЭА фактически выполняли свои производственные задачи, декларируя в отчетах общественный характер своей деятельности.

В начале 1960-х гг. в структуре НТО появилась новая организационная форма – общественные бюро технической информации (ОБТИ). Основной задачей ОБТИ были сбор и распространение новейшей технической информации. За 1963–1965 гг. количество ОБТИ на предприятиях региона возросло с 168 до 496 [29]. Об эффективности деятельности ОБТИ говорят следующие цифры: в конце 1960-х гг. свыше 50 % заявок на предполагаемые изобретения, поступающие от организаций и предприятий, отклонялись из-за отсутствия новизны [Ежов, 1969. С. 4].

Таким образом, на протяжении второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. в рамках научно-технических обществ появилось большое количество различных общественных объединений. Возникновение подобных форм работы новаторов изначально имело характер творческой инициативы [Алексеев, 1975. С. 102]. Однако очень быстро произошла формализация подобных инициатив, главным образом, вследствие административного их насаждения. Административные структуры были заинтересованы в них, поскольку общественный статус подобных объединений не требовал дополнительных средств на их существование, но приносил значительную экономическую выгоду. Это давало возможность неадекватного вознаграждения работников за их творчество, что соответствовало идеологической доктрине о коммунистическом характере труда.

При этом сама идея сотрудничества инженеров, техников и рабочих в области технического творчества представляется вполне жизнеспособной. Об этом свидетельствует опыт созданных на предприятиях Японии кружков контроля качества [Цветов, 1986. С. 137–138].

С середины 1960-х гг. становится очевидной низкая эффективность системы управления массовым изобретательством. С одной стороны, существовало большое количество новаторских разработок, более 60 % которых так и не были реализованы в объектах техники. С другой стороны, ощущалась нехватка крупных изобретений, воздействующих на главные свойства разрабатываемых объектов техники [Роль изобретательства..., 1976. С. 3]. В Татарской АССР в 1965 г. из 67 881 поступившего предложения только 42 (0,06 %) являлись изобретениями, дававшими экономический эффект [30]. В целом эффективность мероприятий по внедрению новой техники превосходила отдачу от рационализаторских предложений, предлагавшихся новаторами [31]. Это явилось одной из причин того, что рационализаторство так и не стало приоритетной задачей для научно-технических обществ.

Необходимо отметить, что и предприятия не всегда были заинтересованы в разработке крупных изобретений, поскольку их внедрение ложилось на плечи самих предприятий. При этом сфера применения советского закона об изобретениях была очень широкой. Авторские сертификаты могли выдаваться не только за изобретения, но и за «технические усовершенствования», «рационализаторские предложения», «научные открытия». Фактически любая задумка работника по поводу усовершенствования своего станка, любое технологическое изменение могли претендовать на авторский сертификат и выплату гонорара. Решение о ценности предложе-

[27] НАРТ. Ф. Р-4312. Оп. 1. Д. 44. Л. 6–7.
[28] Там же. Л. 5.
[29] Там же. Д. 70. Л. 1 об.; Д. 110. Л. 1 об.
[30] НАРТ. Ф. Р-1677. Оп. 3. Д. 34. Л. 1.
[31] Там же. Ф. Р-4312. Оп. 1. Д. 77. Л. 2.

ния принималось руководством предприятия, поэтому различного рода злоупотреблений было не избежать. На предприятиях повсеместно фиксировались случаи нарушений при выплате авторских вознаграждений. Нередки были случаи, когда руководители предприятий сознательно не фиксировали экономию от внедрения предложений, покрывая за счет полученной экономии связанные с бесхозяйственностью потери предприятия. Авторам в таком случае выплачивали по 100 руб. как за инициативу [32]. Кроме того, прошедшие бесчисленные бюрократические коридоры инициативы рационализаторов нередко возвращались на предприятие в виде снижения расценок за единицу продукции, а значит, приводили к снижению оплаты труда. Это порой приводило к конфликтным ситуациям на производстве [33].

Подобная ситуация негативно сказывалась и на деятельности ВОИР, которое сосредоточило усилия не на рутинной работе с изобретателями, а на участии в решении производственных конфликтов [Кычанов, 1967. С. 3]. На предприятиях и в обществе не создавалась система, благоприятная для технического творчества. В результате между истинными потребностями изобретателей и рационализаторов и действиями органов ВОИР образовался серьезный разрыв.

На низкую эффективность практик по ускорению научно-технического прогресса указывают современные исследователи. Так, А. Г. Галлямова отмечает, что, несмотря на огромное количество мероприятий, направленных на техническое совершенствование производства, удельный вес ручного труда на предприятиях Татарской АССР оставался высоким. В начале 1960-х гг. он достигал на химических предприятиях 35–45 %, машиностроительных – 50–60 %, на предприятиях местной промышленности доходил до 70 % [Галлямова, 2010. С. 171]. На заводе «Электроприбор» за 1959–1969 гг. было проведено 164 мероприятия, а доля ручного труда уменьшилась на 0,4 % [34].

Структурные и функциональные трансформации научно-технических обществ Татарской АССР осуществлялись в русле общегосударственной научно-технической политики. Однако восприимчивость к нововведениям была низкой, поскольку реформы проводились без учета региональной специфики. Несмотря на то, что по количественным показателям деятельность общественных научно-технических объединений Татарской АССР соответствовала общегосударственным показателям (а иногда и превосходила их), качественные показатели деятельности были существенно ниже общесоюзных [35].

В итоге отсутствие эффективной системы поощрения деятельности, формализм, отсутствие внимания к их нуждам со стороны администрации предприятий, сложившийся механизм хозяйствования, отторгавший нововведения, привели к явной деградации общественных объединений.

Таким образом, руководство массовым изобретательством и рационализаторством отражает противоречия научно-технической политики в гражданском секторе в целом. Одновременные попытки децентрализовать систему управления экономикой и централизовать систему управления изобретательством, а также распространенная доктрина демократизации системы управления и повышения роли общественных институтов вылились на практике в создание параллельно существующих и выполняющих сходные функции организаций. Административное давление привело к выхолащиванию инициативы новаторов производства. Показатели эффективности заменялись количественными показателями, работа носила формальный характер. Несмотря на создание большого числа общественных объединений, в трудовых коллективах

[32] Там же. Ф. Р-1677. Оп. 2. Д. 38. Л. 21.
[33] ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 45. Д. 25. Л. 89.
[34] Там же. Оп. 43. Л. 38. Л. 373.
[35] НАРТ. Ф. Р-4312. Оп. 1. Д. 112. Л. 1–2; Д. 70. Л. 1 об.; Д. 110. Л. 1 об.

отсутствовал корпоративный интерес, а расточительство и бесхозяйственность достигли внушительных размеров. А. Г. Галлямова отмечает, что вопреки распространению официальной информации о росте коммунистического сознания в советском обществе, в реальной жизни оно все больше обретало черты потребительского социума [2016. С. 229].

В характерной для СССР структуре управления научно-техническим прогрессом, невосприимчивой к управленческим воздействиям, идущим снизу, общественные организации не могли играть серьезной роли, они своеобразным образом «встроились» в нее, выполняя несвойственные их природе мобилизационные функции.

Список литературы / References

Алексеев Г. М. Движение изобретателей и рационализаторов в СССР. 1917–1982. М.: Мысль, 1983. 270 с.

Alekseev G. M. Dvizhenie izobretatelei i ratsionalizatorov v SSSR. 1917–1982 [Movement of Inventors and Innovators in the USSR. 1917–1982]. Moscow, Mysl', 1983, 270 p. (in Russ.)

Алексеев Г. П. Профсоюзы в системе управления социалистическим производством. М.: Профиздат, 1975. 230 с.

Alekseev G. P. Profsoyuzy v sisteme upravleniya sotsialisticheskim proizvodstvom [Trade Unions in the System of Management of Socialist Production]. Moscow, Profizdat, 1975, 230 p. (in Russ.)

Артемов Е. Т. Научно-техническая стратегия «Хрущевского десятилетия»: зигзаги реформ // Экономическая история. 2011. № 3 (14). С. 27–36.

Artemov E. T. Nauchno-tekhnicheskaya strategiya «Khrushchevskogo desyatiletiya»: zigzagi reform [The Khrushchev Decade's Scientific and Technical Strategy: The Zigzags of Reforms]. *Ekonomicheskaya istoriya* [*Economic History*], 2011, no. 3 (14), p. 27–36. (in Russ.)

Балакин В. С. Власть, общество и советская наука: трудный путь от диктата к диалогу (1917–1991 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 91–100.

Balakin V. S. Vlast', obshchestvo i sovetskaya nauka: trudnyi put' ot diktata k dialogu (1917–1991 gg.) [Power, Society and Soviet Science: The Difficult Path from Diktat to Dialogue (1917–1991)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [*Ural Historical Bulletin*], 2017, no 3 (56), p. 91–100. (in Russ.)

Галлямова А. Г. К вопросу о формах деловой активности советских людей в 1950–1970-е гг. (на материалах Татарской АССР) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). СПб., 2016. С. 227–232.

Gallyamova A. G. K voprosu o formakh delovoi aktivnosti sovetskikh lyudei v 1950–1970-e gg. (na materialakh Tatarskoi ASSR) [Forms of Activity of the Soviet People in the 1950s – 1970s. (Based on Materials of the Tatar ASSR)]. In: Material'nyi faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyi aspekt) [The Material Factor and Entrepreneurship in the Everyday Life of the Population of Russia: History and Modernity (Regional Aspect)]. St. Petersburg, 2016, p. 227–232. (in Russ.)

Галлямова А. Г. Тенденции и противоречия промышленного развития Татарской АССР в 40–80-е годы XX века // Учен. зап. Казанск. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. Кн. 3. Ч. 2. С. 168–175.

Gallyamova A. G. Tendentsii i protivorechiya promyshlennogo razvitiya Tatarskoi ASSR v 40–80-e gody XX veka [Tendencies and Contradictions of Industrial Development of the Tatar ASSR in the 40s – 80s of the 20th Century]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [*Proceedings of Kazan State University. Humanities Series*], 2010, vol. 152, no. 3, pt. 2, p. 168–175. (in Russ.)

Грэхэм Л. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 272 с.

Graham L. Smozhet li Rossiya konkurirovat'? Istoriya innovatsii v tsarskoi, sovetskoi i sovremennoi Rossii [Can Russia Compete? The History of Innovation in Tsarist, Soviet and Modern Russia]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2014, 272 p. (in Russ.)

Ежов А. П. Со всей серьезностью // Изобретатель и рационализатор. 1969. № 2. С. 4.
Ezhov A. P. So vsei ser'eznost'yu [With All Seriousness]. *Izobretatel' i ratsionalizator* [*Inventor and Innovator*], 1969, no. 2, p. 4. (in Russ.)

Кудров В. М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М.: Наука, 1997. 301 с.
Kudrov V. M. Sovetskaya ekonomika v retrospektive: opyt pereosmysleniya [The Soviet Economy in Retrospect: the Experience of Rethinking]. Moscow, Nauka, 1997, 301 p. (in Russ.)

Кудров В. М. Экономика России в мировом контексте. СПб.: Алетейя, 2007. 736 с.
Kudrov V. M. Ekonomika Rossii v mirovom kontekste [Russia's Economy in Global Context]. St. Petersburg, Aleteiya, 2007, 736 p. (in Russ.)

Кычанов Б. Новаторство популярно // Изобретатель и рационализатор. 1967. № 8. С. 3.
Kychanov B. Novatorstvo populyarno [Innovation is popular]. *Izobretatel' i ratsionalizator* [*Inventor and Innovator*], 1967, no. 8, p. 3. (in Russ.)

Пинаева Д. А. Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов в системе государственной политики, направленной на ускорение научно-технического прогресса в конце 1950-х – начале 1960-х годов (на примере деятельности Татарского областного совета ВОИР) // Научный диалог. 2017. № 10. С. 280–299.
Pinaeva D. A. Vsesoyuznoye obshchestvo izobretatelei i ratsionalizatorov v sisteme gosudarstvennoi politiki, napravlennoi na uskorenie nauchno-tekhnicheskogo progressa v kontse 1950-kh – nachale 1960-kh godov (na primere deyatel'nosti Tatarskogo oblastnogo soveta VOIR) [All-Union Society of Inventors and Innovators in a State Policy System, Aimed at Accelerating Scientific-Technical Progress in the Late 1950s – Early 1960s (by Example of Activities of AUSII Tatar Regional Council)]. *Nauchnyi dialog* [*Scientific Dialogue*], 2017, no. 10, p. 280–299. (in Russ.)

Пинаева Д. А. Деятельность научных инженерно-технических обществ по активизации рационализаторства и изобретательства в Татарской АССР в конце 1940-х – начале 1950-х годов // Вестн. Пермск. ун-та. Серия: История. 2016. № 2 (33). С. 97–107.
Pinaeva D. A. Deyatel'nost' nauchnykh inzhenerno-tekhnicheskikh obshchestv po aktivizatsii ratsionalizatorstva i izobretatel'stva v Tatarskoi ASSR v kontse 1940-kh – nachale 1950-kh godov [Activities of Scientific Engineering and Technical Societies in the Tatar ASSR to Foster Innovation and Invention in the late 1940s – early 1950s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya* [*Bulletin of Perm University. Series: History*], 2016, no. 2 (33), p. 97–107. (in Russ.)

Порохня В. С. Научно-технический прогресс – веление времени: (Парт. руководство НТП в цв. металлургии Казахстана в условиях развитого социализма). Алма-Ата: Казахстан, 1980. 283 с.
Porokhnya V. S. Nauchno-tekhnicheskii progress – velenie vremeni: (Partiinoe rukovodstvo NTP v tsvetnoi metallurgii Kazakhstana v usloviyakh razvitogo sotsializma) [Scientific and Technical Progress – the Imperative of Time: (Party Leadership of the NTP in the Central Metallurgy of Kazakhstan in Developed Socialism Conditions)]. Alma-Ata, Kazakhstan, 1980, 283 p. (in Russ.)

Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 511 с.
Pyzhikov A. V. Khrushchevskaya «ottepel'» [Khrushchev's «Thaw»]. Moscow, OLMA-PRESS, 2002, 511 p. (in Russ.)

Солдатова О. Н. История развития изобретательства в Российской Федерации в 1917–1941 гг. (На материалах Рос. гос. научно-технического архива): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Самара, 1994. 19 с.
Soldatova O. N. *I*storiya razvitiya izobretatel'stva v Rossiiskoi Federatsii v 1917–1941 gg.: (Na materialakh Ros. gos. nauchno-tekhnicheskogo arkhiva) [The History of the Development of Inventions in the Russian Federation in 1917–1941: (Based on Materials from the Russian State Scientific-Technical Archive)]. Abstract of PhD thesis. Samara, 1994, 19 p. (in Russ.)

Тимофеев В. В. Развитие изобретательства и рационализаторства в республиках Волго-Вятского экономического района в 1958–1985 гг.: На материалах предприятий промышленности: Дис. … канд. ист. наук. Чебоксары, 1999. 218 с.
Timofeev V. V. Razvitie izobretatel'stva i ratsionalizatorstva v respublikakh Volgo-Vyatskogo ekonomicheskogo raiona v 1958–1985 gg.: Na materialakh predpriyatii promyshlennosti [Development of Invention and Innovation in the Republics of the Volga-Vyatka Economic Region in 1958–1985: Based on Materials of the Industrial Enterprises]. PhD Thesis. Cheboksary, 1999, 218 p. (in Russ.)

Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск: Наука, 1991. 270 с.
Khanin G. I. Dinamika ekonomicheskogo razvitiya SSSR [Dynamics of Economic Development of the USSR]. Novosibirsk, Nauka, 1991, 270 p. (in Russ.)

Цветов В. Я. Пятнадцатый камень сада Реандзи. М.: Политиздат, 1986. 302 с.
Tsvetov V. Ya. Pyatnadtsatyi kamen' sada Reandzi [The 15th Stone of the Ryoandji Garden]. Moscow, Politizdat, 1986, 302 p. (in Russ.)

Freeman C. Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan. London; New York, Pinter Publ., 1987, 215 p.

Список источников / Sources

Валеев Ш. М., Пушкарев Н. С. Производственная активность рабочих. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 144 с.
Valeev Sh. M., Pushkarev N. S. Proizvodstvennaya aktivnost' rabochikh [Production Activity of Workers]. Kazan, Tatarskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1975, 144 p. (in Russ.)

Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 4. 864 с.
Direktivy KPSS i Sovetskogo pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam: sbornik dokumentov [Directives of the CPSU and the Soviet Government on Economic Issues: Collection of Documents]. Moscow, Gospolitizdat, 1958, vol. 4, 864 p. (in Russ.)

Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной и зарубежной науки и техники. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 28 мая 1955 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 7. С. 67–70.
Ob uluchshenii dela izucheniya i vnedreniya v narodnoe khozyaistvo opyta i dostizhenii peredovoi otechestvennoi i zarubezhnoi nauki i tekhniki: Postanovlenie TSK KPSS i Soveta ministrov SSSR ot 28 maya 1955 g. [Improving Study and Introduction of Skills and Achievements of Advanced Domestic and Foreign Science and Technology into the National Economy: Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR of May 28, 1955]. In: KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TSK [CPSU in Resolutions and Solutions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee]. Moscow, Politizdat, 1971, vol. 7, p. 67–70. (in Russ.)

Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях // Сборник законодательства об изобретательстве и рационализации. Киев: Политиздат Украины, 1973.
Polozhenie ob otkrytiyakh, izobreteniyakh i ratsionalizatorskikh predlozheniyakh [Regulations of Discoveries, Inventions and Innovation Proposals]. In: Sbornik zakonodatel'stva ob izobretatel'stve i ratsionalizatsii [Collection of Legislation on Invention and Innovation]. Kiev, Politizdat Ukrainy, 1973, p. 10. (in Russ.)

Положение о Комитете по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР: Постановление Совета Министров СССР № 1772 от 29 сентября 1955 г. // Изобретательство в СССР. 1956. № 1. С. 2.
Polozhenie o Komitete po delam izobretenii i otkrytii pri Sovete Ministrov SSSR. Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR № 1772 ot 29 sentyabrya 1955 g. [Regulations of the Committee of Inventions and Discoveries under the Council of Ministers of the USSR. Resolution of the Council of Ministers of the USSR no. 1772 of September 29, 1955]. *Izobretatel'stvo v SSSR* [*Invention in the USSR*], 1956, no. 1, p. 2. (in Russ.)

Роль изобретательства и патентно-лицензионной работы в ускорении научно-технического прогресса в свете решений XXV съезда КПСС: Тезисы доклада на семинаре руководителей Всесоюзных и Центральных органов НТИ и представителей министерств и ведомств заместителя Председателя Госкомизобретений тов. Артемьева Е. И. М.: Гос. ком-т Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий, 1976. 24 с.
Rol' izobretatel'stva i patentno-litsenzionnoi raboty v uskorenii nauchno-tekhnicheskogo progressa v svete reshenii XXV s'ezda KPSS: Tezisy doklada na seminare rukovoditelei Vsesoyuznykh i Tsentral'nykh organov NTI i predstavitelei ministerstv i vedomstv zamestitelya Predsedatelya Goskomizobretenii tov. Artem'eva E. I. [The Role of Invention and Patent-Licensing Work in Accelerating Scientific and Technological Progress in Light of the Decisions of the 25th

Congress of the CPSU: Abstracts of the Report at the Seminar for Leaders of the All-Union and Central STI and Representatives of Ministries and Departments of the Deputy Chairman of the State Committee for Inventions Artemyev E. I.]. Moscow, Gosudarstvennyi komitet Soveta Ministrov SSSR po delam izobretenii i otkrytii, 1976, 24 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
24.07.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Пинаева Дарья Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института экономики, управления и социальных технологий Казанского национального исследовательского технического университета им. А. Н. Туполева (ул. К. Маркса, 10, Казань, 420111, Россия, dashkevna1@mail.ru)

Darya A. Pinaeva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Subjects, Institute of Economy, Management and Social Technologies, A. N. Tupolev Kazan National Research Technical University (10 K. Marx Str., Kazan, 420111, Russian Federation, dashkevna1@mail.ru)

УДК 94 (47).084.9+323.332
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-130-138

Реакция на иностранцев в ходе реконструкции Выборгского ЦБК в 1985–1987 годах

М. О. Пискунов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация

Цель статьи – проанализировать тактики любопытства рабочих Выборгского ЦБК и их семей наряду с тактиками удержания местных властей в отношении более полутора тысяч финских строителей и инженеров, прибывших на реконструкцию комбината. Работа находится в обширном поле ревизионистской историографии СССР. Однако автор не просто проблематизирует устаревшие тоталитаристские представления, а приходит к выводу, что даже на материале небольшого рабочего поселка и его завода можно найти основания для применения, по крайней мере, к позднему СССР понятия гражданского общества. Гражданское общество при этом понимается не в либеральном ключе – как простая совокупность негосударственных политических институтов – а в русле исходной гегельянской традиции, т. е. как не сводимая к государству сложность социальных групп с собственными интересами и поведением.

Ключевые слова

советский субъект, советские рабочие, ВЦБК, иностранцы в СССР, гражданское общество

Для цитирования

Пискунов М. О. Реакция на иностранцев в ходе реконструкции Выборгского ЦБК в 1985–1987 годах // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 1: История. С. 130–138. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-130-138

Social Reactions toward Foreigners during the Vyborg Pulp and Paper Plant Reconstruction (1985–1987)

M. O. Piskunov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia

Abstract

Over 1,500 Finnish workers arrived to the Sovietsky settlement (Vyborg district, Leningrad region) in 1985 to reconstruct the Vyborg Pulp and Paper Plant (VPPP). The local party and state authorities connected their presence with the profiteering of western goods, prostitution, mendicancy and religious literature distribution in the settlement. To oppose these tendencies they tried to mobilize workers' "consciousness". This event is considered very useful for historians from the point of view of a psychoanalytical collision that could help a subject to manifest and construct itself. The

© М. О. Пискунов, 2019

author studied curiosity tactics of local workers and control tactics of local authorities, concluding that the described tendencies were mostly a product of the authorities' imagination, as a means to control the population. The locals reacted differently to both the presence of foreigners and control attempts of the authorities. The nature of individuals' reactions depended on their social position within the relations of production of the Soviet plant. For example, workers from the production workshops of the VPPP participated in the volunteer auxiliary police unit more actively than their other colleagues. This was obviously a political move, as these volunteers prevented close communication between Soviet and Finnish citizens. Workers from the production workshops were more privileged and therefore had to perform their informal political duties – whether they agreed with them or not. The general conclusion is that historians could use the notion of a "civil society" based on the events during the last years of the Soviet Union for further research. The author considers a "civil society" to be a social non-state complexity that consists of several groups, each with their own interests and behaviors. Future studies could provide a more concrete structure of that Soviet civil complexity.

Keywords

soviet subject, Soviet workers, the VPPP, foreigners in the USSR, civil society

For citation

Piskunov M. O. Social Reactions towards Foreigners during the Vyborg Pulp and Paper Plant Reconstruction (1985–1987). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 1: History, p. 130–138. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-130-138

Взаимодействие между советским государством / обществом и иностранцами – это сюжет, который сегодня лежит на переднем крае исторических исследований СССР. Его значение не только в том, что он в очередной раз проверяет на прочность устаревшие тоталитарные интерпретации мира советского человека, но также в уникальной антропологической рамке этой темы. Иностранец, особенно из стран капиталистического мира – это большой Другой для советского человека, равно как и советский человек – это большой Другой для попадавших в СССР иностранцев. Понятие «Другой» здесь используется в психоаналитическом ключе и описывает ситуацию зеркального столкновения человека с феноменом, который одновременно воспринимается и как родственный, и как совершенно чужой [Жижек, 1999]. Другой – это своего рода кривое зеркало, которое не просто отражает смотрящегося в него индивида, но на различии позволяет тому отчетливее проявить себя.

В этой статье мы бы хотели обратиться к сюжету технической реконструкции Выборгского целлюлозно-бумажного комбината (далее – ВЦБК) и окружавшего его пос. Советский в 1985–1987 гг. Реконструкция, решение о которой было принято на уровне Совета министров СССР еще в начале 1980-х гг., подразумевала полное техническое перевооружение и перестройку предприятия под новейшее финское и австрийское оборудование. Примечательность стройки в том, что строительство новых цехов и монтирование оборудования должны были осуществлять финские рабочие и инженеры. Параллельно с ними должны были работать советские рабочие и строители, занятые перестройкой поселка. В пос. Советский (до 1944 г. – финское поселение Йоханнес), расположенный в Выборгском районе Ленинградской области, с населением около 3 тыс. чел., приехало такое число иностранцев, какого тут не было с самого конца Великой Отечественной войны, когда на место бежавших или высланных финнов приехало русское население разоренных боями деревень Нечерноземья [Мельникова, 2009].

Реконструкция советских промышленных объектов (в том числе заводов целлюлозно-бумажной промышленности) под западные образцы уже привлекала внимание исследователей [Там же]. Однако в их фокусе находились в основном вопросы трансфера технологий, в то время как нам было бы интереснее обратиться к социальной ситуации взаимодействия примерно равных сообществ советских граждан и финских строителей в пос. Советский. Эта ситуация позволяет проследить активность советского «гражданского общества» (за неимени-

ем лучшего слова воспользуемся этим термином) – совокупности локальных советских институтов (партия, профсоюз, комсомол, ДНД и т. п.), которые оказались предоставлены сами себе в необычной ситуации соседства с иностранцами.

Наша реконструкция реакции советских институтов на массовое присутствие рядом с собой иностранцев опирается на подход А. Юрчака, настаивающего, что к коммунистической партии и ее идеологии даже в позднесоветское время относиться нужно серьезно. Не так уж важно, действительно ли герои нашего повествования и советские люди 1980-х гг. в целом верили в коммунистическую идеологию – важно, что система производила определенный дискурс и требовала от своих членов его воспроизводства. Как демонстрирует А. Юрчак, советские люди, даже в том случае, когда они стремились дистанцироваться от советского дискурса, все равно делали это через его воспроизводство и последующее переопределение [2014. С. 165–223].

Тезис данной статьи состоит в том, что иностранцы сами по себе воспринимались руководителями низовых структур советского «гражданского общества» как идеологическая угроза. Руководствуясь логикой воспроизводства господствующего дискурса, партийные руководители инициировали кампанию, которая должна была идеологически мобилизовать рабочих ВЦБК и жителей пос. Советский демонстрировать лояльность советскому образу жизни. Противоречивость этой кампании высветила внутренние разломы микроуровня советского общества и спровоцировала их углубление. Таким образом, чрезмерная (но необходимая в рамках официального дискурса) реакция советских руководителей на мнимую иностранную угрозу подрывала авторитет самого господствующего авторитетного дискурса.

Приезд почти полутора тысяч финских строителей воспринимался советским руководством стройки, завода и поселка как политическая и идеологическая проблема. Вопросы идеологического контроля советского населения в основном падали на плечи местных партийных и административных органов. Очевидная трудность этого контроля заключалась в том, что финские строители и рабочие ВЦБК проживали в одной местности, а общая численность финнов была сопоставима с половиной населения пос. Советский до начала реконструкции. Кроме того, дополнительной головной болью для начальства, стремившегося свести к минимуму контакты между иностранцами и советскими гражданами, было то обстоятельство, что многие финны жили и работали в Советском только в будние дни, а на выходные уезжали к себе в Финляндию. Иначе говоря, стройка не просто предоставляла местным жителям возможность общения с иностранцами – она давала им постоянный контакт с заграницей.

Этот контакт сразу же проявился в расцветшей в поселке пышным цветом «фарцовке». «Фарцовкой» в СССР называли покупку / продажу / перепродажу дефицитных товаров, чаще всего брендовых предметов одежды и аксессуаров [Романов, Ярская-Смирнова, 2005]. Партийные и заводские документы ВЦБК очень много говорят о фарце, она первым делом идет в списке отрицательных аспектов пребывания иностранцев в пос. Советский. В апреле 1986 г. на собрании партийной организации выступила секретарь Выборгского горкома КПСС С. А. Абдуллина, которая упрекнула собравшихся в том, что они попустительствуют фарцовщикам, и сослалась на то, что происходящее подрывает веру финских коммунистов в Советский Союз: «У вас проживает много молодежи, вы ее знаете в лицо, как же можете допустить, что многие из них фарцуют? Часто приходится встречаться с финскими коммунистами, они с большой озабоченностью говорят об обстановке в Советском» [1].

Сложно сказать, насколько организованной была фарцовка на стройке ВЦБЗ. Формальной причиной негативного отношения к фарцовке было ее сходство со спекуляцией. Однако в целях идеологического контроля советские власти были заинтересованы, чтобы представлять

[1] ЦГА ИПД СПб. Ф. О-2554 (Фонд первичной партийной организации КПСС на ВЦБК). Оп. 3. Д. 69. Л. 61.

любой обмен между советским гражданином и иностранцем как возможную спекуляцию. Обратим внимание на контекст, в котором упоминается фарцовка. Вот отрывок из выступления В. Н. Коробова, бригадира слесарей древесно-биржевого цеха, год спустя в ходе обсуждения партийцами 23 апреля 1987 г. контрпропаганды рядом с финнами: «В поселке стали заметны и фарцовщики, и девицы легкого поведения. Нездоровый интерес к иностранцам проявляют и школьники. На заводе уже было много случаев воровства финского имущества и инструмента…» [2].

В выступлении фарца идет в одном ряду с проституцией (?), нездоровым интересом к иностранцам школьников и воровством на стройке. К сожалению, общий контекст только усложнил понимание того, какими именно были социальные последствия появления финнов в пос. Советский. Из всего этого перечня отрицательных явлений, пожалуй, только последнее понятно без дополнительного комментария.

Попробуем последовательно разобраться с остальными частями перечня. Под «нездоровым интересом» школьников, насколько нам удалось разобрать, понимается, прежде всего, попрошайничество. Так, заместитель секретаря партбюро П. Волков, отчитываясь перед товарищами о проделанной к весне 1986 г. работе в области идеологического контроля, отметил: «Созданная и утвержденная на партбюро комиссия содействия семье и школе во главе с членом КПСС Лебедевой Л. В. проводит работу с детьми по предотвращению попрошайничества и безнадзорности» [3].

Гораздо сложнее понять, что подразумевается под явлением, которое Коробов обозначил как «стали заметны… девицы легкого поведения». Первая и очевидная мысль, что речь идет о проституции. Однако против такого толкования есть целый ряд соображений. Во-первых, ни один руководитель завода и поселка в протоколах собраний не говорит, собственно, о проституции – как и Коробов, они используют эвфемизм «легкого поведения». Во-вторых, сложно представить себе организованную проституцию (валютную) в небольшом поселении, расположенном относительно далеко от того же Выборга (до города около часа езды на автомобиле). Наконец, в нашем распоряжении есть любопытный отчет начальника Советского отделения милиции В. С. Лобова на партийном собрании конца апреля 1987 г. В частности, в нем он коснулся абсолютного количества задержаний с начала года и их соотношения по причинам, а также посетовал на «распутное поведение наших женщин»: «С начала года было 440 задержаний по различным причинам. Из них 103 в нетрезвом состоянии, 39 случаев хулиганства. За приставания к иностранцам задержано 53 женщины. Милицией привлекались 65 чел. финнов. Из них 42 чел. по линии ГАИ, 14 чел. за пьянство и 9 чел. за нарушение правил проживания. Очень распущенно ведут себя наши женщины. Только с 1 марта по 22 апреля в милицию было доставлено 19 женщин за посещение финского городка» [4].

Хотя до конца мая 1987 г. советское законодательство не содержало наказания за занятие проституцией и, соответственно, милиция не могла фиксировать ее в качестве преступления, тем не менее, по совокупности создается впечатление, что под «распутным поведением» и «девицами легкого поведения» представители советского руководства подразумевали скорее естественное общение полов, которое, однако, включало проблемных для власти людей – иностранцев. И поэтому ради сохранения своего идеологического контроля над поселком партийные и административные руководители были склонны сгущать краски и описывать под видом проституции совсем другое явление.

[2] ЦГА ИПД СПб. Ф. О-2554. Оп. 3. Д. 73. Л. 6.
[3] Там же. Д. 69. Л. 66.
[4] ЦГА ИПД СПб. Ф. О-2554. Оп. 3. Д. 73. Л. 7.

Скорее всего, аналогичным образом обстояло дело и с фарцовкой. Чаще всего в ней обвиняли заводскую молодежь, которую членам партии предстояло перевоспитать в соответствии с «советским образом жизни». Другими словами, едва ли речь шла о спекуляции, скорее, о жажде личного потребления брендовых иностранных товаров, которые можно было достать через финнов. На это же указывают сетования советских руководителей разных уровней на пассивность и даже попустительство большинства заводчан в отношении фарцовщиков, что едва ли было возможно, если бы речь шла о настоящей спекуляции, как правило, вызывающей острое недовольство. Тот же милиционер Лобов в своем выступлении жаловался на свое бессилие как представителя государства и просил общественного вмешательства в проблему: «В коллективах завода, конечно, знают, кто занимается фарцовкой. Но пассивное отношение большинства окружающих к этому поддерживает их и придает им уверенности. Их поведение нужно выносить на открытое обсуждение в коллективе. К сожалению, милиция не может применить к ним определенных строгих мер, кроме небольшого штрафа, так как закон пока к этим нарушителям слишком мягок» [5].

Наконец, еще одним вызывающим озабоченность партийного руководства фактором была религия. После изгнания финнов в 1944 г. в пос. Советский не было церкви, а сам религиозный вопрос признавался заводскими пропагандистами периферийным. Тем не менее в своем докладе на собрании партийной организации ВЦБК, посвященном вопросам идеологии и контрпропаганды, в апреле 1987 г. уже руководитель парткома завода П. Волков счел нужным напомнить собравшимся о том, что «западные идеологические центры стремятся не только поддержать, но и насаждать религиозность, придать ей антисоветскую и националистическую направленность» [6]. Посетовав на недостаточное внимание местных партийцев к религиозным вопросам, Волков обратил их внимание на то, что такая деятельность «…проявляется в попытках переправить в СССР религиозную литературу. Появилась такая литература и в поселке». К сожалению, непонятно, о какой именно литературе и о каких ее количествах идет речь. Кроме этого выступления Волкова, более тема религии в Советском за последнее советское десятилетие не всплывает (несколько годами ранее заводские пропагандисты признавались, что вопрос атеистической пропаганды для трудового коллектива – периферийный).

Реакция советских руководителей на все эти явления разворачивалась в двух плоскостях: идеологической и административно-мобилизационной. Идеологическая реакция на наличие рядом с собой полутора тысяч иностранцев (по крайней мере, с августа 1986 г.) выступала в двух зачастую противоречащих друг другу ипостасях: в отношении финнов должен был работать комитет «Общества дружбы СССР – Финляндия», а среди советских строителей и рабочих действовал Комитет по контрпропаганде партийной и комсомольской организаций пос. Советский.

Теоретически Общество дружбы с Финляндией было призвано привнести дух сотрудничества между жителями Советского и финнами, а также познакомить их с культурой друг друга. Из практических мероприятий Общества можно назвать, например, две проведенные в конце 1986 г. лекции: «Финляндия – наш северный сосед» и «Современная политическая обстановка в Финляндии», а также советско-финляндский вечер 15 января 1987 г. «Что мы знаем друг о друге». Нетрудно заметить, что адресатом этих мероприятий выступали преимущественно советские рабочие и строители завода, в то время как финны в рамках своих соглашений с советской стороной оставались предоставлены сами себе. Идеологическая важность Общества дружбы и одновременно относительная фиктивность его работы выражалась хотя бы в том, что его местный комитет возглавлял директор завода В. Найдин, а его заместителем там был

[5] ЦГА ИПД СПб. Ф. О-2554. Оп. 3. Д. 73. Л. 7.

[6] Там же. Л. 32.

начальник отдела технического надзора Н. Кузнецов. Учитывая их административные обязанности в развернувшейся стройке, едва ли они имели возможность полноценно заниматься пропагандистской работой.

Зато полноценной пропагандистской работой занимался Совет по контрпропаганде завода. Его структура дублировала структуру партийной и комсомольской ячеек ВЦБЗ и была направлена на агитацию в цехах за «превосходство советского образа жизни». Здесь стоит порассуждать о двусмысленности идеи «контрпропаганды» на советских граждан (!) на советской территории (!). Во-первых, само выражение «контрпропаганда». Приставка «контр-» означает, что это пропаганда, которая противостоит чьей-то другой пропаганде. Однако находившиеся в пос. Советский финны не вели никакой пропаганды. Тем не менее партийные руководители и активисты воспринимали описанные выше связанные с иностранцами явления как свидетельство своих идеологических «недоработок». Похоже, что само присутствие иностранцев воспринималось как враждебная пропаганда. Этот ход мысли нетрудно реконструировать – если фарцовка, как утверждали партийные идеологии, есть неуважение к советскому образу жизни, то наличие финнов с их западной одеждой, западной едой, западной музыкой и т. д. вводит советского гражданина в искус самой простой фарцовки, для себя. Такая иезуитская логика принуждала партию мобилизовывать большие ресурсы на агитацию в цехах против западных брендовых товаров, агитацию изначально провальную – хотя бы потому, что она не содержала в себе никаких аргументов, кроме морализаторства, а также входила в противоречие с тем, что утверждалось по линии «Общества дружбы СССР – Финляндия». В конце концов, если финнов и советских людей связывает дружба, а взаимный обмен и обогащение между народами приветствуются, то почему потребление финских товаров или сколько угодно близкое общение с финскими рабочими это предательство советского образа жизни? Во-вторых, следует обратить пристальное внимание на тот факт, что партия отказалась от активной коммунистической пропаганды среди финнов, ограничиваясь, по сути, оборонительной пропагандой для своих, которая как таковая была не столько пропагандой идей, сколько формой идеологического контроля.

Такой формат бессодержательной идеологической работы вел к тому, что партийные активисты и цеховые начальники стали просто ее саботировать. Этот пассивный саботаж проявлял линии разлома в общественной жизни завода: говоря словами Альфа Людтке [2010], «своевольные» [7] производственные цеха против лояльных администрации вспомогательных. Наличие этого разлома, именно когда речь идет об идеологической работе, подтвердил секретарь парткома завода П. Волков в своем докладе организации 23 апреля 1987 г.: «Используют эту возможность (вызов лекторов «Знания» из Выборга и Ленинграда. – *М. П.*) в основном только цеха вспомогательного производства. Руководство остальных цехов, испытывая трудности при обеспечении аудитории, не умея, а может и не желая заинтересовать рабочих, при попустительстве партийной и профсоюзной организаций стараются отказаться от лекции, даже если ее и навязывают» [8].

Уклонение от выполнения решений партии проявилось и в такой организационно-административной мере противодействия последствиям присутствия иностранцев в пос. Советский, как участие в патрулях дружины завода. 26 февраля 1987 г. было принято «Положение о добровольной народной дружине по охране общественного порядка на Выборгском цел-

[7] Термином «своеволие» (Eigensinn) А. Людтке обозначает пространство свободы действий, которое было у немецких рабочих конца XIX – начала XX в. на капиталистической фабрике. Это не столько данное пространство, сколько постоянно выбиваемое, которое рабочий различными стратегиями «крадет» у своего босса, то, что рабочий делает на работе, чтобы реализовывать себя в качестве человека, а не в качестве подчиненной должностным обязанностям функции труда.

[8] ЦГА ИПД СПб. Ф. О-2554. Оп. 3. Д. 73. Л. 30.

люлозно-бумажном заводе», регламентировавшее деятельность ДНД [9]. Любопытно, что задачи этого института в документе включали не просто поддержание общественного порядка и помощь милиции, но и воспитание советских трудящихся. Согласно положению, ДНД подчинялась партии, а комплектовалась по производственному, цеховому принципу из наиболее «сознательных» рабочих, не имеющих нареканий по части трудовой дисциплины.

Всего в составе ДНД числилось более 90 чел. Несмотря на это общее внушительное число, реальные ежедневные патрули ограничивались небольшими бригадами – согласно положению, не менее четырех чел. Эти дружинники должны были дежурить в своем опорном пункте на заводе или в клубе поселка. Чередование дежурств означало, что средний дружинник отдавал этой деятельности едва ли более одного вечера в месяц. Руководили дружинами цехов или отделов цеховые начальники и их заместители. Общее руководство ДНД осуществлял штаб, теоретически ежегодно избираемый самими дружинниками. Кроме того, положение предписывало не реже раза в месяц проводить общие собрания дружины, на которые приглашались «особо злостные нарушители общественного порядка» для коллективного разбора их поведения. Наиболее вопиющие случаи предполагалось освещать в местной печати.

Тем не менее требования этого документа довольно быстро вошли в противоречие с реальной жизнью завода и поселения. Во-первых, дружине постоянно не хватало людей. Как мы отмечали, имеющиеся 90 чел. «размазывались» тонким слоем на ежедневные смены. Бригада в 4–5 чел. едва ли была способна оказать местной милиции серьезную поддержку. При этом увеличить количество людей в бригаде означало одновременно увеличить количество дежурств на каждого дружинника, что в свою очередь било бы по их мотивации. Это связано со вторым обстоятельством: даже имеющиеся дружинники зачастую не выходили в свою смену. При этом цеховые партийные и профсоюзные организации не могли или не хотели контролировать выполнение графика дежурств своего цеха. В середине 1987 г. при обсуждении этого вопроса на заводском партийном собрании докладчик высказался довольно определенно относительно саботажа некоторых цехов: «А вот в таких цехах как транспортный, древесный, УКС, отдел капремонта, отряды дружинников не созданы вообще или совсем немногочисленны» [10].

Отметим, что жалобы на производственную и партийную дисциплину в транспортном и древесном цехах, а также ремонтном отделе можно было наблюдать и в предыдущие годы – безотносительно иностранцев. Теперь к ним добавилось еще и управление капитального строительства, чья деятельность также подразумевала большое количество слабоквалифицированного ручного труда, который было тяжело политически мобилизовать. Перед нами неоднократно отмеченная [Clarke et al., 1993] советская «цеховщина», осложненная традиционной советской недооценкой роли вспомогательного труда [Filtzer, 1992]. Рабочие и руководители основных цехов получали большую часть инвестиций и влияния на предприятии. Они осознавали свою значимость для власти и для производства. Соответственно, на них же падала и большая часть ответственности за политическую миссию советского предприятия – из этих отрядов рабочих формировались наиболее крупные цеховые ячейки партии. И наоборот, пренебрежение вспомогательными цехами и их рабочими в глазах руководителей предприятия вело к пассивному отношению последних как к своим производственными обязанностям, так и к политическим инициативам руководства.

На материале ВЦБК наша эвристическая схема – иностранцы как Другой – отлично проявила себя. Появление полутора тысяч иностранцев в пос. Советский заставило местные советские организации и институты развернуть кипучую деятельность. К 1985 г. идеологические амбиции партийных руководителей низшего и среднего звена уже не включали в себя

[9] Там же. Л. 23.

[10] ЦГА ИПД СПб. Ф. О-2554. Оп. 3. Д. 69. Л. 83.

надежду распропагандировать финнов и ограничивались консервативной защитой «советского образа жизни». Иными словами, речь шла об усилении контроля над советскими гражданами, для которого иностранцы выступали как своего рода триггер. Документы партийных собраний ВЦБК говорят о конструировании руководителями опасностей от иностранцев – те ищут среди своих подчиненных религиозную литературу, фарцовку, проституцию, попрошайничество. Акценты расставляются максимально жестко: явления, находившиеся в «серой зоне» советского законодательства (фарцовка, проституция), интерпретируются как подлежащие немедленному милицейскому вмешательству.

Одновременно руководители стройки продвигают официальную линию о дружбе советского и финского народов. Получается логическая вилка: финский рабочий друг советского рабочего, но само его присутствие проявляет в советских гражданах худшие качества, требующие максимальной идеологической мобилизации коллективов. Реакцией коллективов и организаций пос. Советский на эти дискурсивные кульбиты своих лидеров стал непрямой саботаж идеологических инициатив. Степень этого саботажа зависела от степени привилегированности того или иного коллектива в системе советского управления заводом и поселком: рабочие основных цехов комбината выступают (или вынуждены выступать) как «более сознательные», рабочие вспомогательных – менее.

Эта ситуация позволяет сделать несколько предварительных замечаний более общего характера. Представляется, что наиболее перспективным понятием, описывающим сложность находящихся вне государственного контроля советских институтов и коллективов, является «гражданское общество». Это понятие, рожденное в условиях рыночных обществ, обычно обозначает совокупность таких форм и способов организации людей, которые существуют автономно (но не обязательно независимо) от государства [Ридель, 2014]. Гражданское общество – это эрзац рынка в социальной и политической сферах, система обратной связи для современных буржуазных государств. Степень автономии советского «гражданского общества» довольно условна, однако нельзя сказать, что ее не существует вовсе. Описанная ситуация с реакцией советских институтов и рабочих на иностранцев позволяет представить «гражданское общество» предперестроечного (строго говоря, 1985–1987 гг. – это уже первая фаза перестройки, но, как представляется автору, такие явления имеют разную темпоральность в политических и культурных центрах и на периферии) СССР как пассивную систему обратной связи. Конечно, никто из рабочих комбината прямо не скажет партийным или милицейским начальникам, что в поисках фарцовщиков они ищут черную кошку в темной комнате, но само «голосование ногами» в ДНД и на заводских идеологических семинарах наводит именно на такие выводы.

Список литературы / References

Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Худож. журнал, 1999. 234 с.

Zizek S. Vozvyshennyi sub'ekt ideologii [The Sublime Object of Ideology]. Moscow, Hudozhestvennyi zhurnal, 1999, 234 p. (in Russ.)

Людтке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. 271 с.

Lüdtke A. Istoriya povsednevnosti v Germanii: novye podkhody k izucheniyu truda, voiny i vlasti [Alltagsgeschichte in Germany: New Approaches to the Study of Labor, War and Power]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 271 p. (in Russ.)

Мельникова Е. Своя чужая история: финская Карелия глазами советских переселенцев // Неприкосновенный запас. 2009. № 2. С. 55–75.

Melnikova E. Svoya chuzhaya istoriya: finskaya Kareliya glazami sovetskikh pereselentsev [Our Own Foreign History: the Finnish Karelia Through the Eyes of a Soviet Settler]. *Neprikosnovennyi zapas* [*Emergency Ration*], 2009, no. 2, p. 55–75. (in Russ.)

Ридель М. Общество, гражданское // Словарь основных исторических понятий. М., 2014. Т. 2. С. 93–220.

Riedel M. Obschestvo, grazhdanskoe [Civil Society]. In: Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatii [Dictionary of Basic Historical Concepts]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, vol. 2, p. 93–220. (in Russ.)

Романов П. В., **Ярская-Смирнова Е. Р.** Фарца: подполье советского общества потребления // Неприкосновенный запас. 2005. № 5. С. 62–68.

Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. Fartsa: podpol'e sovetskogo obshchestva potrebleniya ["Fartsa": the Underground Soviet Consumption Society]. *Neprikosnovennyi zapas* [*Emergency ration*], 2005, no. 5, p. 62–68. (in Russ.)

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 664 с.

Yurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie [Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 644 p. (in Russ.)

Clarke S., **Fairbrother P.**, **Burawoy M.**, **Krotov P.** What About the Workers. London, Verso, 1993, 258 p.

Filtzer D. Soviet Workers and De-Stalinization: The Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relations 1953–1964. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1992, 340 p.

Материал поступил в редколлегию
Received
02.09.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Пискунов Михаил Олегович, преподаватель кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, mpiskunov@eu.spb.ru)

Mikhail O. Piskunov, Lecturer, Department of Russian History, Humanitarian Institute, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, mpiskunov@eu.spb.ru)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГААК	– Государственный архив Алтайского края
ГАНО	– Государственный архив Новосибирской области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАТО	– Государственный архив Томской области
ГДА СБУ	– Галузевий державний архів СБ України
ГИАОО	– Государственный исторический архив Омской области
НАРТ	– Национальный архив Республики Татарстан
ЦГА ИПД РТ	– Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан
ЦГА ИПД СПб	– Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
ЦХАФ АК	– Центр хранения архивного фонда Алтайского края
ЦХИДНИ КК	– Центр хранения и использования документации новейшей истории Красноярского края
ASV	– Archivio Segreto Vaticano

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В «Вестнике НГУ. Серия: История, филология» по направлению «История» публикуются материалы, соответствующие основным разделам журнала: «Всеобщая история», «Российская история», «Методология исторических исследований. Историография», «Документальные страницы», «Рецензии», «Научная информация».

Сроки выхода журнала: январь–февраль (вып. 1) и октябрь–ноябрь (вып. 8) каждого календарного года. Прием материалов для публикации в вып. 1 осуществляется с мая по октябрь, в вып. 8 с ноября по апрель каждого календарного года. Рукописи, поступившие в редколлегию после определенного в требованиях срока формирования выпуска, не принимаются к рассмотрению (о чем уведомляется автор) или, по желанию автора, передаются на хранение в редакционный портфель до наступления сроков формирования следующего выпуска.

С требованиями к оформлению текстов можно ознакомиться на официальном сайте издания: http://vestnik.nsu.ru/historyphilology/history-requirements.

Материалы, предоставляемые для публикации, должны иметь следующий объем:

Статьи: до 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами и учетом всех сносок), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков).

Документальные публикации: до 1 а. л., в том числе вводная статья – до 0,25 а. л. (10 тыс. знаков) и примечания. В примечаниях дается информация о встречающихся в тексте источника именах, неизвестных или малоупотребительных названиях и терминах специального характера.

Рецензии и *Научная информация*: до 0,4 а. л. (16 тыс. знаков).

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после согласования с ответственным редактором, а к публикации – по решению редколлегии.

Материалы для публикации подаются в электронном виде. Все файлы необходимо загружать на официальный сайт журнала (http://vestnik.nsu.ru/historyphilology), зарегистрировавшись в качестве автора, в соответствии с приведенной на сайте инструкцией. Там же можно ознакомиться с последними опубликованными номерами журнала

К рукописи отдельным файлом необходимо приложить полное указание Ф. И. О., сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также номер контактного телефона и электронный адрес автора.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии
Новосибирский государственный университет
кафедра отечественной истории, кафедра всеобщей истории
(ауд. 1264, 1265 нового учебного корпуса)
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 34
E-mail: history@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 18283 в каталоге ОАО «Роспечать»

ISSN 1818-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 1: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 1: History